

МЕТКОЕ МОСКОВСКОЕ СЛОВО

БЫТ И РЕЧЬ СТАРОЙ МОСКВЫ

ОБЩЕСТВО
КНИГОЛЮБОВ

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ

МЕТКОЕ МОСКОВСКОЕ СЛОВО

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1985

ББК 81
И20

Составитель З. МИЛЮТИНА

Художник В. РОЗАНЦЕВ

Иванов Е. П.

И20 Меткое московское слово.— 2-е изд.— М.: Моск. рабочий, 1986.— 320 с.

Книга знакомит с бытом и словом антиквариев, букинистов и ремесленников разных профессий Москвы начала XX века. Автор рассматривает слово вместе с бытовыми реалиями, предметами повседневного обихода, постоянно окружающими человека на работе и в частной жизни. Эти материалы являются замечательным дополнением к москвоведческим работам И. А. Белоусова, П. И. Богатырева, В. А. Гиляровского, И. Т. Кокорева, И. А. Слонова, Н. Д. Телешова. Являясь сочинением популярным, интересным широкому современному читателю, не знакомому с ушедшим бытом, книга также представляет интерес и для знатоков фольклора, живого русского слова.

$\text{И}\frac{1905040000-151}{\text{М}172(03)-86}$ 134—86

ББК 81
4

Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. Произнесенное метко, все равно, что писанное, не вырубливается топором. А уж куды бывает метко все то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а все сам-самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а влепливает сразу, как пашпорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы,— одной чертой обрисован ты с ног до головы!

Н. Гоголь. «Мертвые души».

БЫТОПИСАТЕЛЬ И СОБИРАТЕЛЬ ЖИВОГО СЛОВА

Перед вами уникальная книга — о быте и языке людей самых различных профессий старой Москвы — цирюльников и парикмахеров, извозчиков и портных, сапожников и трактирных половых, банщиков и ресторанных официантов, «ловцов пернатых» и гробовщиков. Большинство этих занятий осталось в прошлом целиком, другие вместе с изменением социальных условий, вещного окружения и технического вооружения настолько переменили свои формы и облик, что тоже могут считаться в своем прежнем виде исчезнувшими.

Автора интересует все: внешний вид его героев, их одежда, их жилье, еда, условия их труда, сам процесс работы, заработок, образ мышления. И главное — их живая речь.

Каждая городская профессия обладала своей терминологией, вырабатывала свой «язык» — прискаски, выкрики, прибаутки, острословицы, рекламировавшие товар, рисующие производственный процесс, метко характеризующие и покупателей, клиентов, и самих работников. Этот летучий словесный материал, содержащий в себе огромные речевые богатства, оказался в специальной научной литературе зафиксированным гораздо меньше, чем, например, язык территориальных («крестьянских») диалектов. Поэтому значение записей Е. П. Иванова, первые из которых были сделаны в начале нашего века, исключительно велико. Их ценность отмечал крупнейший знаток славянского фольклора П. Г. Богатырев. В 1934 г. для издательства «Academia» предисловие к книге написал В. В. Виноградов, как явствует из его писем к Н. М. Виноградовой-Малышевой (архив АН СССР). По нескольким сохранившимся фрагментам можно видеть, что ученый высоко оценил очерки Е. Иванова, считая, что они «содержат ценный этнографический, фольклорный и языковой материал. Появление этих очерков в печати крайне желательно,— писал В. В. Виноградов.— Для исследователя и любителя русской народной профессиональной речи, для

фольклориста, изучающего словесное творчество представителей разных цехов и профессий, работа Е. П. Иванова дает много нового <...> Словарь к записям Е. П. Иванова содержит в себе лексику, характерную для массового языка города, для языка профессий, и объяснение непонятных читателю областных слов и специальных терминов. Огромное большинство и выражений профессиональных и просторечных вводится в научный оборот впервые — они не зарегистрированы ни в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, ни в имеющихся в наличии выпусках Словаря русского языка Академии наук СССР, ни в известной книге «Русская мысль и речь» М. И. Михельсона».

Кем же был автор этой книги, и каким нам сейчас видится его портрет на фоне того времени, в которое он жил?

1

Евгений Платонович Иванов (1884—1967) родился в Нижнем Новгороде. Его дед был крепостным графа Шереметева, отец начал с мальчиков в одной из винных контор, потом стал писцом и самоучкой выбился в нотариусы, открыв собственную контору. Мать Е. П. Иванова, урожденная Суслова, была двоюродной сестрой А. П. Сусловой, чье имя связано с Ф. М. Достоевским и В. В. Розановым, и Н. П. Сусловой — первой русской женщины-врача. А. П. Суслова была дружна с племянником, переписывалась с ним до конца своей жизни и, по собственному его признанию, оказала на него большое влияние. «Она давала направление моему робкому перу,— писал позже в автобиографии Е. Иванов,— бранила за неудачи, и я очень считался с ее мнением» [1]. Семья была литературная: когда Е. Иванов впоследствии стал издавать театральный журнал, там с рецензиями и заметками о музыке, истории театра выступала его мать, а с сатирическими стихотворениями и эпиграммами — отец. Еще в бытность в Нижнем Новгороде отец прославился едкими памфлетами на тамошнего губернатора Н. М. Баранова.

Первые рассказы Е. Иванова появились в нижегородских газетах. В родном городе в 1905 г. увидел свет и первый его сборник-брошюрка из трех рассказов: «Лесная сказка», «Остап Кирчага», «Сон счастья». По первому из них фирма Патэ выпустила в 1913 г. фильм «Невеста пламени». Несмотря на

[1] Пользуюсь случаем поблагодарить А. Г. Морозова, у которого хранятся данные материалы, за любезно предоставленную мне возможность ознакомиться с ними.

то что в эти годы Е. Иванов печатает несколько пьес и даже с успехом ставит в 1909—1910 гг. две из них («Золото» и «Сны») на подмостках местного городского театра, он еще не отдается литературному труду целиком. После окончания гимназии в течение восьми лет служил в нотариальной конторе отца, потом работал самостоятельно и даже получил за оказанные персидским торговцам услуги орден «Льва и Солнца» [1].

В 1910 г. семья переехала в Москву (где отец, П. П. Иванов, открыл свою нотариальную контору на Воскресенской площади). С этого времени Е. Иванов становится профессиональным литератором — печатается в газетах и журналах «Театрал», «Сцена и арена», «Новости сезона», в провинциальных изданиях. Его пьеса «У клетки львов» (1914), написанная, по отзывам критики, «в ярких, смелых и кошмарно-тяжелых тонах», пользовалась успехом на московской и провинциальной сцене, а драма «Человечики», шедшая в театре П. П. Струйского, заняла заметное место среди новинок сезона 1914—1915 гг.,— о ней говорили не иначе, как о «нашумевшей» и «сделавшей фурор» [2].

Эпиграммы на входившего в моду драматурга печатались в одной подборке с эпиграммами на В. Брюсова, Л. Андреева, Ф. Сологуба [3]. В выпущенном в начале первой мировой войны лубке портрет-медальон Е. Иванова был в компании с изображениями Е. В. Гельцер, Ф. А. Корша, Л. В. Собинова, М. П. Арцыбашева, Скитальца, Власа Дорошевича [4].

В 1913—1914 гг. Е. Иванов издавал журнал «Театр в карикатурах». Задумав его сначала как целиком юмористический, редактор-издатель уже в первых номерах переориентировался. В программной статье он писал: «Довольно кривляний, довольно условностей, довольно режиссерских трюков и искусственных головных ухищрений. Время этого дурмана прошло, мы снова на пороге обновления. А источники его — в образцах и традициях нашего реального театра» [5]. Серьезного издания из журнала не вышло; однако он подробно давал театральную хронику, был богато фотоиллюстрирован, в нем сотрудничали талантливые художники-карикатури-

[1] Нижегородский листок, 1909, 8 сентября, № 245.

[2] Голос Москвы, 1914, 18 декабря, № 291; Обозрение театров, 1914, 19 декабря, № 2620; Брачная газета, 1915, 1 ноября; Курский театр, 1915, 30 августа, № 16.

[3] Северное утро, 1916, 7 мая.

[4] Столичная молва, 1914, 13 октября, № 394; Сцена и арена, 1916, 25 декабря, № 20—21.

[5] Театр в карикатурах, 1913, № 3, с. 8.

сты Челли (В. К. Васильев), Мак (П. И. Иванов), Алякри (П. А. Алякринский). Сам редактор вел еженедельное театральное обозрение-фельетон «Около кулис и сцены», писал рецензии на все драматические, оперные и балетные премьеры, делал отчеты о вернисажах (в частности, о выставке Н. Гончаровой), писал заметки о спорте, отзывы на поэтические сборники, юмористические шутки на театральные темы («Как сделаться драматургом», «Как появился первый антрепренер»). В журнале был и литературный материал — в частности, в нем впервые опубликованы рассказ А. И. Куприна «Люция» [1] и стихотворение В. В. Маяковского «Скрипка и немножко нервно».

Предвоенная Москва жила бурной, лихорадочной жизнью. «Эти улицы с огненными вывесками кинематографов,— писал современник,— с криками продавцов увеселительных программ, с этой куда-то стремящейся, суетливо чего-то ищущей толпой веселых женщин, эти кабаре с танцующими «красными дьяволами и дьяволицами», с танцами апашей, с маскарадами, с оголенными Ледами и «ассирийскими юношами», голые ноги которых выкрашены в голубой цвет» [2], вечера с новомодным танцем танго, «феерические» эстрадные представления, лотереи, конкурсы, грандиозные балы в редакциях газет и театральных журналов... В эту жизнь с головою погрузился молодой драматург и театральный журналист-издатель. Он постоянный посетитель всех премьер оперы, кордебалета, оперетты, кружков любителей, завсегдатай варьете, ночной актерской чайной, охотничьего и немецкого клубов; об открытии каждого нового кабаре пишет заметки в своем журнале. Он непременный участник литературно-артистических собраний «Лау-ди-тау» и «Зеленой лампы» — «интимного кабаре литераторов, художников и артистов». О стиле и тоне этого кафе можно судить по тексту сохранившегося в архиве Е. Иванова печатного приглашения: «В субботу 15-го сего февраля 1914-го года в 11 ч. вечера в ресторане «Петергоф» (Моховая, против Манежа) впервые зажжется «Зеленая лампа». «Зеленая лампа» надеется видеть Ваше лицо, г. Е. Иванов, в ее лучах. Писатели и деятели рампы покорнейше вас просят, лорд, прийти на огонек «Зеленой лампы» и поддержать вступительный ак-

---

[1] Театр в карикатурах, 1914, № 7—8 (23—24), с. 10. До сих пор место первой публикации рассказа в изданиях Куприна не указывалось, в том числе и в нашем комментарии к этому рассказу (*Куприн А. И.* Собр. соч. в 9-ти т. М., 1973, т. 7).

[2] *Ардов Т.* (*В.* Тардов). Отражения личности. М., 1909, с. 163, 164.

корд. Мы обещаем Вам всю ласковость уюта, улыбки женские и блеск острот, и флирт; Вы не заметите, как промелькнут минуты, Вы не заметите, как опьянит вас спирт» (ЦГАЛИ).

Человек бьющей через край энергии и феноменальной общительности, Е. Иванов постоянно затевал разнообразные коллективные литературные или, скорее, литературно-собирательские мероприятия. В 1912 г. он начинает сатирический рукописный журнал «Сопли. Орган независимой мысли»; не успев приступить к изданию театрального журнала, он уже дает в нем объявление, что при редакции «организуется оригинальный юмористическо-театральный музей, состоящий из автографов, шаржей, набросков и различных предметов, имеющих какое-либо отношение к театру» [1]. В это же время он затеял коллективную рукописную сатирическую «Родословную книгу славного и благочестивого рода бояр, а впоследствии дворян русских Блайожиных», состоявшую из рисованных шаржированных портретов, а также биографий, проектов, стихов в прутковском духе и прочего творчества представителей славной фамилии [2] (все листы хранятся у З. А. Милютиной).

В 1914—1917 гг. он собирал альбом автографов писателей, художников, артистов. Сохранились стихи, экспромты, изречения, шутки Н. Асеева, Н. Архипова, А. Балашовой, Н. Васильева, Д. Гутмана, Е. Гельцер, А. Грина, Р. Менделевича, Д. Ратгауза, В. Тодди, А. Рославлева и других. Тогда же он устраивает писание коллективного «романа с готовыми иллюстрациями» «Вечное», главы которого, сменяясь, почти два года писали литераторы, поэты, писатели П. Алексеев, Д. Бурлюк, Н. Вержбицкий, Е. Вашков, А. Грин, А. Каменский, Н. А. Соколов, А. Пазухин, В. Сысоев, Е. Хохлов, грузинский поэт И. Мчедлишвили, художники П. Алякринский, В. Внуков, Л. Мелик-Пашаев, артисты А. Бартенева, Н. Комаров, М. Марева, японская артистка Шико-Ятто, режиссер С. Корсиков-Андреев, балерина Софи Пти, артистка оперетты Е. Иваницкая, редактор журнала «Шут» В. Языкова, клоун Бом (Карл Штейн), артист эстрады Н. Смирнов-Сокольский и другие. Этот роман, пародирующий шаблоны бульварной литературы, любопытен не только текстом, но и своими своеобразными «иллюстрациями». В этом качестве выступали не только рисунки, фотографии или вырезки из

[1] Театр в карикатурах, 1913, № 4, с. 1.

[2] *Блюменау Р.* Бархатная книга дворян Блайожиных.— Экран, 1927, № 47, с. 12—13.

журналов и газет. В альбом с текстом романа наклеивались трамвайные билеты, бутылочные этикетки, рецепты, сигнатуры, кредитки, монеты, магазинные чеки, рыболовные крючки, сургучные печати, пуговицы, булавки, лоскуты тканей и куски овчины, шпильки, крыло летучей мыши, куски сетей, кружев, ключи, кадры кинопленки, елочные украшения, стоптанные подошвы, лотерейные билеты, марки, карандаши, перья и шляпные перья, граммофонные пластинки, бальные перчатки и парики. Эта шуточная и, очевидно, самая пестрая коллекция из всех, собранных Е. Ивановым, этот своеобразный поп-арт из предметов, не попавших ни в какие музеи, неожиданно — именно из-за своей случайной неотобранности — дает некое добавочное представление о вещно-бытовой стороне жизни эпохи.

Бурный артистический темперамент постоянно бросал Е. Иванова все в новые виды деятельности. Он пишет киносценарий исторической хроники и сам снимается в ней в ролях графа Орлова, боярина Морозова, графа Шувалова [1], едет в турне по провинции, сочиняет эстрадные обозрения и сам участвует в них. «Всехсвятский Серебряный бор,— гласила афиша летнего сезона 1916 г.— Грандиозный концерт-кабаре под управлением и при участии в качестве конферансье писателя Евгения Иванова. В концерте выступят любимец публики Смирнов-Сокольский с новым злободневным репертуаром, негритянские танцоры Зум-Зум и Дум-Дум (С. Смирнов и И. Посельский). Русская народная песня «Вдоль да по речке, речке по Казанке...» Инсценировка Евгения Иванова».

Уже после революции, в 1918 г., Е. Иванов организовал при кафе Всероссийского профсоюза артистов сцены и арены ежедневные артистические представления «Балаганчик искусств», сам был их режиссером и вел конферанс. «По вечерам у нас собирается большинство артистической и литературной Москвы,— вспоминал он в 1932 г.— Мест не хватает... Выступают все — кто может и хочет. Циркачи смешиваются с поэтами, эстрада — с артистами государственных театров. Первая в Москве необычная по пестроте и неожиданности программа». И конечно же организатор собраний кладет «на стол альбом... В результате — коллекция автографов и экспромтов». Альбом сохранился; в нем — фотографии, афиши, программы, рисунки карандашом, пером, акварелью, стихи,

---

[1] Московский листок, 1913, 5 января, № 5; Руль, 1913, 14 января, № 389; Новости сезона, 1913, 24 января, № 2543.

записи, шутки П. Алякринского, Арго, Я. Бадикова, М. Гаркави, Ю. Горина, Л. Дризо, В. Лазаренко, В. Мейерхольда, Ю. Наумова, Н. Павлович, С. Садовникова, П. Садовского-младшего, Н. Смирнова-Сокольского. Е. Иванову в этом альбоме посвящены десятки стихотворений, шуток, экспромтов. Поэт Р. Менделевич писал: «Этнограф с детства кропотливый, Сбиратель острых он словец, Актерам преданный отец, Поэтам — братец суетливый. Среди случайностей, подвохов Из всех нас сделал скоморохов». «Кто не знает Иванова? — вопрошает другой экспромтер.— Иванова знает целый свет!»

Е. Иванова действительно знала «вся Москва», и он знал всех. Он приятельствовал с многими артистами театра, эстрады, цирка, кафешантана, десятками журналистов, писателей. Он был знаком или дружен с Леонидом Андреевым, А. М. Горьким, А. С. Грином, В. А. Гиляровским, В. Л. Дуровым, А. И. Куприным, В. Г. Лидиным, Максом Линдером, В. В. Маяковским, А. М. Пазухиным, М. Е. Пятницким, И. Л. Толстым, А. И. Южиным-Сумбатовым, Г. Б. Якуловым. Некоторое представление о широте его знакомств, в частности с окружением Маяковского, дает сохранившийся текст воспоминаний о поэте, с которыми он выступал в ноябре 1934 г. на вечере «смычки с рабочими метро». Вот их оглавление: «Мое знакомство с Владимиром Маяковским. Давид Бурлюк. Появление левых течений в искусстве. Среда, окружавшая Маяковского. В. В. Каменский. М. Ф. Ларионов, инцидент М. Ф. Ларионова с артистом Малого театра Н. О. Васильевым. Портрет Васильева, написанный Маяковским <...> Роль Давида Бурлюка в направлении Владимира Маяковского на путь поэзии. Моя поездка с В. Маяковским и Д. Бурлюком в Петроград. Маяковский на эстраде «Бродячей собаки». Закрытие «Бродячей собаки». «Политические соображения» относительно смокинга. «Лау-ди-Тау». Н. Вержбицкий, Е. Хохлов и В. Тодди. «Дядя Пуд». «Тухлое яйцо — натощак». «Зеленая лампа», «Бой быков в Испании». Оригинальная встреча В. Маяковского с корнетом Савиным. Случай в Комаровке. Маяковский и Григорий Шуляк. Курьезный инцидент с романистом А. М. Пазухиным и история одной карикатуры. Автошарж Маяковского. Три портрета. Лубок русско-германской войны. Маяковский в лазаретах для раненых солдат, Маяковский — редактор стихотворений «экзекутора казенной палаты» Афанасия Павловича Шевлякова. <...> Кафе поэтов в Дегтярном переулке. «Подполье друзей театра». Кафе-столовая «Сцена и арена». Маяковский о

фольклоре». Сохранилось четыре портрета Е. Иванова 1914—1915 гг. работы Маяковского, три из них — шаржированные [1].

2

Е. П. Иванов начинал писать в сложное время — время бурного развития в русской литературе многоразличных течений и направлений — от реалистов-«знаньевцев» до символистов и футуристов. Как писал в одном из своих сатирических стихотворений П. П. Иванов, «плодятся искусства // Различных сортов: // То слово без чувства, // То чувство без слов, // То танец под слово, // То роспись лица... Все вычурно, ново, // Пестро без конца» [2].

Не обладая внутренней творческой самостоятельностью, Е. Иванов испытывает самые разнородные, порой противоположные влияния.

Он хорошо знает быт, имеет тягу к детальному его изображению. Где-то совсем рядом уже лежит натурализм, который сильно чувствуется в некоторых рассказах молодого литератора. Так, подробно описывается, как на бойне «люди в фартуках бросаются на бьющееся в конвульсиях полуживое существо и, не дожидаясь конца, сдирают упругую кожу» («Человек-победитель»), или рассказывается, как некий господин, умеющий «во всей природе для себя гастрономию найти», ест живых раков, пьет «горячую кровь от только что зарезанного теленка» («Злое чрево»), или изображается разрезанное трамваем тело («Ноги»).

И одновременно он отдает дань совершенно противоположной манере — пишет «эскизы», «силуэты» с ослабленным сюжетом, переполненные авторскими медитациями в сентиментально-возвышенных тонах с претензиями на решение мировых проблем: «Зачем ты, природа, так шутишь над человеком? Зачем ты даешь ему сознание, разум и волю, зачем, открыв прекрасное, так быстро отнимаешь дары свои? Зачем так туманны наши дни? Зачем?» («В тумане дней»). «Светлая, лучезарная природа, хранящая вдохновение пестрой жизни!.. Скажи мне о человеке, в формы которого облечен мой дух и сознание. Чем выше он животного, хищного, дерзкого и требующего крови? Где корона его — царя, самозванно венчавшегося? Где высокие принципы его культур-

[1] Хранятся: два — в Государственном Литературном музее, третий — в ЦГАЛИ, четвертый — в собрании З. А. Милютиной. Два воспроизведены в очерках З. А. Милютиной: Неделя, 1973, № 28, с. 9; Огонек, 1976, № 32, с. 17.

[2] Театр в карикатурах, 1913, № 8.

ной души? Где сам человек, невидимый в пестрой, говорливой людской толпе?» («Кусочек мяса»). Это тот самый стиль, который характеризовал бойкий критик-современник: «Под маской утонченности чувствуется нежная лирическая печаль и красивая тоска поэта-мыслителя» [1]. Как изысканно писал рецензент первого сборника рассказов Е. Иванова, в них «нежной очаровательной грустью благодарного идеализма заворожена жизнь» [2].

Приехавший из провинции литератор отдает дань закатному эпигонству тематики и стилистики, как новация явленной за полтора десятилетия перед тем в стихах В. Брюсова: «Как сон, разлит смертельный аромат <...> Цветы дрожат, сильнее дышат травы, чарует все, все выдыхает яд <...> Мы будем наслаждаться, играть, блуждать в венках из орхидей...» В рассказах Е. Иванова изображаются альковы «с ярко кровавыми, дурманящими, пьянящими розами» («Курортный рассказ»), описываются «пышные гостиные, где курился душистый дурманящий опиум гашгоне, загадочные травы мудрецов сладострастного востока и жила маленькая стройная фея наслаждений». В этих гостиных собирались люди, которые «свободно верили, любили, чувствовали и искали друг друга». Но когда на пиру их «обносили игристым, пенящимся и безумствующим вином, то в одном из резных бокалов пряталась капля яда... Смерть от него была прекрасной, сказочной и убаюкивающей сердце» («В тумане дней»).

Не остался чужд Е. Иванов модным «вопросам пола» — на его сборник «Так вот она, любовь. Эскизы жизни, кошмары любви и силуэты безумства» (М., 1916) Комитетом по делам печати был наложен арест.

С самых первых шагов молодого литератора была ощутима его тяга к необычному — сюжетам, положениям, героям. В одном рассказе повествуется о молодом человеке, выкрадывающем из склепа кости девушки, жившей за сто лет до него, и помещающем ее руку в стеклянный футляр на своем письменном столе («Мы оба здесь»); в другом — рассказчик узнает, что его любовница, негритянка-акробатка, в детстве была каннибалкой, и видит, что она с удовольствием об этом вспоминает («Людоедка»); есть рассказ о сиамских близнецах-девушках и соблазнении одной из них («Жанетта и Розалия»).

Среди этих рассказов нередки произведения далеко не безупречного литературного вкуса, художественный уровень

[1] Литературный календарь-альманах. СПб., 1908, с. 71.
[2] Театрал, Нижний Новгород, 1910, 30 января, № 38, с. 4.

большинства из них очень невысок. Это именно «наброски», «картинки жизни», как обычно обозначал их автор, «зарисовки» — результат наблюдательности и богатого жизненного опыта, общения с людьми самых разных сословий и профессий.

Пьесы Е. Иванова, как и рассказы, отразили пеструю картину самых разнородных литературных влияний. Среди них находим прежде всего «бытовые» драмы. Во второй его пьесе («Золото») изображены, по словам рецензента, «бедняки, вечно бьющиеся в тисках нужды» [1]. В пьесе «Человечики» критика усматривала сходство с драматургией Чехова — в изображении «обыденной и серой жизни». Как явствует из предисловия автора к этой пьесе, сам он претендовал на изображение в ней социального процесса: «80-е годы прошлого столетия. Дворянство перезакладывает свои родовые имения, доживает последние былые рубли былых состояний <...> На смену барину-помещику идет его бывший крепостной, случайно разбогатевший выходец из крестьянской среды — жуликоватый кулак. Он делается арендатором барских земель, скупает на сруб леса <...> Но и ему идет смена — тип кулака, стоящего на пороге торговой гильдии, на пороге от деревенской эксплуатации к систематически организованному по ростовщическому принципу городскому лабазу» [2].

В бытовом ключе написаны пьесы «Первый снег. Картинки мобилизации» (1905), «Вальс» (1909). В драме «Сны» (1910) бытовой материал заключен в рамку сюжета со спасением падшей, отказом героя ради нее от любимой женщины, целованием рук спасшему, самоубийством спасенной в конце и обрыванием струн на скрипке в финальной сцене. «Трясина» (1910) — мелодраматическая пьеса с выспренной фразеологией, пощечинами, отравлением, чахоточным мужем и его женой, становящейся публичной женщиной, и — под занавес — самоубийством из револьвера, присланного бывшим возлюбленным.

Когда было провозглашено, что «быт умер» и сцену заполонили драмы, изображающие «жизнь человека» вообще, в аллегорических сюжетах, и в них явились обобщенно-символические фигуры, воплощающие отвлеченные идеи, молодой драматург живо откликнулся на призыв моды, написав «Дневник смерти. Феерическое представление» (другое название — «Белая дева. Власть смерти», 1908—1914). В этом

---

[1] Нижегородский листок, 1909, 25 ноября.

[2] От автора. Рукопись, 1912 (хранится у З. А. Милютиной).

представлении действие разворачивается в средневековой башне, в хижине Старухи-Войны, в Храме Вечности, Пропасти Прошлого, а среди действующих лиц — Неизвестность, Жизнь, Тайна Рождения Человечества, Единая, Общая Душа Человечества и т. п., которые вещают выспренно-торжественным языком. А вот как описывал Е. Иванов предполагаемую постановку другой своей пьесы — «Вечное» (была запрещена цензурой военного времени): «При полном мраке поднимается занавес и обнажает черную глубокую нишу в форме треугольника, однообразного и равного по сторонам (треугольник — древнеегипетский символ вечности). К громадному камню вечности крепкими цепями прикована сильная, мускулистая фигура человека. На стене ниши — громадный маятник времени» [1].

Впоследствии сам автор достаточно сурово отнесся к драматическим опытам своей молодости. В его архиве сохранилась такая относящаяся к ним запись, сделанная в 30-е гг.: «В этой папке собраны произведения, не заслуживающие ни печати, ни оглашения, ни просто прочтения». И другая: «В этот каталог внесены мои первые пьесы, которые я считаю совершенно непригодными для постановки».

3

Уже в ранних рассказах и пьесах Е. П. Иванова сквозь все наслоения модных тем и манер явственно видна та особенность автора, которая сыграла решающую роль в его жизни,— пристальное внимание к быту, жизни людей самых разных профессий и профессиональной обстановке. В его первых пьесах действуют шорники, купцы, лакей кавказского ресторана, кучер, уличный сторож, артельщик, игрок на бегах, лоцман, прачка, «учитель шансонетного искусства», охотники, псари, сапожник, агроном, горничная, наемные плакальщицы, доктор, «приятель богатых купчих», дирижер ресторанного хора, сапожный подмастерье, художник, укротительница зверей, городовой, клоун и т. д. В ремарках даются подробные описания места действия, разрастающиеся до размеров прозаического очерка «из быта»: «Жилье сапожника. Подвал со сводом, разделенный тонкой, не доходящей доверху, переборкой <...> Инструменты, колодки. На правой свободной треножке доска для резки кожи, на ней нож, тут же опорки. Разбросана починочная обувь. Торчит огромный

[1] Театр в карикатурах, 1914, № 7—8.

кнут-шпандырь в несколько разветвлений. Мальчик, зажав правой рукой кусок кожи с варом, решительно проводит дратву» («Вальс», 1909). «Мастерская в подвале шорника Шустера. Стучат маленькие молоточки, шумят и дребезжат машины, жужжат колеса <...> Воздух в мастерской удушлив, тяжел» («Золото»). Последняя подробность — явно не драматического, а прозаического типа. В самой же прозе Е. Иванова бытовой колорит еще гуще. В его рассказах описываются полицейский участок («Лишняя жизнь»), госпиталь, анатомический театр («Из записок брата милосердия»), вагон («Ночь в вагоне»), номер ташкентской гостиницы («Привидение»), часовня для мертвых тел («У входа в ад»). В некоторых из этих рассказов Е. Иванова легко узнается тот материал, который вошел в книгу о быте и слове старой Москвы.

В драмах и рассказах Е. Иванова герои из простого народа говорят вполне традиционным и даже шаблонным языком, выработавшимся в сценках Н. Лейкина, И. Мясницкого и их многочисленных подражателей еще в 1870—80-е гг.: «А што как насчет тово... энтово...», «Одно што рази, хушь вы и господа...». Единственное, что обнаруживает в авторе будущего знатока живого слова, это изображение того речевого явления, которое займет позже столь существенное место в его главной книге,— употребление «ученых» слов представителями полуграмотной, как правило, мещанской среды. Вот как, например, говорит артельщик из пьесы «Первый снег. Картинки мобилизации» (1905): «Я, значит, храня свою анбицию и тридцатилетнее интересное положение при заводе... Жизнь дело обчественное и направление особое имеет». Или другой герой, уже из прозы, из рассказа «Обходительный господин»: «Состояли мы три года по направлению лошадиного и конюшенного порядка при господине губернаторе. Персона и человек агромадные-с» (см. разд. 7).

Может показаться странным, что такой превосходный знаток быта и речи, уже давно изучающий их специально, продолжал писать рассказы и пьесы, следуя беллетристическим шаблонам. Однако это явление не столь редкое в литературе. В качестве близкого по времени примера можно вспомнить литератора В. О. Михневича (1841—1899). В 70—80-е гг. он писал очень посредственные юмористические сценки в лейкинском духе, составившие несколько сборников, и одновременно основательно и серьезно занимался историей быта. К 90-м гг. он целиком перешел на очерково-научные жанры, создав такие известные в свое время труды,

как «Исторические этюды русской жизни», «Пляски на Руси в хороводе, на балу и в балете», «Черты быта и нравов XVIII столетия», работу по истории карточной игры в России и многие другие. Путь, похожий на этот, проделал и Е. Иванов.

4

Неожиданно для многих, уже получивши некоторую известность драматурга и журнально-театрального деятеля и уже выйдя из студенческого возраста, Е. Иванов поступил в 1915 г. в Московский археологический институт. Для него самого это, однако, не было такой уж неожиданностью. Интерес к этнографии, русской старине возник у него давно. «Самой большой моей страстью в жизни являлось увлечение литературной работой,— писал он впоследствии.— Лет 17-ти появилась у меня новая страсть — к изучению предметов русского народного искусства, которая захватила меня, пожалуй, не менее, чем первая, и которая до настоящего времени не покидает меня». Именно тогда он бывал у известного нижегородского любителя и знатока старины присяжного поверенного И. X. Исаковича, собиравшего мебель всех эпох, миниатюры, фарфор, серебро, оружие и многое другое. Возможно, что и это увлечение Е. Иванова не обошлось без влияния А. П. Сусловой, квартиру которой он посещал с детства. Обстановка этой квартиры, вспоминал он, «была миниатюрной коллекцией этнографа, успевшего побывать всюду. Японское искусство, Древний Китай, фотографии арабов, турок, сирийцев, ткани и костюмы различных народов, сухие аравийские розы, фонарь из Италии, ковер-гобелен из старого Парижа...» [1].

Е. Иванов становится страстным коллекционером. Он собирает иконы, лубок, рукописные и старопечатные книги, геммы, старое кружево, шитье, сарафаны, кокошники, кики, платки, предметы старинного быта. Желание пополнить и систематизировать свои знания и привело его в археологический институт, который он окончил с отличными оценками по всем предметам; среди них, в частности, были история русского языка, палеография, греческая эпиграфика, этнография, археология, нумизматика, музееведение, русская историография. В отзыве, данном ректором института профессором А. И. Успенским, говорилось: «Окончивший курс

[1] *Иванов Е.* Дочери крестьянина Прокопия Суслова, 1928. (Рукопись, ЦГАЛИ.)

Московского археологического института с званием ученого археолога Евгений Платонович Иванов, давно занимавшийся изучением древнерусского искусства и быта и собиранием памятников отечественных древностей, при окончании курса в институте представил диссертацию на тему: «Влияние иностранных художников и архитекторов на русское искусство во второй половине XVII века», свидетельствующую о солидной научной подготовке автора и уменье его обращаться с собранными материалами. В сочинении подробно излагаются условия, благоприятствовавшие деятельности в России во второй половине XVII века иностранных художников и архитекторов, обстоятельно рисуется положение их в Москве, обучение ими русских учеников и обследуются памятники архитектуры и живописи того времени, на которых отразилось иностранное влияние,— помимо обширного литературного и архивного материала в распоряжении Е. П. Иванова было множество древнерусских памятников живописи и архитектуры». За это сочинение выпускник был награжден золотой медалью. Именно в стенах этого института Е. Иванов воспринял то совершенно определенное, идущее еще от Н. С. Тихонравова несентиментальное, трезвое, «реальное понимание русской старины» [1].

Замечательный знаток предметов старины, начиная с 20-х и до 50-х гг. Е. Иванов работал государственным экспертом по коврам и антикварным предметам, шефом аукционов предметов искусств в Помголе (помощь голодающим Поволжья), экспертом в комиссии А. М. Горького, председателем совета научных экспертов и художников-реставраторов, экспертом по древним и декоративным тканям и коврам отдела товароэкспертиз Всесоюзной торговой палаты.

В 20-х — 40-х гг. Е. Иванов опубликовал несколько работ — о скоморохах, о ковровом производстве, народных музыкальных инструментах, русских пряниках, русской народной вышивке и кружеве, о русском костюме. В 1937 г. Изогизом была выпущена его книга-альбом «Русский лубок». В издательстве «Искусство» во время войны были утрачены рукописи книг «Русский народный орнамент» и «Орнаменты народов СССР». Среди бумаг Е. Иванова сохранились материалы для «Скоморошьего сборника» (около 40 авт. л.).

В 1924 г. судьба снова свела Е. Иванова с театром. Вот как он сам писал об этом: «Постоянные поездки с целью изучения древностей натолкнули меня на мысль широкой по-

[1] *Пыпин А. Н.* Н. С. Тихонравов и его научная деятельность.— В кн.: *Тихонравов Н. С.* Соч. М., 1898, т. 1, с. 30.

пуляризации всех видов народного творчества. Так как самым выразительным распространителем такого дела могла служить сцена, я решил применить мои записи к театральным подмосткам». Вместе с профессором А. В. Никольским и профессором А. И. Успенским Е. Иванов организовал «Первый научно-этнографический театр в Москве». Для этого театра он написал около полутора десятков сценариев: «Свадьба в Вологодской губернии (сватовство, сосватки и смотрины, причеты невесты и подружек, баня, девичник, княжий стол и гулянье)», «Плачи Новгородской губернии», «Заклинательные пляски шаманов. Большое камланье», «Сионская горница (корабельное радение хлыстов)», «Песни и карагоды Поволжья» и др. Постановки труппы по этим сценариям шли в 1925 г. на сценах московских клубов, театров, в парках и на выставках. Сценарий «Разум огненный» (о раскольниках-самосожженцах XVII—XVIII вв.) был принят к постановке в Культкино, в дальнейшей работе над ним предполагалось участие А. В. Луначарского[1]. В последующие годы эта сторона многообразной деятельности Е. Иванова не затухала — он был председателем научно-этнографической и историко-бытовой комиссии при Союзе цыган, руководил постановкой представлений народного театра-балагана в ЦПКиО им. Горького[2], был научным консультантом по костюмному оформлению народных сцен в Малом театре (в частности, группы скоморохов в пьесе А. К. Толстого «Иоанн Грозный»), выступал с лекциями о народном искусстве. Осенью 1934 г. московское радиовещание транслировало подготовленную Е. Ивановым радиопередачу «Старый народный балаган». В 1948 г. по материалам, утвержденным к постановке еще в 1924 г. Первым научно-этнографическим театром, Е. Иванов написал комедию из быта Москвы XVII в. «Сказ о скоморохе Филипке, о челиге, о гусаке и спеси, а кстати, и о бороде боярской».

Но главным делом жизни оставалась книга о русском быте и живом слове. В 1932 г. Иванов с полным правом мог написать известному библиографу И. Ф. Масанову: «Главная работа — собирание бытового острословия и древнего скоморошьего эпоса. Собирание материалов производится более 26 лет. Труд закончен для издания» (ЦГАЛИ).

Значительная часть этого обширного труда лежит сейчас перед читателем.

---

[1] См.: Вечерняя Москва, 1925, 19 сентября.
[2] Там же, 1939, 5 февраля.

5

Во всей своей долголетней и многообразной историко-этнографической деятельности Е. Иванов никогда не был научным работником обычного типа.

Возникшая в юности страсть коллекционерства шла рядом с научными занятиями и насквозь пронизывала их. Начав изучать старинные ткани, он создаст коллекцию русской парчи, заинтересовавшись русским пряником — за многие годы соберет огромное количество вяземских, тульских, московских, медовых, «одномедных», сахарных, сусляных, заварных, сырцовых, клюквенных, мятных, ржаных, печатных, вырубных, лепных, расписных пряников (коллекция была съедена в годы войны); исследуя лубок — образует одно из лучших в стране собраний русских лубочных листов. О его находках писали газеты (например, о том, что в лавке старьевщика он обнаружил восемь эскизов М. Врубеля), о его коллекциях знали специалисты. В его собрании, например, был старинный «гудок», одно описание которого, сделанное собирателем, чрезвычайно ценно для историков русской народной музыкальной культуры: «Кузов и гриф его, с мало выделяющейся, отклоненной взад головкой, сделаны из одного куска дерева, без склейки, причем первый выполнен по системе долбления. Форма инструмента овальная, усеченная снизу, сильно напоминающая народную домру Вятской губ. Выдолбленную часть кузова прикрывает прикрепленная на 4-х деревянных штифтах, толстая выстроганная доска с тремя голосовыми отверстиями. Подставка на ней для струн отнесена очень близко к месту их подвязки на обыкновенный толстый деревянный шпенек и сделана из согнутого и перекрученного бечевой можжевелового прута. <...>В этом экземпляре, имеющем три струны, поражает ширина грифа, говорящая за то, что владелец его обладал исключительной мощи рукой и длинными пальцами, позволявшими при игре не стесняться расстоянием между струнами». Впоследствии некоторые его коллекции пополнили государственные хранилища: собрание листовок и газет — Музей Революции, исключительную по полноте коллекцию афиш выступлений Маяковского — музей поэта в Москве.

Второй особенностью Е. Иванова как исследователя-этнографа было то, что во всех своих штудиях он прежде книжного материала пытался найти живых представителей данного социального уклада, той или иной профессии, даже, казалось бы, совершенно уже исчезнувшей.

Так, изучая скоморохов, кроме вполне «академически» собранного (впоследствии) огромного материала он отыскивал последних живых носителей этой вымершей профессии. Всех людей из фольклорного прошлого: гусляров, скоморохов, вожаков медведей, сказителей, ложечников — можно было встретить в квартире на Тверской, в доме 28, где сам ее эксцентричный хозяин прожил более полувека и которая многие годы была «открытым домом». Как вспоминает дочь Иванова Л. Е. Семенова (р. 1909), иногда ее отец принимал своих гостей лежа в гробу, который ставил посреди своего кабинета. В пьесе Иванова «Вечное» в сцене «Пещера доисторических людей» предполагалось участие двух удавов. Их дрессировкой занялся сам автор; театральная и юмористическая пресса долго на разные лады склоняла этот факт.

Круг знакомых и диапазон его общения с людьми самых разных профессий и сословий был необычайно широк. Среди его приятелей была такая колоритная личность, как художник-декоратор императорских театров В. С. Внуков, знаток жизни рыб и рыбной ловли; старший брандмейстер ярмарочной пожарной команды А. Ф. Красавин (в бытность Е. Иванова начальником вольной пожарной дружины), «футурист жизни, русский йог» Владимир Гольцшмидт, математический вундеркинд Володя Зубрицкий, цирюльник и парикмахер В. Л. Лукин, «последний факир» Д. И. Лонго (1872—1977), ресторанный повар и самоучка-драматург Я. Дьяков. В редакцию его журнала за многочисленными пернатыми приходил ухаживать «доктор птиц» с Трубной площади Игнашка, бывший домовладелец; одно время к Е. Иванову ходила целая группа обитателей ночлежек (в конце концов они его обокрали). На одной из фотографий рядом с ним запечатлен известный авантюрист граф Н. Г. Тулуз-Лотрек-Савин, бывший корнет гвардии, а потом британский и американский подданный, карточный игрок и шулер, театрал; судился за оскорбление царской фамилии, одно время выдавал себя за потомка болгарских царей и «претендовал» на болгарский престол и т. п.

И конечно, старики. Интерес к ним он пронес через всю жизнь. Меж его знакомых было множество людей, родившихся в первой половине XIX в., а один из них, фельдфебель Зорин, бывший будочник, был участником войны 1812 г. Этот старый солдат, писал Е. Иванов, «с гордостью готовился к выступлению на юбилейных торжествах в память Отечественной войны и поражения Наполеона. На груди его

красовалось восемнадцать крестов и медалей, а в память бытности старшим будочником сохранял он нарукавные нашивки. От него мне удалось много почерпнуть для своих бытовых записей» [1].

Волга и Заволжье, Нижний Новгород, где до двадцати шести лет прожил Е. Иванов, долгие годы были как бы заповедной территорией старого русского быта, песен, обрядов, старинных ремесел. Нижегородские купцы, бывалые люди, старики-мастеровые, мужики — посетители его двоюродного деда, П. Г. Суслова, ходатая по крестьянским земельным делам,— вот круг людей, хорошо знакомых ему с детства. «Люди, люди всех видов, состояний и возрастов,— вспоминал позже Е. Иванов о родном городе.— Грузчики с «ярмом» для таскания тяжестей и железным крючком на веревочном обрыве, матросы буксирных пароходов в клеенчатом картузе, воры; просто бездомные и не могущие найти заработка; опустившиеся до последней степени, с разбитым до ссадин и кровоподтеков лицом, простоволосые проститутки; спившиеся мастеровые; холодные тверские сапожники — в фартуке, с сумкой через плечо и железной «ногой» на деревянном шестике» [2].

При самом первом знакомстве с работой Е. Иванова во всем ее объеме в памяти сразу всплывает имя его земляка — замечательного писателя и знатока поволжского и заволжского быта, жизни старообрядцев, купцов, крестьян, мелких торговцев, ремесленников — П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Материал в какой-то мере совпадает, но сразу видны и отличия, которые и говорят о своеобразии подхода Иванова. Мельников-Печерский, как и ученые-фольклористы, особое внимание уделял, так сказать, празднично-игровой стороне жизни крестьян. Он подробно описывал колядки, купальские игры, свадьбы, крестины, в его романах мы найдем десятки подлинных песен, бывальщин, заговоров. Вспомним хотя бы замечательные по выразительности образцы «вещбы», вложенные в уста знахарки Егорихи в романе «В лесах», или «наговор» Дарьи Сергеевны в романе «На горах». Собственно ремесла и связанное с ними слово интересуют Мельникова-Печерского уже гораздо меньше.

Е. Иванова в первую очередь как раз интересует ремес-

---

[1] *Иванов Е.* Из очерков о старом быте. (Рукопись, ЦГАЛИ.)

[2] *Иванов Е.* Об А. М. Пешкове и его городе.— В сб.: О Горьком — современники. М., 1928, с. 160.

ло, повседневный труд народа. Исходя из положения, обоснованного в трудах выдающихся русских ученых Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, И. И. Срезневского, А. А. Потебни, А. А. Шахматова: история слова — это история народа, его жизни и быта, Е. Иванов рассматривает слово вместе с бытовыми реалиями, предметами повседневного обихода, постоянно окружающими человека на работе и в частной жизни, вместе с конкретными трудовыми ситуациями — как сказал бы языковед, в единстве лингвистических и экстралингвистических характеристик. Его книга — своеобразная энциклопедия ремесел, многие из которых навсегда исчезли. Выразительно и живописно изображает Е. Иванов процесс работы людей самых разных профессий. Вот, например, как точно и наглядно описывает он (во второй части) труд обечников, или обечаечников,— мастеров по изготовлению деревянных ободьев для сит и решет: «Спилок осинового дерева по кругу делился и распиливался на шесть «горбушин», которые помещались в жарко натопленную печь, отвечавшую по размерам общему количеству заготовленного материала. Здесь дерево «запаривалось», «томилось», или «нежилось», в продолжение десяти — шестнадцати часов, в зависимости от его сорта и крепости. Размягченные от тепла «горбушины» дерком разделяли на «лубы» или пласты; вбивая в делаемые им углубления клинья, «кляпки», таким путем окончательно раздирали его на части. Пластины «приравнивали» ножом, «стригли», ровняли их края и основательно прочищали скобелем, утоньшая в концах. Первая заготовка пластины вновь поступала «на томление в вар», т. е. опускалась в кипящую воду особого, помещавшегося возле печи, чана и «мучилась» над «пылом». Троекратное повторение процедуры окончательно размягчало их, и каждая пластина в отдельности перегибалась на «мялке», т. е. на укрепленном в стояках бруске, имевшем два сквозных, соответствовавших ширине пластины, отверстия, из которых одно было несколько у́же другого. Вводя в более широкое всю пластину, утоньшенные концы ее закрепляли с двух сторон в свободном прорезе, догибая их впоследствии руками, сортируя и «бунтуя» или увязывая в десятки».

Не менее выразительно описывается процесс производства скорняка — мочка сырья в прудах и канавах, мездрение (очищение шкуры от остатков мяса и жира), квашение в квасцах и т. п. Да что там говорить, когда едва ли не поэтически изображается процесс шитья обыкновенных сапог: «Вначале кожу распаривали, «разрыхляли» в теплой

воде и «тянули» гвоздями на «вытяжной доске». Высушенную на печке или на солнце кожу «заминали», мяли вручную с помощью «быков» и основательно «дегтярили», то есть промазывали дегтем. Выкроив «по мере», «ладили», шили голенища, «поднаряд», «задники», «тянули» клещами на колодку, вшивали стельку, притачивали подошву, набивали подметки, строчили или «ладили» задники и «накрепляли» каблук. Для любителей ставили еще железную подковку. После этого следовали: «обряд», «зачистка», «выгон», отделка начисто, завершавшаяся скоблением рашпилем, полировкой и «покрышкой» лаком. Как говорили сами мастера, инструмент «не больно велик: отводочка для строки, шильце на строчку, на стельку, подборное на подошву, нож, клещи, молоток и стрекуны-подпилочки...» Вспоминаются очерки замечательного знатока русского слова и быта С. В. Максимова — его знаменитые описанья, как плетут лапти, бьют баклуши, как устроена прядильная канатная снасть.

У Е. Иванова находим описание таких редких, а для нашего современника совершенно экзотических профессий, как смотрители часовен для мертвых тел, дегтекуры, живодеры, или кошатники (со всеми кошмарными подробностями этой ужасной профессии), обечники, воскобойники и многие другие.

Описывая старую Москву, изображая жизнь и быт представителей ее многочисленных профессий — букинистов, антиквариев-иконников, парикмахеров, лотошников, могильщиков, официантов, автор пристально внимателен к обстановке, интерьеру, одежде, инструментам и инвентарю. Современному читателю любопытно будет узнать, как выглядела раньше внутренность антикварной лавки, портновской мастерской, парикмахерской. А как одевались в конце века московские парикмахеры? «Пиджак, слегка помятая манишка и цветной галстук были основой высокого парикмахерского шика. Халат стали носить всего лет шестьдесят тому назад». А официанты? «Основные костюмы официанта были: фрак, смокинг, реже — белая рубаха и такие же брюки. Первая стягивалась красным пояском с кистями, за который лихо затыкались лакированный бумажник с пуговкой и штопор. <...> Кушанья официант обязан был подносить левой рукой, на которой лежала салфетка, правой же он подавал их к столу <...> При приеме заказа от посетителя салфетку полагалось иметь на левом плече, при подаче счета — на правом. Держание салфетки под локтем и неумение управлять ею считалось дурным тоном, характеризовавшим вто-

роклассный и более низкий разряд ресторана. Разговаривать с посетителями рекомендовалось внимательно, с серьезным лицом, как бы слегка согнувшись для поклона». А как выглядела «николаевская» шинель, многократно упоминаемая Гоголем, Пушкиным, Достоевским, Гончаровым? Об этом читатель тоже узнает из книги «Меткое московское слово».

Относительно имен парикмахеров, портных, содержателей ресторанов, гостиниц, трактиров, сведений о местоположении их заведений в Москве книга Е. Иванова явится незаменимым и в ряде случаев уникальным справочным пособием: Теодор Гюо — на Кузнецком мосту, Иван Андреевич Андреев — на Петровке, Василий Петрович Ляпунцов — на Никитской, Арсений Александрович Орлов — на Тверской, Николай Иванович Миронов — на Страстной, Теофиль — в Камергерском, Базиль (преемник Теофиля) и Поль — на Петровке и Тверской.

У Е. Иванова можно узнать, где располагалась известная портновская фирма Жоржа или старейшая французская фирма Айе — многолетняя законодательница московской моды, где обосновался знаменитый Оттэн, и т. п. Подобные сведения послужат прекрасным дополнением к известным очеркам И. Т. Кокорева, П. И. Богатырева, В. А. Гиляровского, И. А. Белоусова, Н. Д. Телешова.

В книге много колоритных зарисовок жизни московских трактиров, чайных, площадей, рынков, торговых рядов. «Утро, а старая Сухаревская башня уже окружена такой толпой, сквозь которую трудно протиснуться без риска для жизни. Чего только здесь нет и каких только людей не собрала старая традиция потолкаться и побродить по базару в праздничный день. Полный типаж всей Москвы — от хитрованца до «оцилиндренного» барина. Универсальный выбор товаров — от головки репчатого лука до «хорьковой шинели» с седым бобровым воротником и лацканами. Все и всё. Длинными ровными рядами тянутся антикварные палатки. Бронзовые люстры и канделябры, портреты неизвестных героев и героинь в различных позах и костюмах, широкоствольная пищаль с кремневым затвором, треснувшая фарфоровая чашка, мраморная грация без ноги, цветная гравюра в раме, тщательно выклеенной из голубой бумаги с золотыми уголками, бусы, сарафаны времен боярыни Морозовой и треногое кресло из выплавка карельской березы. А около них во всю длину ряда сплошная лава любителей и любопытных. Чуйки, еноты, собольи воротники, высокие и низенькие мерлушковые шапки, котелки, даже лохмотья протягивающего

руку нищего». Вся эта разношерстная, разноликая масса людей жила своей пестрой и многообразной жизнью, со своими обычаями, привычками, этикетом, со своим профессиональным фольклором. Не всем рассказам, например, книжников или антиквариев можно вполне доверять (например, таким историям, как случай с подделкой Рембрандта), но и в качестве апокрифов эти легенды интересны как яркий показатель тех или иных сторон профессионального мироощущения людей, прикосновенных к книге или этнографической старине.

Было б неверно думать, что книга Е. Иванова — сочинение популярного типа, интересное только широкому читателю, недостаточно знакомому с ушедшим бытом. В ней много нового и нужного найдет и специалист по истории быта и ремесел, краевед, комментатор изданий классиков русской литературы.

6

Но при всем обилии и разнообразии различных сведений из истории быта главным героем книги Е. Иванова является собственно слово. В этом отношении она примыкает к трудам русских лексикографов и диалектологов, их обогащая и дополняя.

В соответствии с лучшими традициями отечественной школы собиратель большое значение придавал документированности записей, стремясь по возможности точно указывать своих информантов: «Записано в 1916 г. от московского ловца певчих птиц И. И. Баранова в несколько приемов»; «Ниже приводимый приговор записан в 1914 г. в Москве от тверского сапожника, семидесятидвухлетнего бодрого старика Сергея Сергеевича Тихонова»; «Записано в 1908 году от могильщика московского Семеновского кладбища Ивана Ивановича Попкова». Иногда подобные данные разрастаются в книге до целых списков; эти списки уже сами по себе любопытнейший социально-бытовой материал. Сохранился «Перечень лиц» — информантов исследователя, включающий около четырехсот номеров. Среди них москвичи: сбитенщик П. П. Власенков, цыган-коновал Скворцов, ночной сторож в Петровском парке И. Т. Маслов, старый ломовой извозчик И. Светляков, встреченный в 1908 г., биллиардный маркер И. П. Сыромятников, неизвестный продавец вразнос живой рыбы, встреченный в Охотном ряду в 1912—1915 гг., рыночный торговец вареными рубцами, печенкой и сердцем

П. С. Тряхин, повивальная бабка и знахарка Степанида Ивановна, встреченная в 1916 г. в Даниловской слободе, «рыбовод» В. А. Ковальчуков, неизвестный матрос, встреченный в Москве в 1922 г., «борольщик с медведями», «стеклоед», «человек со стальными челюстями» и «грызун монет», легковой извозчик старого Петербурга Г. П. Балкин, встреченный в 1926—1932 гг. в Москве, сотрудница Москвошвея В. П. Добровольская (1931), боец боен, уроженец Бежецка Е. И. Антонов и многие другие. Меж ними были такие универсалы, как Т. П. Крюков, со слов которого записаны его многочисленные профессии: изобретатель и продавец механического звонка к дверям, ящика с кассой, мгновенно прячущего деньги от штрафа, типографский наборщик, «каменщик мостовой», аптекарский помощник, «торговый батрак», рабочий сцены, «плотничный специалист» и др.

Если присловье, песня, острословица, куплет не «привязываются» к конкретному носителю, исполнителю, Е. Иванов также добросовестно это оговаривает: «Слышал их исполнение неоднократно на свадебных вечеринках у парикмахеров и портных в 1905—1909 гг.». В некоторых случаях сообщаются сведения из биографии информантов, излагаются эпизоды из их жизни и т. п. Собиратель-энтузиаст не пренебрегал любыми источниками. «Списано в 1903 г. во Владимире с садовой скамьи»,— читаем в книге; в другом месте указано, что курьезная надпись взята с мыльной обертки, хранящейся у собирателя, следующий текст переписан с афиши, находившейся в его же коллекции...

Какого непрестанного труда, какой постоянной готовности требовала поставленная задача, видно из таких, брошенных вскользь, сообщений автора: «Однажды, в 1917 г., мне дали знать, что П. Перфильев (интересующий автора человек с очень своеобразной речью.— *А. Ч.*) за какой-то незначительный скандал доставлен в комиссариат Арбатской части. Я немедля, по обыкновению, отправился, и вот при каких обстоятельствах произошла наша встреча. Комната для буйных и нетрезвых посетителей участка. Было душно, накурено и сумрачно...» Цели автора его информантам были, как правило, непонятны: «Людей с блокнотом птичники не переваривали, называя их «газетчиками», от которых, кроме «критики», не жди ничего путного». В ряде случаев работа автора была и небезопасной — характерен эпизод, когда из-за своей записной книжки он был принят за сыщика и от здоровенного «жилетника» получил такой удар по плечу, который остался памятным даже «после многих лет». «Я от-

ветил в свою очередь,— эпически повествует собиратель,— несколькими ударами, от которых «жилетник» всей своей тяжестью рухнул на стол с чайной посудой». В другой раз на Е. Иванова напал некто «Матвеев и стал наносить ему удары тростью по голове. Через минуту Матвеев, окровавленный, бросив палку, бежал»[1].

У читателя книги может возникнуть вопрос: как же все-таки исхитрялся исследователь делать в таких условиях свои записи? И сколь они точны?

Вопрос законен, и, насколько сложна эта проблема, можно судить по тому, какое место она занимает в современной социолингвистике. «Если устроить информанту запись в идеальных условиях,— пишет один из крупнейших ее представителей,— то его речь приобретает свойства официальности, натянутости, которых мы желаем избежать»[2]. «Наблюдения над речевой деятельностью информантов,— пишут авторы пособия по этой дисциплине,— строятся таким образом, чтобы исключить или, по крайней мере, свести до минимума влияние наблюдателя на их речевое поведение. В этом отношении значительный интерес представляет так называемое «включенное наблюдение», при котором наблюдатель выступает не в роли интервьюера, а в качестве одного из непосредственных участников коммуникативного акта»[3]. Запись результативна только тогда, когда у исследователя устанавливается с опрашиваемым неофициальное, живое общение, не нарушаемое ощущением дистанции, ранга, социальных различий. «Собиратели в каждом случае стремились создать между собой и информантами атмосферу непринужденного общения, понимания,— пишут исследователи современной разговорной речи.— Если не удавалось установить достаточно хороших контактов с информантами, то запись не производилась»[4]. С Ивановым собеседники любого сословия, возраста, профессии чувствовали себя легко и свободно, он в высокой степени обладал талантом человеческого общения. Эту способность он сохранил до глубокой старости, и многие московские книжники несомненно вспомнят

[1] Новости вечера. Нижний Новгород, 1910, 17 мая, № 10.

[2] *Лабов Уильям.* Исследование языка в его социальном контексте.— Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975, с. 105.

[3] *Швейцер А. Д., Никольский Л. Б.* Введение в социолингвистику. М., 1978, с. 183; См. также: Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981, гл. 2.

[4] Русская разговорная речь. Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1973, с. 35.

вместе с автором этих строк беседы с Евгением Платоновичем, внезапно возникавшие у прилавков букинистических магазинов начала 1960-х гг.

С удивительной ясностью, выработанной огромным опытом, он понимал главное условие, без которого не может происходить собирание фактов живой речи,— необходимость естественности обстановки, как сказал бы лингвист, нормального социального контекста. «Если я не успевал быстро фиксировать какое-либо выражение,— писал он в одном из вариантов предисловия к своей книге,— то навсегда терял его первобытную, основную и цветисто-откровенную форму. Всякое повторение какой-либо фразы под влиянием проявленного к ней интереса влечет за собой некоторое ее видоизменение самим произносящим, невольную, основанную на психологическо-творческом процессе, перемену ее построения и как бы стилизацию ее оригинальной конструкции, остряк же особенно любит отдать внимательному слушателю с записной книжкой свое отчеканенное и обработанное слово. Переубедить его в этом трудно, если не бесполезно. Хоть чуть, хоть немного, а лишит ее первородного характера — «облагородит», изменит на чужой, случайно воспринятый им лад». О трудностях этого рода он не раз говорит в своей книге: «Делая попытку записывать беглый разговор старых парикмахеров, которые часто еще встречались в период 1905—1912 годов (производившийся с целью занять, развлечь клиента, вызвать его особые симпатии к себе и получить, благодаря этому, чаевые), я убедился, как и во многих других случаях, что задача эта не из легких. Приходилось заниматься записью во время какой-нибудь процедуры: бритья, стрижки и т. п., причем мастер, стоявший за спиной, при первом появлении в моих руках блокнота, увидав его, настораживался, старался прочитать заметки и делался «аккуратным» в разговоре. Волей-неволей многое восстанавливалось при выходе из магазина-парикмахерской просто на память, и этим объясняется некоторая неполнота, неточность и отрывочность части материала, сохраняющего все же свой типовой колорит». Такое оговаривание степени точности записей, редкое в его время, у Е. Иванова постоянно, что, безусловно, повышает возможность корректного научного использования его материалов: «Записано с некоторыми пропусками в Москве на Сухаревском рынке»; «в записи зазыва, ввиду быстроты его произнесения, имеются пропуски».

Надобно, впрочем, отметить, что недочеты записей Е. Иванова, в том числе, например, некоторое «олитературивание»

синтаксиса — общие недостатки техники полевых записей всей лингвистики и фольклористики его времени, только недавно перешедшей с «ручной» на более технически совершенную магнитофонную запись.

Читая некоторые тексты, выглядящие слишком «гладкими», нужно иметь в виду еще одно обстоятельство. Многие информанты собирателя — профессиональные говоруны; развлекать клиента, заказчика, зазывать покупателя — для них обыденное и привычное дело. Поэтому их речь и в действительности гораздо более связна, чем речь лиц других профессий, даже более «интеллигентных».

В том, что в труде Е. Иванова даются отрезки связной речи,— одно из его существенных достоинств. В нем в основном и прежде всего приводятся тексты, и иногда значительного объема. Еще академик Л. В. Щерба в 10-х гг. нынешнего века говорил о необходимости записи живой, в частности диалогической, речи, не препарированной исследователем, но зафиксированной в том виде, в коем она явилась, в многообразии ее естественных контекстов. Значение такого материала для лингвистики, диалектологии, истории социально-речевых стилей трудно переоценить.

7

Предметом внимания автора в настоящей книге является живая речь Москвы, т. е. речь городская. Язык города вообще исследован гораздо меньше, чем язык деревни. Ведь вся диалектология изучала, в сущности, язык крестьян. Кроме того, в классических диалектологических штудиях на первом месте всегда стояла фонетика, затем шла морфология, лексика же территориальных диалектов была изучена слабее всего.

В книге Е. Иванова прежде всего дается лексика города, его различных профессиональных диалектов, в ее соотношении с лексикой общенародной и литературной.

Автору удалось зафиксировать многие любопытные явления русского городского речевого обихода рубежа веков. Одним из таких явлений было проникновение в мещанскую полукультурную среду книжных слов и выражений (частный случай типичной для города диглоссии — способности человека одной социальной группы говорить на языке другой — «высшей» или «низшей»).

Впервые этот языковой феномен, еще применительно к крестьянской среде, заметила, как часто бывает, литерату-

ра. Живописно его запечатлел еще Гоголь, у которого в «Ночи перед Рождеством» кузнец, желая показать, что он «знал и сам грамотный язык», выражается так: «Многие домы исписаны буквами из сусального золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорция!» Побывавший в городе герой Некрасова

Каких-то слов особенных
Наслушался: Атечество,
Москва Первопрестольная,
Душа великорусская,
Я — русский мужичок...

Интересный пример находим в «Поездках к переселенцам» Глеба Успенского: «Я, нижеподписавшийся крестьянин Казанской губернии <...> будучи в полном разорении, ибо почва и песчаные пространства, при неурожае, при всех моих силах моего многочисленного семейства, до такой нищеты дошел, не имея пять лет урожаю, весь продан за долги...» «Все это нацарапано каким-то грамотеем,— комментирует Успенский,— который выбрал, вероятно, из «Сельского вестника» мудреные слова, но не смог выдержать научного изложения далее трех строк». Любопытные случаи такого употребления книжных слов находим в произведениях Н. А. Лейкина — хорошего знатока речи торговой и мещанской городской среды: «— Скоро он встанет?» — спросил Стукин. «Как термин настоящий для них наступит, так и встанут» [1].

Как пример языка тех слоев, где он «запутан, наполнен разными иностранными и дворянскими словами», К. Леонтьев (в статье 1861 г.) приводил слова сына одного кучера: «Через это я даже могу получить некоторый президент таланту» [2]. «В беллетристике конца XIX и начала XX в. с замечательным искусством,— писал Г. О. Винокур,— воспроизводится уродливый, исковерканный язык этого социального мира, в котором цельная и яркая народная речь заменена бессмысленными обрывками худо переваренной интеллигентской речи» [3].

Пожалуй, наиболее обширную галерею речевых портретов любителей «ученого слога» среди лиц самых разных профессий нарисовал А. Чехов. Уже дебютный чеховский рассказ «Письмо к ученому соседу» целиком построен на изображении такого стиля — им пишет отставной урядник:

---

[1] *Лейкин Н.* Стукин и Хрустальников. СПб., 1886, с. 84.
[2] *Леонтьев К.* Собр. соч. М., 1912, т. 8, с. 33.
[3] *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 102.

«Я пламенно люблю астрономов, поэтов, метафизиков, приват-доцентов, химиков и других жрецов науки, к которым Вы себя причисляете чрез свои умные факты и отрасли наук, т. е. продукты и плоды». Через три года в рассказе «Умный дворник» о пользе наук рассуждает другой любитель книг, набравшийся из них ученых слов, дворник: «Не видать в вас никакой цивилизации... Потому что нет у вашего брата настоящей точки». Ему вторит приобщившийся к просвещению водовоз: «Я в рассуждении климата недоумение имею». Очень церемонно выражается обер-кондуктор Стычкин в рассказе «Хороший конец»: «А потому я весьма желал бы сочетаться узами игуменея», «и в рассуждении счастья людей имеет свою профессию». Еще более «изысканные» обороты применяют чеховские фельдшера, мелкие чиновники, телеграфисты: «И по причине такой громадной циркуляции моей жизни» («Воры»); «все-таки я не субъект какой-нибудь и у меня в душе свой жанр есть» («Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало»). Чрезвычайно витиевато говорит приказчик Початкин из повести «Три года»: «Соответственно жизни по амбиции личности». К его речи Чехов дает такой комментарий: «Свою речь он любил затемнять книжными словами, которые он понимал по-своему, да и многие обыкновенные слова употреблял он не в том значении, которое они имеют». Эту вереницу любителей мудреных словечек завершает читающий «разные замечательные книги» конторщик Епиходов из последней пьесы Чехова: «Совершенно привели меня в состояние духа»; «Наш климат не может способствовать в самый раз».

То, что наибольшее количество случаев искусственной книжности обнаруживаем у писателя 1880—1900-х гг. и в устах именно его героев она приобрела свои «классические» черты, конечно, не случайно. Особенно широко она распространилась в самых различных полукультурных слоях в конце XIX — начале XX в., из мелкочиновничьих кругов попав в среду приказчиков, парикмахеров, трактирных половых и других профессий города. Позже сатирическое изображение этой речи находим у таких советских писателей, как М. Зощенко, К. Тренев, В. Шишков, И. Ильф и Е. Петров.

Понимая всю ценность речевого материала, извлекаемого из сочинений писателей, все же, имея в виду научное изучение живой речи, следует помнить, что в художественном горниле мастера он прошел эстетическую обработку. И всякое речение в литературном произведении в первую очередь

преследует не «фотографические», а художественные задачи. Лингвистика давно уже уверенно говорит о принципиальных отличиях «настоящей» и художественной разговорной речи. Отмечая огромное разнообразие слов и выражений представителей разных сословий у Н. С. Лескова, академик А. С. Орлов замечал: «Трудно сказать, однако, какие из речений действительно подслушаны автором и какие сочинены им в стиле, соответственном своему действительно существующему образцу»[1]. Конечно, нельзя сказать, чтобы проникновение книжных элементов в «преобразованном» виде в «простонародный» речевой обиход не занимало лингвистов. Так, еще Н. М. Каринский в своих диалектологических работах писал о роли «бывалых людей», «говорунов» в этом процессе[2]. Об этом писали В. И. Чернышев, А. М. Селищев, Е. И. Поливанов, А. М. Иванов, В. В. Виноградов. Но в целом в специальных работах материалы, связанные с этим феноменом, отражающим важнейший процесс — взаимодействие книжного языка и разговорных стилей, крайне скудны.

Поэтому записи Е. Иванова, наблюдавшего этот процесс в годы его наибольшей интенсивности и в точке наибольшей же интенсивности — городе, особенно ценны. По выразительности иные его примеры не уступают известнейшим чеховским образцам: «Телятина — невинность в обеде меню»; «Упоение и магика с осетриной в галантире»; «Разубеждением в жизни помер от веревки»; «Прошу покупать для экономического потребления и полного удовольствия»; «Натура природы живого существа ваша прическа». Или такой образец парикмахерского стиля: «Ах, какое усовершенство природы и искусства их в натуре декольте. Могу назвать — безмятежная грусть для нас, глазами видящих и не могущих примыкать. Сплошное колебание всех семи чувств натуры...» Один судебный писец-копиист, с которым Е. Иванов был знаком в юности, «где-то, что-то и когда-то читал, но все перепутал» и выражался так: «Бокс, извольте знать, по-нашему оскорбление действием с повреждением анатомической части организма»[3]. Или такая запись из речевого оби-

---

[1] *Орлов А. С.* Язык русских писателей. М.— Л., 1948, с. 154.

[2] См.: *Каринский Н. М.* О говорах восточной половины Бронницкого уезда. СПб., 1903 (отд. оттиск), с. 46—54; *Он же.* Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванилово. М., 1936.

[3] *Иванов Е.* Послесловие к пьесе «Торговый дом Аграфена Африкановна Ситная и К^0». (Хранится у З. А. Милютиной.)

хода уличных книжных торговцев: «Переплет, верно, не ее, да разве в этом роль какая драматическая?»

Люди этого типа любят выражаться высокопарно. Еще герой чеховского «Письма к ученому соседу» норовил подпустить что-нибудь из возвышенного стиля: «Рубль, сей парус девятнадцатого столетия, для меня не имеет никакой цены, наука его затемнила у моих глаз своими дальнейшими крылами». Герои Островского, чеховские, купринские, бунинские персонажи могли при случае блеснуть и стихом. В книге Е. Иванова находим очень выразительные примеры этой писарской, «галантерейной» поэзии:

Зачем для вас страдания немые,
К чему в устах молчания печать,
Зачем жгут сердце очи голубые
И не в силах я признания начать?!

Ах, возьмите эту розу
И идите в чудный сад.
Я из сердца вырвал занозу
И весьма свободе рад.

Он не красив, но очень симпатичен,
В его устах сквозит любви привет...
В речах всегда был Поль нигилистичен,
Дарил Марьете из цветов букет.

Собранные Е. Ивановым стихи хорошо рисуют ту речевую среду, на которой всходило и расцветало такое интереснейшее явление городской массовой культуры, как «жестокий» романс.

Показательнейшим бытовым и речевым материалом эпохи всегда являются вывески. Особенно это относится к полуграмотной и полукультурной среде русского городского торгового люда прошлого века. Хорошо понимая их социально-речевую характеристичность, их использовал в своих произведениях еще Гоголь, подлинные тексты курьезных вывесок мы обнаруживаем у Е. Гребенки, Я. Буткова, А. Левитова, у Н. и Г. Успенских, А. и Д. Дмитриевых, А. Подурова, А. Михневича, А. Плещеева (сына), И. Грэка (И. Билибина), А. Ястребского, А. Чехова, С. Максимова (по его словам, «московские вывески словно дали вековой зарок ссориться с грамматикой»). В книге Е. Иванова находим десятки необычайно колоритных текстов, собранных в одном месте. Они обогатят уже существующую в русской литературе

коллекцию: «Шашлычный мастер из молодого карачаевского барашка с кахетинским вином»; «Парижский парикмахер Пьер Мусатов из Лондона. Стрижка, брижка и завивка»; «Кролики, белки, куры и прочие певчие птицы»; «Оккультист, очки, пенсне, лорнеты»; «Спасатель крыс, мышей, клопов, тараканов — выводит, морит с пользой. Безвредно и доступно страдающим нашествием! Тиф! мор! погибель! Смерть!»

Еще в 1928 г. Б. А. Ларин, пионер изучения языка города, писал: «Мы запоздали с научной разработкой языкового быта города»[1]. Уже тогда становилось ясно, что отсутствие такой разработки существенно обедняет картину развития общенародного и литературного языка. «Не подлежит сомнению, что история литературного языка,— писал академик В. В. Виноградов,— не может обойтись без разностороннего и углубленного изучения разговорных и письменных диалектов и арго города»[2]. Начиная с середины XIX в., подчеркивал он, городское просторечие влечет в литературный язык «множество слов, идиом и фраз из разных профессиональных диалектов и жаргонов. Социально-диалектные расслоения языка города теперь острей и быстрей отражаются на жанрах литературного языка. <...> Литературный язык как бы притягивает к себе жаргонные и профессиональные фразы и идиомы из близких ему социально-диалектных сфер»[3].

Опоздание могло оказаться роковым, потому что лингвистическая ситуация города начиная с 1920-х гг. стремительно менялась. В старом городе кроме общего языка, на котором говорили меж собою все слои населения, у каждой социально-профессиональной группы — кожевников, каменщиков, печников, стекольщиков — был свой специальный жаргон, целиком понятный только ее членам. Крайним случаем такого локального языка может служить арго коробейников-офеней — тайный язык мелких торговцев, совершенно

---

[1] *Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание. М., 1977, с. 175.

[2] *Виноградов В. В.* Избр. труды. История русского литературного языка. М., 1978, с. 153.

[3] *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 430—431. Ср.: «Вопрос о социально-групповых диалектах, жаргонах и социально-речевых стилях города имеет особенно важное значение для исследования повествовательной и диалогической речи в рассказе, романе, очерке, драме русской реалистической литературы XIX—XX вв.» (*Виноградов В. В.* Избр. труды, с. 209.)

непонятный окружающим. Но и в других случаях такие специальные «диалекты» характеризовались своим собственным словарем, особой фразеологией «ремесловых работ», по выражению В. Даля. «Их социальная функция,— пишет о профессиональных «языках» современный исследователь,— состоит, по-видимому, в том, чтобы поддерживать групповую исключительность. Их оберегают и хранят от посторонних приблизительно так, как цехи ремесленников хранили секреты своего ремесла» [1].

С ростом городов — особенно таких крупных, как Москва,— и развитием экономических связей замкнутость отдельных коллективов все более нарушается, начинается процесс, «который становится все более типичным по мере дальнейшего экономического развития — от многообразия к единообразию» [2], «к уничтожению языковых различий, к диалектической нивелировке» [3]. Происходит сглаживание или даже исчезновение отличий языка отдельных профессиональных групп. В России Октябрьская революция, сломав сословные и цеховые перегородки, невиданно убыстрила этот процесс [4].

Первые записи Е. Иванова относятся к 1905 г., он не прерывал их в течение трех десятилетий. Особенно ценны, конечно, записи 1905—1914 гг.— последних «стабильных» лет русского быта, еще сохранившего в большой мере черты векового уклада. Далее стали исчезать не только профессии, ремесла вместе со своим речевым обиходом, но и целые сословия и социальные группы.

Необходимо сказать, что языковые процессы не были изолированными от других, более общих социальных процессов эпохи. Первые же годы после Великой Октябрьской социалистической революции, когда была выдвинута задача приобщения к культурным ценностям самых широких масс, показали сложность этой задачи, выполнение которой было гораздо более трудным, чем, например, ликвидация негра-

---

[1] *Гамперц Джон Дж.* Типы языковых обществ.— В кн.: Новое в лингвистике, вып. 7. М., 1975, с. 194.

[2] *Поливанов Е.* Обзор процессов, характерных для языкового развития в эпоху натурального хозяйства.— Ученые записки РАНИОН. М., Институт языка и литературы, 1929, т. 3, с. 26.

[3] *Поливанов Е.* Задачи социальной диалектологии русского языка.— Родной язык и литература в трудовой школе, 1928, № 2, с. 41.

[4] См.: *Бондалетов В. Д.* Социально-экономические предпосылки отмирания условно-профессиональных языков и основные закономерности этого процесса.— В кн.: Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.

мотности. Рабочие и крестьяне энергично включились в освоение новой для них общественно-политической фразеологии, которая стала активно вытеснять из их языка многие прежние речевые формы. Новая лексика, терминология, изменения в значениях слов, актуализация некоторых словообразовательных моделей — эти и другие новшества, не раз отмечавшиеся исследователями языка первых послереволюционных лет [1], затронули почти все группы носителей русского языка. Поэтому записи Е. Иванова в иных случаях оказались последним запечатлением ушедшего навсегда.

Меж тем ценность этого ушедшего, этих огромных речевых богатств для нас, для нашей культуры необычайно велика. Она имеет, конечно, не только чисто научный характер. Во всяком профессиональном языке вокруг основного, «твердого» ядра терминов клубится облако их выразительнейших заменителей и ситуационных речений, ежечасно рождаемых в среде работающего и говорящего народа, мастеров дела и творцов слова. И для читателя, раскрывшего «Меткое московское слово», книга эта будет источником не только познавательного, но и художественного наслаждения, возникающего у всякого, встретившегося с образным, острым, красным русским словцом.

В присловьях мастеров, в выкриках зазывал, присказках книжников, байках извозчиков он найдет и остроумный каламбур, и неожиданную рифму, редкий эпитет, и яркую, точную характеристику: «это тебе не продавец, а чесотка: зудит крепко, извести изведет, туман наведет, а смерти не дает»; «с тела вы лебедь-с, а с души сухарек»; «кобель на бараньем молоке», «сучья подпруга», «из воровского табуна старый бугай» (не все из таких крепких характеристик оказались удобны для печати); «пролопали, промотали все миткали, пальто сшил и память запорошил»; «должника книжного в угон по ветру на чистом поле не сыщешь»; «костюмчик на обмыжку — носить его вприпрыжку»; «была дулька в подоле у Дуньки, ан червяк сточил»; «твоей иглой дыры в заборе сверлить, али по чужим дворам с ней ходить»; «вени-

---

[1] См.: *Баранников А.* Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. Влияние войны и революции на развитие русского языка.— Ученые записки Самарского университета, вып. 2, 1919; *Винокур Г.* Культура языка. М., 1925; *Прянишников Н.* Отражение революции в языке.— Красный Урал, 1926, № 96, 113, 114; *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. М., 1928; *Виноградов С. И.* Дискуссии о языке первых послереволюционных лет.— Русская речь, 1977, № 2.

ком березовым, пареным — по лысинам обваренным: кудри завьются»; «с ветром, с холодком чиним железным гвоздком, подметки новые подбиваем, старые обрываем, головки правим, голенища, кому надо, убавим, а кому надо — поставим! Тверские холодные, рваные, голодные, сегодня ценой на работу сходные! Тверской сапожник матерный обложник, жену в кабаке пропил, да козе башмаки на копыта купил»; «с пробривкой пробора вкось — у кого глаза врозь, прямо — кому желательно быть без изъяна, на валик и поперек — кто умом не прыто́к». Очень выразительны речения «прохладных» антиквариев, означающие продажу подделки: «погладить доброго человека по душе», «поцеловать в сердце». Везде сквозит та «отличительная черта в наших нравах», о которой говорил Пушкин: «Какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться».

Зазывы и выкрики торговцев, казалось, должны бы преследовать вполне прагматическую цель — рекламу своего товара. Однако, читая книгу, мы очень скоро убеждаемся, что многие из этих при́говоров имеют характер едва ли не противоположный. Так, на вопрос «какая рыба и почем», продавец восклицал: «Всякая есть — локтей в шесть, окуни да язи валяются в грязи, ерши да караси — от них боже упаси». Торговцы готовым платьем давали своему товару если и рекламу, то весьма своеобразную: «Шуба для доброго купца-молодца! Приклад — моржовый, воротник ежовый, а вокруг всех прорех еще нашит рыбий мех. В один рукав ветер гуляет, в другой метель прометает, от тепла зимой зуб на зуб не попадает!», «В таком пальтеце фирмы «Продуй» весьма удобно <...> ползать по звериным норам и скакать с котами по заборам, в ресторации в долг обедать, да от долгов после по улицам бегать. Покроено точно, сшито прочно, гвоздями пробить было мастеру велено и на муке картофельной еще клеено!». И даже святая святых торгового дела — адрес магазина служил лишь предметом комического присловья: «Адресочек наш не запамятуйте — Продувной ряд, Муромский лес, в нем седьмой навес, от дороги влево, где заячья тропа, да прогон скота; прямо не идите, взад не заворачивайте — сразу найдете!» Расчет, несомненно, был только на то, что покупатель остановится послушать бойкую острословицу-болтушку — надеялись на само слово. Мастера «лясы точить», «загибать», «зубы заговаривать», «заливать», умеющие «баки забивать», «врезать», «отбрить» пользовались не меньшей известностью в этом качестве, чем в своем профессиональном. Шутовское, балаганное, карна-

вальное (сказали бы теперь) начало пронизывало торговый и профессиональный быт старой Москвы, постоянно вынося в этой кипящей пене настоящие перлы народной смеховой культуры.

По мысли Е. Иванова, все эти явления относятся к скоморошеству, которое он понимал очень широко. «В моем труде,— писал он в предисловии 1934 г.,— я разбиваю скоморошество на зрелищное и бытовое. К последнему, в числе иных форм, относятся выкрики рыночных, бродячих и оседлых торговцев, старавшихся использованием принципа чудаческих выходок и разговоров усилить обороты своего дела и устанавливавших этим путем свою связь с профессиональным скоморошеством. В этот же разряд жизненного оригинальничанья и выявления природных способностей к меткой характеристике какого-либо лица и обстоятельства я ввожу всякого рода балагурства, чудачества, острословные народные и обывательские афоризмы-болтушки, «говорки», «срамословие» и проч., записанные большей частью в провинциальном старом обществе или с голоса шумливой, многолюдной улицы» [1].

В последние годы то и дело вспыхивают дискуссии о языке. Диспутанты защищают самые разные взгляды. Одни — пуристы — призывают оградить язык от любых новшеств и освободить от уже употребляющихся в нем не предусмотренных современной литературной нормой слов. Стоящие на противоположной позиции призывают «разрешить все» и крайне обижаются на авторов словарей, упорно ставящих против некоторых слов пометы «разг.», «обл.» или «простореч.».

Предмета для спора, в сущности, нет. Нормативность словарей, разумеется, сохранится, и пометы в них останутся. Но это совершенно не значит, что все слова и выражения, которые выходят за норму (не принадлежат к кодифицированному литературному языку), являются речевым материалом второго сорта. Живое, просторечное, профессиональное, диалектное слово обогащает наш разговорный и письменный литературный язык, придает ему яркость и красочность — и именно тем, что слово это ясно ощущается говорящим и слушающим как выходящее за обычные рамки и сфокусировавшее в себе образную энергию нации. Оно огромный неиссякаемый резервуар, из которого черпали и черпают писатели и ученые, журналисты и ораторы — все члены обще-

---

[1] Хранится у З. А. Милютиной.

ства, ибо средь них нет таких, кому не приходится говорить.

При разноте позиций все, радеющие о судьбах родного слова, сходятся на том, что нынешний «среднелитературный» язык очень усреднен, невыразителен. Особенно остро чувствует это самая эмоционально активная часть общества — молодежь. Отсюда ее настойчивое стремление найти более выразительные эквиваленты к общеупотребительным нейтральным, «пресным» речениям. Это не ново: такая тяга издавна была у школяров, бурсаков, студентов (языковое «буршество»). Беда в другом. Так называемый молодежный жаргон очень неразборчив и берет из любых речевых источников с повышенной экспрессией, включая «блатную музыку».

Книга Е. Иванова показывает, что огромные залежи речевой остроты, свежести, образности находятся совсем в другом месте. И быть может, на Север нужно ехать не за прялками, но чтобы послушать живую неповторимую речь рыбаков, вязальщиц сетей, лесорубов, охотников, плотников, балясников, мастеров-лодочников. Коллекционируя прялки, монеты, бисер, самовары и другие предметы старины, многие часто не подозревают, что самой величайшей национальной ценностью является слово. То самое слово, которое они ежедневно слышат из уст своей бабушки или маляра, объясняющего про «купорос», или тетки, продающей кислую капусту на рынке.

Хочется думать, что книга «Меткое московское слово» обратит читателя к собиранию и бережному хранению его — к тому, чем всю жизнь занимался ревнитель и собиратель живого русского слова Евгений Платонович Иванов.

А. П. ЧУДАКОВ

ОТ АВТОРА

Обстановка жизни, условия существования, трудовые процессы, наконец, индивидуальное мировоззрение, творят те речевые формы, которые мозаично разбросаны по всей массовой разговорной словесности.

Каждой среде, каждой профессии, каждой местности были свойственны в дореволюционной России свои выражения, образные характеристики и острые слова. Но никто так не усовершенствовал свой язык, никто не ввел в него столько новых, самобытно сотворенных определений, как рабочий и крестьянин. Их словарь — один из самых многогранных и ярких по своей меткости и красочности. В этом убедило меня многолетнее последовательное собирание типового острословного словесного материала среди разнообразных специальностей и классов. Я проследил фразеологию рабочих города, кустарей провинции, разнотипных торговцев рынка, нищих, мелких служащих, чиновников, правонарушителей, бродячих скоморохов, уличных комедиантов и т. п. Мое собрание оказалось пестрым, но это лишь небольшая частица того, что должна сохранить в своих архивах история быта. Да и само собирание образных форм речи представляло значительную трудность. Приходилось довольствоваться результатами своей скорописи и иногда отказываться от крайне интересных и ярких материалов.

Всю свою работу я разбил на несколько частей, снабжая речевые записи более или менее подробными очерками, дающими возможность заглянуть в интересные для исследователя и вместе с тем безвозвратно ушедшие в даль прошлого уголки старого и профессионального быта.

Труд этот посвящаю друзьям моим

ЕВГЕНИИ АНДРЕЕВНЕ ДАНИЛЕВСКОЙ,
ЛЮБОВИ ЕВГЕНЬЕВНЕ СЕМЁНОВОЙ,
ЗИНАИДЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ МИЛЮТИНОЙ.

I. БЫТ И РЕЧЬ МОСКОВСКИХ ТОРГОВЦЕВ

ТРУБНЫЙ РЫНОК

В Москве с давних пор существовал специальный птичий рынок, по воскресным дням, располагавший-ся на Трубной площади. Пестрота посетителей этого рынка конкурировала с Сухаревкой. Продавцы птиц отличались оригинальной манерой говорить с покупателями, причем часто вводили в свою речь элементы острословного характера. Запись их говора представляла, само собой разумеется, значительную трудность, тем более что людей с карандашом и блокнотом в руках птичники не переваривали, называя их

«газетчиками», от которых, кроме «критики», не жди ничего путного. «Того гляди и базар от них закроют»,— ворчали некоторые из них. Помимо всего, в каждом «газетчике» подозревали скрывающегося члена Общества покровительства животным, которых, за их протоколы, не забывали при случае поминать особо крепкими словами. Привожу все же мой опыт такой записи с говора знакомого «ловца пернатых» — Игната Егоровича Егорова, относящейся к 1912 г.:

— Тисковый зяблик... Три рубля прошу... Поет, сударь, цви... цви... цви, а в конце натуральное коленце — «Федя». Жаворонки их пение принимают. Если есть жаворонок, чего лучше — в два голоса отрабатывают. Другой только жаворонок подметки чистить зяблику не годится — на какого попасть! С таким тисковый зяблик сидеть, честное слово, рядом не станет, а сядет — от зла своим калом подавится. У соседа какой зяблик? За чужую говорить не могу, не моя птица, ключа у меня от нее нет. Есть у меня дома юла, та черноголовкой валяет, синицей маленькой и большой, чечевицей и варакушкой. На именины свои — Игнатия богоносца — у Ивана Иваныча выменял. Ишь ты, опять городовой за гривенником идет, а я лясы точу... Притесняют — беда... Не так это начальство уполномочено в этом, а все же... Это не факт... Сейчас подвинусь! Медалей-то — в чашку не укладешь... До чего добился — гривенника нет! Сам он птиц держит, могу ему водопойку подарить. Впрочем, одолжите... Почем свежее муравьиное яйцо? Полтинник фунт! Что рыло воротишь — вчера брал, видишь — с живой муравьей. Молочник, возьми на зуб! Не тычь пальцем, не столько купишь, сколько передавишь! Зачем мураша убил? Самое мураш жалостливое насекомое. Иного в лесу ногой раздавишь, другие подберут его, мертвого, и тащат! Тридцать копеек? Чего? У своей бабы спроси на тридцать... Не ругаюсь вовсе, а ты не говори чего не надо! Подыхать мне? Все подохнем — дай сроку! Не отказываюсь от жизни и смерти! Отойди, дай покупателю место!.. Соловей — продаю с голосу. В натаску сам брал, сеть на кусты набрасываешь и гонишь. Птица, обратите внимание, отборная и в яри. Взгляните через бумажку... Солдат, а не птица, го-

лову как держит вверх. Какая сеть? В шестьдесят ячей вяжем, даже в двести, два полотна сращиваем аршин двадцать и делаем ухаб. Малиновку спрашиваете? Что крапивница, что малиновка — одна трескотня, воробьем, бывает, кричат. Чижика? Так бы и говорили... Нате большеголового. Куда вам? В пакетик? Сорок копеек... Ну вот и с почином! В старину немцы учили чижей воду в наперстке по клетке возить, из колодца бадью поднимать и в звонок звонить. Весьма умственное пернатое животное!.. Ах, Михей Ильич, почтение! Прошлое воскресенье что не были? Ревматизм? Ай, ай... Крапивой икры себе насеките, и пройдет. Мишку-прачку знаете? Нет?.. Мать у него была в прачешном заведении. Того от пьянства совсем свело и почернел, тетка его крапивой отхлестала и выходила. Нюхаете? Позвольте и мне... Табачок злой! Душа разгула требует, так хоть табак ей в нос! А курить — и в нос и в рот... Вчера фантазия пришла... апчхи!.. зайти к Василию-пирожнику за клестом-кедровником, а Василия-то навстречу ведут с городовым. Тоже отчебучил! За дворниками с топором, леший, гонялся от денатурата... По надобности ему надо было, он вышел на двор, а дворники смеяться над ним... Клест у него что надо — на руку идет, две клетки сломал. Носище, что клешни! Видел еще Василья Палыча. Одет, мало-мальски, подходяще, только кепку с головы потерял, а новой еще не купил, так и ходит лохматый. Живет в «Котяшкиной деревне», жена у него животом мучается, просил капель доктора Тиглина достать, когда приеду... В складчину? Ну, ладно, выпьем, иди покупай пирогов на закуску. Сейчас реполова сосватаю... Иди не прохлаждайся, огурец прихвати, разочтемся после. Реполов-с певчий, смирный, сиделый — рубль пятьдесят. Со всех концов смотрите... Красота птица! Корову в дом не покупайте, а такого красавца завести надо. От коровы — одно молоко, а от птицы — пение и фантазия. Тихон Дмитриевич, когда запивают, то птиц вокруг себя вешают. Вы их не знаете? Большой любитель! У них своя булочная в Марьиной роще. Жена Мария Ивановна, как видит, что птиц покупать начнет, так в слезы. Иной раз норовит всех повыпустить. Вредная, черт! Потому знает — как птицу пошел покупать, так недели на две ударится.

А без птицы вино ему в горло не идет. Очень большой любитель! Потому и пьет — от нежности к чувствительному пению. Потребляет вино, а сам плачет... Из-за четвертака не хочу отпускать знакомого покупателя. Клетка особо — полтинник! Подсеточный садок. Ничего — биться в газете не будет. Баба-то ругается — в животе брыкается, ни лягушки, ни мыша — человечья душа! С покупкой! Спасибо не раз зайдете сказать. До свиданья... Чего? Чижа назад принес? Поди ты знаешь куда? Может, ты птицу изморил или отравил чем — хвост-то зачем ей дергал? Эх, тоже любитель, мать твою за ногу!.. Ну, проходи, проходи, соломенная жвачка! Чего желаете? Снегиря? Из молодых есть, выкормыш! Цена? Продавать не хотел — для себя... Ну, давайте полтора рубля! Ничего не дорога! Ваша цена? Семь гривен? Далеко торговаться. Хотите рубль сорок? Ну рубль тридцать... С четвертью! На птицу-то посмотрите — гусар! А бока с проймами... Смиренник, суйте ему палец в клетку. Вот так — не бойтесь, не откусит! Девять гривен? Да чего вы торгуетесь? Не дом покупаете! Нате рубль... Сами высадите или мне? Льну ему в семени давайте — запоет... Голова? Голова совсем не выщипана, так это он распушился, лохматый... Уж ты, милая моя, сама ты виноватая, титьки выросли большие — голова лохматая! Корма я подсыпал. Детям большая это радость!.. А вам что? Перепел сиделый. Чистохват! Только в лабазе и держать, а в комнате от него оглохнете. Птица громкая! Не верите? Право слово! Вынес для одного любителя. Рубль один давайте! Шесть гривен? Давайте восемь, и дело сделаем! Ну так бы сразу и говорили, а то с хитростью. Ну как там, Михей Ильич, принесли? Огурчиков взяли? А я уж наторговать успел. Да вы что же это — и до меня сами выпили? Весьма неудобно! Ну, давайте...

Слышал я также от птичников:

— Перья — на три копейки, а по пению — в форточку!

(Записано в 1913 г. в Москве от того же Е. И. Егорова. В острословице отмечено плохое пение птицы, имеющей красивое оперение.)

— Птичка-то эта с похлебкой!

(Записано в 1916 г. от московского ловца певчих

птиц И. И. Баранова.) «С похлебкой» — специальное определение характера пения птицы («гайка», или «попик», из породы малых синиц), которая щебечет, как бы захлебываясь, без свиста. Любителями певчих птиц это вменяется экземпляру в большой недостаток. Примененная к определенному лицу, острословица указывает на некоторые недостатки речи: «Поет-то, говорят, ладно поет, да с прихлебкой (или «похлебкой»)».

— Ты синицу ему, я вижу, на Ваганьково продал!

(Записано в Москве в 1907 г. от упоминавшегося Игната Егоровича Егорова.)

Объяснение этой фразы следующее. Старые птичники, для того чтобы постоянный покупатель-любитель чаще производил покупку, старались снабжать его таким «товаром», который не выживал и быстро «падал», «ослабевал», т. е. умирал в неволе. Для этого существовал излюбленный жестокий прием: при высаживании выбранного экземпляра из клетки продавец, беря его в руку, незаметно сильно сдавливал его под крыльями, отчего у птицы получалось внутреннее кровоизлияние и ослабевала деятельность сердца. Принесенная с рынка живая покупка начинала быстро хиреть и погибала в день-два. Поэтому многие любители держания в клетке певчих птиц чаще всего пересаживали их сами, не доверяя торгашу. Смысл острословицы отсюда ясен.

ТОРГОВЫЕ РЯДЫ

Перехожу к старым торговым галереям Верхних торговых рядов * Москвы [1], где был центр всякого рода шуток, курьезных словечек и чудачеств.

Для того чтобы составить себе ясное понятие об основаниях и поводах появления в торговом быту шутовства, прозвищ, дразнилок и пр., необходимо иметь представление о той коммерческой среде, в которой они появлялись. Перед шутливым и находчивым человеком развертывалось действительно широ-

[1] Комментарии к словам, отмеченным знаком *, находятся в конце книги в разделе «Примечания».

кое поле действий. Описать быт и типы всех отраслей торговли, конечно, невозможно, и потому я ограничусь краткими выдержками из записной книжки.

По обычаю прежнего времени, приказчики, т. е. продавцы «при растворах», стояли снаружи, «на прохладном ветру»,— на улице и наперебой затягивали в свой магазин каждого прохожего. При исполнении своих обязанностей зазывальщиков они один перед другим щеголяли искусством разговора.

Шелк, атлас, канифас, весь девичий припас!

Платья венчальные, для вдов трауры печальные, для утехи любовной не вредные — кринолины проволочные медные!

Пандеспалам, делим пополам, купить спешите, к нам в почтенную фирму заходите!

У нас без обману, материал без изъяну, имеем подушки пухóвые, кровати двухспальные ольхóвые!

Ящики туалетные на двадцать мест — подарки для женихов и невест!

Вакса, личная помада, духи «Сирень» — прямо из сада!

Сходно продаем, премию в сувенир даем!

Иногда ватага таких говорунов сговаривалась и устраивала целые шутовские потехи над экономными, любившими поторговаться покупателями. Особенно доставалось духовным лицам и членам их семейств, которых продавцы знали всех наперечет. Попробует, например, появиться скупец в одном конце галереи старых московских Верхних торговых рядов, как весть о его приближении разносится по всем лавкам.

— Краснить или зеленить батюшку будем? — задает вопрос наиболее юркий из говорунов.

Решают «позеленить». Потеха эта заключалась в том, что какого бы цвета материю или приклад ни пожелал осмотреть покупатель, на всех прилавках ему покажут только зеленый. Начнет он удивляться и протестовать, а его уверят самым серьезным образом, что он ошибается и ему предлагают желаемое. В недоумении идет он в следующий раствор.

— Дайте,— говорит,— светло-серого материала жене на платье!

И вновь, с деловым видом, ему раскинут ярко-зеленые ткани.

Неопытный, часто заехавший из провинции простак перестает верить собственным глазам, мечется от прилавка к прилавку, и в конце концов уходит в полной уверенности, что потерял рассудок или правильность зрения. Так же и «краснили».

Еще остресловицы Верхних торговых рядов, случайно слышанные мною в разное время, например про мелких, одетых в бедные, заплатанные форменные шинели чиновников.

Сегодня первым чином награжден, а завтра со службы удален!

Кацавейку с жены снял, да на табак променял!

Давай понюхаем: табачок твой, а платочек мой!

Стул казенный, штаны свои, штрипки дареные!

Под сукно — ничего, а пожалста, поскорей — синенькая! (намек на получение с посетителей денег за продвижение дел).

На пятак — рублей ильинский разменщик! (про скупого, сильно торговавшегося покупателя).

Перехожу к перечислению длинного ряда других торговых специальностей и их острословия.

В 1912—1915 гг. в Москве в Охотном ряду можно было наблюдать состязание двух торговцев-частников, носившее чудаческий характер.

На одной из палаток, заваленной соленой рыбой-кетой, красовалась следующая надпись: «Сам ловил, сам солил, сам продаю!»

Около надписи висел почему-то фотографический раскрашенный портрет в багетной раме, на котором был изображен полуголый человек кавказской внешности с лихо закрученными усами, в атлетическом трико и с лентой через плечо, а на ней множество знаков отличия, полученных, надо думать, за подвиги на поприще состязания силы. Около кеты, вывески и портрета находились еще меньшие фотографии — членов семьи чудака, какой-то «золотообрезный» диплом под стеклом, патент и отрывной сытинский календарь. Возле этой удивительной выставки, кстати сказать, обильно украшенной бумажными цветами, стоял владелец, одетый в северную меховую малицу, в тюленью шапку с длиннейшими наушниками и в расписные пимы. Он был вооружен ножом, которым производились операции по разделанию рыбы на полуфунты, фунты и т. п.

На соседней палатке, торговавшей тем же товаром, висела другая надпись: «Сам не ловил, сам не солил, а дешевле соседа продаю!» Владелец торговли, в противоположность конкуренту, был одет в русский кафтан, почти сплошь закрытый белым широким передником.

Невдалеке от этой пары стоял с корзиной продавец живой рыбы, который, подражая указанным охотнорядским острякам и пользуясь настроением подходивших к ним покупателей, на вопрос: «Рыба-то есть?» или «Какая рыба и почем?» — восклицал:

— Как рыбе не быть?.. Всякая есть — локтей в шесть, окуни да язи валяются в грязи, ерши да караси — от них боже упаси, плотва да лини — из большой глубины!..

Приговор этот имел еще вариант, совершенно недопустимый для печати.

Ряд магазинов готового платья. Около входа в каждый из них несколько продавцов, в обязанность которых также, помимо уменья сбыть за дорогую цену дешевую вещь, входит заманивание, привлечение покупателей. Появляется какой-нибудь провинциал-прохожий. Его тотчас же обступает толпа говорунов.

— Не из платья ли что-нибудь желаете выбрать? — быстро, вежливо раскланиваясь, говорят они почти в один голос.

— Всякого фасону, на любую комплекцию по́льты...

— Тройка пиджачная на ваш рост и фигуру... Брюки в полоску, клетчатые, маренго — в клеш!

Окруженный говорливой, нападающей с предложениями оравой, ошеломленный криками прохожий, в зависимости от целей своего посещения улицы, или сдается и позволяет себя силой, за рукав втащить в первый ближайший «раствор», или отступает, иногда опрометью кидаясь в сторону.

В магазине, все еще находясь под впечатлением шума, разговоров, криков, энергичных подталкиваний и вежливых поклонов, покупатель входил в примерочную комнату, где его засыпали всевозможными предметами одежды. Если требовались брюки, то их притаскивали дюжинами, если нужно было пальто, то добрый десяток их появлялся на специально стоявших для этой цели манекенах, если предполагалась к выбору «костюмная тройка», то на прилавке вырастала их целая гора. Не успевшего не только оглядеться, но, как я говорил, просто прийти в себя посетителя начинали энергично рядить в различные костюмы. Заставляли при этом обязательно поднимать вверх руки и приседать для уверенности в том, что «под мышками пиджачок не жмет», «брючки в шагу не треснут» и т. п. Уйти без покупки из такого заведения было почти невозможно, убеждали умело, доказывали всяческие выгоды сделки, играли на самолюбии убеждаемого и вместе с тем заламывали невероятные цены.

В числе приемов для убеждения в высоком качестве продаваемого была демонстрация внутренних достоинств вещи. В разгар комедии заводился разговор о том, что, несмотря на дешевые цены, весь то-

вар, преимущественно пальто, сшит на шерстяной вате. Шерстяная вата почему-то считалась особой приманкой для провинциалов. Хозяин магазина или старший продавец в доказательство вытаскивал шерстинки, ковыряя булавкой в заранее известном месте пошивки, куда кроме обычной пеньковой подстилки действительно помещался еще кусочек и того настоящего материала, о котором шла речь. Снижали при этом запрошенную цену медленно, измором.

Выйдя на свежий воздух, покупатель искренне ощущал особую радость, отдых и давал мысленную клятву никогда более не делать покупок в этом районе. А дома, разглядывая купленное, чесал в затылке, приходя к определенному выводу, что выбрал все плохое и заплатил втридорога.

Таковы были методы торговли.

Мне удалось записать следующие разговоры, шутки и острословицы «платьеников»:

Здравствуйте, уважаемый сударь-господин, почтеннейший купец! Небось за товарцем приехали побывать да справочку себе, приличную достоинству, приобрести? Очень можем желанию вашему соответствовать, только что партию новых предметов приняли. Пальтецо или шубку для начала? Ах, батюшка, без шубки теплой, что без рук, а без рук и дела нет! Телу тепло и душе хорошо... Завсегда так! Как ваше имечко с отечеством по папаше? Иван Терентьевич? Покажите Ивану Терентьевичу что есть наилучшего, дайте прием по чести и положению. Ах, батюшка, Иван Терентьевич, откроем для вашей милости все наши штучки: в полоску теплые зимние брючки, божий старичок, для храмового бдения и гостей посещения — длинный сертучок, дипломат черный с волоском — маренговой, чтобы ай-да-ну!.. Сам я тоже пофрантить иногда люблю... Отчего и нет?.. О цене после говорить станем, по вкусу надо сначала товар подобрать... Ну вот-с! Старый конь борозды не испортит, а новую, где надобно, наведет. Пошутить я тоже вовремя люблю. Старший разъездной приказчик моего папаши был и чудачества разные хорошо сказывал. Придется пальтецо в левом плече чуть поубрать — шито с запасом... Бывало, такие шуты с покупателем он разговаривал: «У нас товар за первый сорт, покажу вам всяческих картин — сукно

всех цветов, трико-с, серый дерматин! Извольте примерить, на слово нам не верить, фасон модный, носит человек благородный, со стороны всякому видно, что товарец семеновский вам носить не обидно: прилично-с и отлично-с! С такого товару вдовцу засватать можно богатую, состоятельную пару... Ну-с, мы не попадаем-с в конфуз, на вас все приятно сидит, точно стачано, а на том и слово наше кончено!» Папаша мой его завсегда просили хороших покупателей принимать... Велите, ребята, Василию Герасимовичу жилеты с верхней полки подать! (В сокращенном виде записано в 1910 г. на Нижегородской ярмарке от временного торговца готовым платьем Ивана — отчество в оригинале утрачено — Семенова.)

Пальтецо не угодно ли на меху гагачьем, с шелухой рачьей?

Для мадамочки-супруги — ломовые подпруги на шелковой подкладке, на шерстяной байке...

Купил, так не задерживайся, а то дождик пойдет — товар раскиснет!

Приходите еще, знакомым порекомендуйте, родным похвалите!

Дай вам бог столько здоровья, как на вас сидит этот пиджак!

Адресочек наш не запамятуйте: Продувной ряд, Муромский лес, в нем седьмой навес, от дороги влево, где заячья тропа на прогон скота; прямо не идите, взад не заворачивайте — сразу найдете!

Не оставьте еще когда, продаем дешево, складно, одеваем, рядим, охаживаем, покупателей на сто годов приваживаем!

Шуба для доброго купца-молодца! Приклад — моржовый, воротник — ежовый, а вокруг всех прорех еще нашит рыбий мех. В один рукав ветер гуляет, в другой метель прометает, от тепла зимой зуб на зуб не попадает!

Тебе носить не дипломат, а золотарский поднаряд!

(«Золотарский» — от «золотая рота» — гренадерский,одетый в парадную форму дворцовый караул. В данном случае — насмешливое сравнение рваных, спившихся, занимающихся очисткой выгребных ям людей. Возможно, что «золотарями» в насмешку именовали специалистов по очистке выгребных ям в связи с их профессией «вывозить, убирать «золото», т. е. то, «что дорого стоило, на что золото потрачено». «Поднаряд золотарский» — насмешка над лохмотьями опустившегося человека или над обычным грязным одеянием «выгребников». «Золотарь» встречается и как определение профессии ювелира.)

Брюки наши хорошие, люди — не хают, собаки — не лают, о них мадамы вздыхают. Надевай, домой в обнове поезжай, жена с детьми увидит — резону лишится!

Мех — бухарский кот, заберет от него цыганский пот!

Для твоей рябой рожи — две худых рогожи, да полторы змеиных кожи, да сказать сто раз: «Помилуй боже!»

Тебе, я вижу, пальто надо не на ватине, а на свиной щетине. Попроси пастуха — он тебе по волосу все тепло соберет!

Давай дело-то делать, да по рукам! По рукам, да в баню — я тебе уступлю мою рыжую Матаню! Идет? Сколько за брюки не жаль? Четыре рубля? Нет, друг ситный, в домашних походишь, от городских у тебя

губа распухнет. Шесть с полтиной — последнее слово! Ну, ну, лети дальше!

(«По рукам, да в баню!» — распространенное выражение, которое мне приходилось слышать и от профессиональных бродячих скоморохов.)

Не на клею тебе продал, а от руки шитое. Износу вещи не будет, на железной нитке. Не веришь? Бабе своей дома не верь, без тебя небось сейчас с дружком сидит да прохлаждается, а ты время тянешь. Бабе не верь, а мне доверяйся — я не за наживой гонюсь, а за покупателем, а бабенка твоя сласти любит! По-богатому любит жить... А мы с тобой люди бедные — в трубы дуем медные. Только за себя-то постоим еще — кому туго, кому любо, а нам очень хорошо. Ну, с двух слов... Пять рублей шестьдесят и бери брюки — на две ноги, франти! Меньше не отдам, наживаю один целковый!

(«Не на клею тебе продаю» — очень типичное выражение для московских сухаревских маклаков. По рассказам старых торгашей, практиковался следующий прием продать для сохранения времени незаконченную работой вещь. Скроенную ткань «сметывали», края загибали и, промазав клейстером, т. е. разведенной в горячей воде мукой, склеивали и утюжили. Получалось полубутафорское носильное платье, которое размокало от первого дождя и требовало дополнительной работы портного. Продавали «клеенки» всегда с рук, на улице, как бы случайно и преимущественно наивным провинциалам.)

Юбочка ваша по цвету к ватерпруву *. Нельзя не купить! Веерок еще где приобретете, и на бал к самому губернатору ехать можно! Все на костюмчик внимание обратят, позавидуют и спросят: «Где купили?»

Не смотрите, что они в шляпе с цветами, дипломат у них хуже вашего будет! А шляпу сорока на гнездо к своим детям снесет. Прикажите уложить, тридцать три последняя цена!

Мы вашего папашу не зря почитаем. Лебедем поплывете в таком пиджачке! Настоящий торговый, для сидения за кассой, или выйти когда к хорошему покупателю! В тальице широковат немного — это для удобства ношения. По рукам, и прикажите завернуть! Кумом королю будете, нашенский купец никому не уважит, королева-с им пардон от чистого сердца скажет! Фирму нашу после не забывайте!

Ишь ты — спасибо! Самого бы искосило! Не ругайся, а цену делай верную! На твоем спасибо шубы я не сошью, а свою пропущу!

(Вышеприведенные острословицы, «говорки» и «болтушки» записаны от неизвестных продавцов в период 1909—1914 гг. в Москве, в рядах готового платья у Сухаревой башни, на Нижегородской ярмарке и на торговом «Балчуге» Нижнего Новгорода.)

БУКИНИСТЫ, ИЛИ КНИЖНИКИ

Воскресенье. Только седьмой час утра, а на старой московской Сухаревке * суетится уже немало народа. Строят ряды нескладных, привезенных со складов из соседних дворов палаток, занимают посредством ящиков и заплатанных, расстилаемых прямо на земле холстин места для развала и подтягивают возы с упакованным на живую руку товаром. Через час-два здесь откроют импровизированные торговые отделы, носящие названия: меховые, кустарные, кондитерские, тряпичные, готового платья, музыкальный, антикварный, книжный. Последний

поспевает раньше других и давно рассыпает свои громоздкие и тяжелые тюки, перевязанные прочной, толстой веревкой. Да и немудрено: книга требует значительного времени на разборку, на удачное размещение «глазком» к покупателю и на сортировку по содержанию.

В палатках книжного ряда будут сидеть те, кто покрепче в смысле оборотного капитала, кто обладает должным ассортиментом или каталогом товара и кто поэтому пользуется особым авторитетом и знакомством с состоятельным покупателем. Здесь, напротив старого ананьевского дома,— основная резиденция книги, здесь ее рыночный центр и место законных встреч с любителем-библиофилом. За палатками, на мостовой разбросают свой товар «земляники», более слабые перепродавцы, оперирующие с «ро́збитью», «разнобоем» и «липой».

С раскладкой спешат, ибо вскоре начнет появляться и интересный, неизменный бытовой типаж Сухаревки. Первым приезжает на разбитом экипаже московского ваньки Кирилл Николаевич Николаев, владелец магазина на Сретенке. Он должен, опередив конкурентов, еще до открытия базара осмотреть все «редкости», выторговать их у владельцев и с чувством особого удовлетворения направить на свой склад. И он усердно работает глазами, руками и набитыми в бумажник кредитками.

Почти одновременно с Кириллом Николаевичем начинает сновать у палаток и маленькая, щупленькая фигурка антиквария Ерыкалова, пренебрегающего книгой и избравшего центром своего внимания старинный фарфор, бронзу, мебель и живопись. Оба они роются так, что напоминают трудолюбивых, отыскивающих свой корм кротов. Медлить и нельзя — помимо продавцов, натекает лавина народа из столичных жителей, любопытных и ищущих развлечения от путешествий и покупок на праздничном рынке. Среди них может найтись «перехватчик» на товар.

У «развала» также выросли свои завсегдатаи. Вон удивительно колоритная фигура, по внешности похожая на живописца. Это книжник Илья, которого Сухаревка прозвала в шутку Пачечник, навсегда забыв его настоящую фамилию. Специальность его — «па-

чечная липа». Целую неделю он скупает всякую книжную дрянь, выбрасываемую букинистами за ненадобностью, переплетает ее в приличные, также купленные в «ломе» папки и наклеивает на корешки несоответствующие содержанию названия. «Рецепты мыловарения» он снабжает этикеткой «Полное собрание сочинений Некрасова», а календарь Гатцука * переделывает в Лермонтова. Изделия свои он крепко увязывает бечевкой в пачку и по сходной цене продает наивным, не вскрывая, оптом. Только придя домой, счастливцы обнаруживают обман: добродушные — смеются над ловкостью «липача», а серьезные грозят неосуществимой местью. Если Илью встречают после и стыдят, он мало обижается на это, от более же внушительных протестов он умеет скрыться в многолюдной толпе. Чаще всего своими жертвами он намечает лиц духовных и состоятельных — те и другие реже идут на скандал. Много и помимо Пачечника снует по рынку «душегубов», только Илья типичнее и убежденнее всех. Работает он годами и не изменяет своей «технике».

Но не только «душегубов», как называли в шутку шарлатанов книжной торговли, привечала Сухаревка. Были и такие, которые проходили на ней жизненную школу, своеобразный университет и в наши дни встречаются с нами в роли участников организации букинистического дела на общественных началах. Разносчики книг Михаил Иванович Пузырев и Василий Никитич Эскин — распространители по старым торговым купеческим фирмам «Былого», «Правды», «Перевала» ** и нарядных классиков, в праздничный же день они обращались в «развальщиков» торга. «Колючий» ловкий книжник с Ильинского бульвара Дмитрий Сергеевич Симаков, или Солдат, тоже нагромоздил библиотечные сокровища на случайно постланной рогожке. Василий Петрович Волнухин, у которого прочно установилась в среде своих кличка Куб, держит свой товар на опрокинутом вверх дном ящике. Прозывают его так по недавней основной профессии работника кухмистерской, где на его обязанности лежало наблюдение за водогрейным кубом. Он считается верхом добродушия, простоты, на прозвище не сердится, и его любят завсегдатаи, величая в знак уважения его добавлением к

имени и отчеству. Не столько знают Василия Петровича Волнухина, сколько Василия Петровича Куба. Многие советуются с ним при покупке как с наиболее опытным человеком. Если у него не спорится дело, продажа идет вяло, он со вздохом жалуется: «Куб ты, мой куб, что ты долго не кипишь?..»

Иван Алексеевич Любимов, за глаза «Тверской мужичок» и «Народник», тоже нагрузил себя объемистыми книжными кипами и с деловым видом обсуждает текущие события. Миша Герасимов, он же Грузинский, один из первых успел наторговать и горячо убеждает какую-то духовную особу в целесообразности приобретения по доступной цене «Домашней гигиены для девушек». Но народу много, всех не вспомнишь, не зарисуешь, и я наспех отмечаю лишь тех, впечатления от которых наиболее ярки или с кем чаще приходилось сталкиваться при случайной книжной покупке — в палатке или в солидном магазине с выставкой.

День Сухаревки сумбурный, крикливый, для многих бестолковый. В четыре часа ее староста Иван Матвеевич Груздев звонит в «вечевой» колокол, извещая о конце рыночной продажи. Все складываются и разбредаются по трактирам и чайным «на беседу» или «на обмен мнениями». Еженедельный водоворот книги наградил ее перепродавцов рядом новшеств, которые на другой же день растекутся по полкам любителей и собирателей книги.

В Москве существовали старые, специальные биржи букинистов: трактир «Орел» — на Сухаревской площади и трактир Абросимова — на Малой Лубянке. В первом сходились, впрочем, не одни книжники, здесь встречались между собой и антиквarии, аукционщики, ювелиры, меховщики. Но второй был центральным местом «душегубных» собраний. В первом появлялись с шести часов утра, во втором — попозднее утром, днем и вечером. Здесь был даже особый книжный зал. И не просто зал, а с литературным складом, где у стен хранилось от ста до ста пятидесяти пудов предназначенных для продажи книг. Нравы и порядки абросимовского трактира утвердились таковы, что о них стоит сказать несколько слов. Трактир был без крепких напитков, но пьяных можно было найти сколько угод-

но. «Выручал» соседний с трактиром ренскóвый погребок, где и запасали то, чего не хватало на буфетной стойке. По виду все занимались чаепитием, игнорируя всякие иные процедуры, но на деле было несколько иначе. В зале стоял стол, который регулярно занимала любопытная личность книжного мирка — Федор Петрович Теплухин, владелец всех фундаментальных литературных залежей, которые несколько выше я назвал специальным складом. Это, пожалуй, одна из центральных фигур уличной книжной торговли. Он занимался тем, что снабжал товаром бульварных «путальников», или «бойцов», одолевавших приставаниями всех прохожих и сбывавших этим путем залежалый товар. Для того чтобы сделаться «бойцом», следовало заручиться расположением Теплухина и получить небольшой кредит. Последнее требовалось потому, что на такое занятие люди шли опустившиеся, алкоголики и имевшие за собой судебные провинности. Средств у них не бывало. Придет такой и просит:

— Федор Петрович, одолжите книжечек?

— А деньги принесешь или сбежишь?

— Да что вы, помилуйте... Зачем так поступать?..

— Ну на тебе, в первый раз, на полтину, после свидимся — еще добавлю...

Получивший кредит в пятьдесят копеек шел скорее «базарить». Если «по-хорошему» возвращался и приносил задолженность, то доверие увеличивалось до рубля, а если не доносил, пропивал или исчезал, то уменьшалось, при встрече, до гривенника. При этом ему читали внушительную нотацию о честности и прочих высоких добродетелях. Исправившемуся прощалось опороченное прошлое. Сам Теплухин был до занятия книгой скобяником и считал приобщение человека к торговле книгой особой нравственной заслугой. Товар его состоял или из порнографии, или из магазинной завали, или из изданий Коновалова и Морозова, которые ставили на них — для «авторитета» книги — несуразные цены. Печаталось, например, «цена 6 рублей», а себестоимость для продавца равнялась шестидесяти или семидесяти пяти копейкам.

Шел еще «сбив» от одного перепродавца, имев-

шего лавку у Гаврикова переулка. Фамилия его сейчас утрачена. Додумался этот чудак до того, что литературу, свезенную из провинции и с аукционов железных дорог, продавал на вес: Некрасов стоил десять копеек за фунт, Боборыкин * — по пятачку, Гоголь — по семи копеек. Здесь можно было натолкнуться на «разнокалиберные» собрания изданий, на «подставные», на «сборные» и т. п. («разнокалиберные» — т. е. от разных изданий, «подставные» — смесь переплетенных с непереплетенными, «сборные» — где одна книга могла быть составлена из трех разных).

На бирже происходили и совещания торговцев, устанавливавших общий курс на серьезную, спросовую книгу. Делалось это как для поддержания взаимного авторитета, так и для денежных выгод от оборота.

В четыре часа дня у Абросимова можно было производить смотр букинистической Москвы. Не только сходились сюда владельцы небольших «подзаборных мест», «ручники» и разносчики, но даже крупные фирмы засылали своих представителей. В течение недели трактир заменял Сухаревку. «Книжный нерв» или «центр деловых свиданий» — говорили про него. Типичными фигурами трактира были также братья Андреевы — Константин и Семен, торговцы, к которым книга попадала случайно, при другом товаре. Оба были скорее мебельщиками и антиквариями, чем букинистами, дела этого не любили и не знали. Ходили по аукционам «на подторжках» и имели хорошие средства. Константин был тихий и мягкий человек, а Семен — скандалист и драчун, вследствие чего разыгрывались интересные сцены. Придет нетрезвый и палкой ударит кого-нибудь, тот громко крикнет:

— Семка, к мировому пойдешь, двадцать пять за удар!

И обидчик, слегка поторговавшись, как ни в чем не бывало вынет двадцать пять рублей и отдаст на примирение, а через несколько минут дебоширит уже с другим. Так продолжается до тех пор, пока денег хватит.

Покупатели и коллекционеры также знали трактир и нередко его посещали. В числе их бывали

курьезно-характерные фигуры. Появлялись, например, едва ли не через день, двое помощников пристава местного участка. Один собирал и скупал классиков, а другой всю революционную литературу, несомненно направляя ее «по начальству». Книжники их хорошо знали, держали себя в их присутствии просто, но малость остерегались. Полиция держала книжников под бдительным надзором, и для этого требовался наивный коллекционерский предлог.

Иногда на бирже перекупались адреса мест продажи. Торговец, не имевший денег на приобретение, мог или «прихватить» компаньона, или войти в соглашение с потребителем, разыскивавшим для себя библиотечные пополнения. В последнем случае он ехал по адресу вместе с собирателем, обязывал его хранить молчание о действительной стоимости продаваемого и узнавал о подходящих для спутника экземплярах. Ссудив неимущего на место деньгами, библиофил заранее закреплял за собой нужный материал и брал его по сравнительно невысокой цене. Так как платили за книгу при покупке дешево, то иногда, выдав часть приобретенного, букинист получал все остальное «на барыш», бесплатно. Приглашали с собой коллекционеров еще и для того, чтобы поучиться от них, или, по меткому выражению, «мозгов в башку поднабить».

«Вязка», т. е. раздел общей «компанейской» покупки с выплатой каждым из получателей части или всего товара «отступного» остальным, также происходила за чайным столиком абросимовского заведения.

Китайгородская стена, Ильинские ворота, Никольский угол *, Ильинский бульвар — хорошо известные для старого московского букиниста места. Вдоль всей китайгородской стены тянулся ряд мелких лавочек книжных торговцев. Они прилеплялись к нишам стен, вылезали из всех уголков, щелей и трещин. Постоянная ярмарка букинистов. Описать всех невозможно, для этого требуется обстоятельное исследование. Самым типичным из них был знаток лицевых ** и старописных книг Большаков. Прекрасная модель для живописца, интересовавшегося раскольничьим бытом. Одевался в русскую поддев-

ку и сапоги, сам был нервный, худой и подвижный. Знакомясь с покупателями, обычно спрашивал:

— Дозвольте узнать, как ваше святое имечко?

И потом долго и упорно торговался. Специальностью этого человека было нахождение редких памятников старины, грамот, рукописей и икон. В музеях немало предметов, получение которых связано с его именем.

Главную же пестроту представляли не эти миниатюрные «растворы», а бульвар, где кипела, как лучевое отражение абросимовского трактира, уличная война книжников с прохожими. «Война», по-моему, верное определение этой торговли. Продавали «внапор», т. е. настойчиво преследуя пешеходов, убеждая на всяческой манер и почти насильно всовывая в руки книги. Для этой специальности требовались большая развязность, отсутствие обидчивости на брань, умение ловко ответить и полная неутомимость. Иную жертву преследовали «в очередь»: один за другим. У Ильинских ворот был центр и порнографической торговли — непристойными фотографиями, игральными картами и мелкими брошюрами. Покупатели — священники, дьяконы, гимназисты и наезжавшие в город богатые крестьяне. Материал для этого сбыта доставляли особые поставщики.

К бульварным книжникам примешивались и лубочники, т. е. продавцы ярко намалеванных литографий, посвященных различным событиям, «сбытчики поминаний», записных книжек и канцелярских принадлежностей. Иначе обстояло дело в московских книжных складах, магазинах и лавках. Там были особые нравы, порядки: сидели годами или периодически появлялись своеобразные люди. Воспоминание о них не лишено интереса.

Большой популярностью пользовался тогда Павел Петрович Шибанов, имевший склад на Никольской улице. Регулярным выпуском печатных каталогов, сильно поднимавших в то время торговлю, он сумел тесно связать себя с провинциальным потребителем. Один из крупнейших знатоков книги, доходивший в своем деле до виртуозности. Спросишь его, бывало, в каком году издана такая-то книга, а он, в мгновение, не только на вопрос ответит, а при-

ведет сведения о тираже, листаже, месте выхода и даже, по желанию, типографию назовет. Сразу и не верится, что человек может обладать такой памятью и осведомленностью. При колоссальном опыте и умении быть интересным собеседником Шибанов обладал, однако, одним недостатком, которого многие ему не прощали. Если чувствовалась особая нужда посетителя магазина в книге, то, сообразно с темпераментом покупателя и с вдохновением продавца, повышалась и цена на нее. Делал это Павел Петрович убежденно, самыми различными приемами, неизменно и на протяжении многих лет.

То уверял, что пометка стоимости старая, требующая изменений, а то просто находил в ней описку. Эта странность на многих действовала во всех отношениях отрицательно, и находились такие, которые посылали к Шибанову взамен себя или знакомых, или нанятого для этой цели мелкого букиниста.

— Дмитрий Сергеевич, заплачу тебе три рубля — сходи за меня и купи у него, что мне надо,— обращались они к старым торговцам.

Говорили:

— Вот какая манера у твоего Павла Петровича. Стоит книга пятерку, и цена на ней писана. Видит он, что покупатель в нее больно въелся и деньги хочет платить, сейчас ее забирает в руки. «Извините,— говорит,— это старая у нас цена, не перемечена, я в запись посмотрю, сколько она стоит». Пороется там в каких ни на то бумажонках и ответит: «Восемь рублей, хорошо, что на глаза мне попалась». Ну и заплатят восемь!

П. П. Шибанов был также большим знатоком древних рукописей, но искусства этого никому не передал. Из старых известных шибановцев хорошо знал книгу бывший продавец склада Владимир Петрович Назаров. Только шибановскую «игру в цену» он не применял и сам отзывался о ней с осуждением.

О Кирилле Николаевиче Николаеве я упомянул при описании старой книжной Сухаревки. Торговал он на Сретенке. Это был тоже один из серьезных знатоков в своей области. Он же считался и учителем книжников, не прятавшим от них своего опыта

и сведений. За это его недолюбливали «солидные фирмы». Только система обучения была у него своеобразная. Принесет мелкий продавец книгу и дешево по незнанию отдаст.

— Ты за сколько мне свой товар продал? — спросит он поставщика.— За три рубля? Деньги получил?.. Через полчаса такую еще принеси — я тебе десять заплачу. Не хлопай в другой раз глазами!

Впервые он появился на толкучках с несколькими рублями в кармане, одетый в старую казенную солдатскую шинель, позднее был крупным финансовым деятелем серьезного рынка. Коли книга подходила, в цене не стоял.

— Дорого покупает,— говорили про него,— дорого и продаст! Книгу не упустит, торгуется, двадцать раз понемногу накинет и выдерживает продавца...

Имел он и учеников в деле — Михаила Ивановича Логинова и И. Иваницкого, впоследствии связанных с усовершенствованием советской букинистической торговли.

Известный всей научной и литературной Москве Афанасий Афанасьевич Астапов был неизменным «сидельцем» Проломных ворот. Про него говорили: «Святой сиделец Проломных ворот, преподобный девственник отец Афанасий». Происходил он из серпуховских крестьян, был человеком начитанным, любившим свое занятие, и слыл мастером «по-умному» поговорить. Его деревянная, не отапливавшаяся в зимнее время лавочка считалась местом собраний самых культурных людей того времени. Сходились там университетские профессора и видные писатели. Одиночество и замкнутая жизнь создали вокруг Астапова всевозможные шутки, иногда нескромного характера. После его смерти сохранились печатные каталоги торговли, широко при жизни владельца расходившиеся по рукам.

Павел Федорович Яковлев был книжным бессребреником. Денег никогда не имел и не мог иметь, ибо обслуживал беднейшую интеллигенцию. Дешево покупал, дешево продавал и всегда оказывался должным. Покупатели шли к нему не только за приобретением, а и по знакомству, порою занять несколько рублей. Иногда, впрочем, с этой же целью обращался к ним и сам владелец магазина, если

можно было так назвать крохотную лавочку в Козьмо-Демьянском переулке.

Принесут ему на продажу книги, а он обязательно воскликнет:

— Боже мой, что вы со мной делаете, я сам дешево продаю, где столько заплатить?!. Денег у меня нет.

Последнее у этого приятного, очень начитанного и интересного человека было, как я уже говорил, горькой хронической действительностью. В его лавочке рылись чаще всего пустокарманные ученые, находившиеся с владельцем только в теплых, дружеских отношениях и не дававшие дохода. Недаром и прозвали его «профессорский поставщик». Склад товара имел он тоже в оригинальном помещении — где-то на одной из церковных колоколен Знаменки *.

Серьезным знатоком считался еще Иван Михайлович Фадеев, конкурировавший в осведомленности с Шибановым. Еще при жизни А. А. Астапова он приобрел его многолетнее собрание. Книгу любил, выдерживал, платил дорого и недешево продавал. Ценили его мягкий тон, солидность и положительность: дорог Фадеев, но уважителен и в пояснении прямой. От Шибанова к нему первый ход по нашей линии! Цену не переменит, а враз скажет...

Систему торговли и знания от Фадеева отчасти воспринял Николай Александрович Слезкин, продолжавший и потом работать в советских букинистических организациях. «Слезкин — фадеевская дорога».

Матвей Иванович Шишков, ученик И. И. Леонова **, один из крупнейших знатоков и организаторов букинистической торговли.

— Книжный король по знанию, выше его не было и нет!..— шутили о нем заглазно любители.— Профессор, а не человек!

Владимир Васильевич Копылов, начавший свой путь от сухаревской палатки и позднее имевший лавку на Большой Никитской против консерватории. Мягкий, доступный и «сходный» продавец. Прозвали его за это букинистические балагуры «божеский книжник».

В описываемый период среди издателей появилась некая вдова Ольга Николаевна Попова, зани-

мавшаяся выпуском запрещенной литературы. Вышли тогда у нее книги «Очерки современных казней», где подробно описывались смерти Каляева и Балмашова, и Асина «Страшно жить»... По административному распоряжению оба издания подлежали конфискации и уничтожению. Прятали их частями в различных складах. За распространение их взялся книжник Дмитрий Сергеевич Симаков, на первых порах удачно. Симаков был выучеником варшавского магазина Карбасникова и последовательно прошел большую школу делового, знающего продавца. Обстоятельства забрасывали его и в сухаревскую палатку Семена Мироновича Ширяева, прозванного благодаря сходству с портретом поэта «Пушкиным», и «на развал», и на бульвар, и опять возвращали в лучшие магазины, как, например, в «Труд» издателя газеты «Борьба» Сергея Аполлоновича Скирмунта. Симаков и «поохотился» провести книгу. Подобрал помощников-разносчиков Василия Эскина и Илью Красикова. В десять тысяч тираж «раскинули» удачно. Совали в пачки, маскировали лубком, календарями и т. п. Только гладко дело это все же не прошло. Ночные полицейские арестовали всех. Выбраться впоследствии из арестного дома удалось с затруднениями и с ухудшением в положении. Всех взяли на учет.

Сергей Аполлонович Скирмунт, открывший магазин «Труд» и издававший газету «Борьба», был известен тем, что первый сделал попытку ввести в те времена нормальные условия для работников книжного прилавка. Он установил посещение магазина врачом, выдачу служащим субсидий из личных средств, сытные обеды и оплаченный отдых в Крыму. Только — надо быть откровенным — по воспоминаниям его бывших работников, «субсидиями» крепко злоупотребляли. Для того чтобы получить их, прибегали к фиктивным «письмам из деревни», извещающим о падении коровы, о смерти близких и т. п. Полученные же деньги расходовали по назначению, которое подсказывалось открытыми в прежнее время на каждом шагу «монопольками», трактирами, «низками» и т. п. Известно, что за издание «Борьбы» С. А. Скирмунт был позднее заключен на три года в крепость.

Василий Иванович Симаков, неутомимый собиратель и издатель народных частушек, тесно связал себя с книжной торговлей. Это был образец корректного и доброжелательного отношения к покупателю. К нему можно было ходить не столько для приобретений, сколько для разговоров на общие темы. Да и личная библиотека его по фольклору заслуживала и заслуживает большого внимания. Нет ни одного интересного издания, которое он пропустил бы.

Про него слышал:

— Насчет частушки спросите Василия Ивановича. Больше не к кому направить. Он и по песне имеет собрание. Сам любитель громадный!..

Действительно, этот бывший крестьянин, на четверть букинист и на три четверти любитель и собиратель, всегда удивлял настойчивостью, с которой хранил образцы острословной народной речи. Их у него, по его словам, набралось в конце концов более пятидесяти тысяч. Видимо, отсутствие средств подвело Василия Ивановича к путям торговли. Нутро у него, по выражению букинистов, было другое!

Был еще Михаил Алексеевич Соколов с Никитской *, так почему-то неизменно определяли его товарищи.

— Какой Соколов?

— Да с Никитской...

И сразу было понятно, о ком шла речь. Крупный специалист по технической литературе, приветливый хозяин. На отношения его с покупателями стоило посмотреть. Придет какой-нибудь искатель книги и начнет рыться на полках. Соколов сразу почувствует, что денег у посетителя нет, а книга ему нужна.

— Вам что подходит? — мягко спросит он, глядя поверх очков.

— Да вот эти... Я попрошу вас их отложить, зайду через неделю,— робко начинает спрошенный.

— Да вы сейчас возьмите...

— Денег с собой нет.

— Все равно возьмите... Потом занесете!

— Да вы меня не знаете... Как же так?

— Все равно возьмите, я вам верю!

— Адрес хоть мой запишите.

— А зачем он мне?

И наградит ошеломленного покупателя пачкой книг на значительную сумму.

Обманывали или нет Соколова с Никитской, я не знаю, но, вероятно, при таком способе добродетельной торговли обходиться без этого не могло. Говорили: «Михаил Алексеевич душу покупателя насквозь видит». И, пожалуй, в этом большая доля правды.

Крестьянин бывшей Саратовской губернии Абрам Григорьевич Васильев — типичный офеня-книгоноша, распространявший по глухим местам более сорока лет народные сытинские издания *, в Москву заезжал всегда за товаром. Средств не имел и пользовался преимущественно кредитом. Размер последнего равнялся пятнадцати — двадцати рублям и обеспечивался для фирмы вещевым залогом в виде карманных серебряных часов, обручального перстня и т. п. Таков был порядок коммерческого доверия у частников. Пользуясь пароходным сообщением, Васильев посещал все и крупные и незначительные ярмарки, развозя цветистую лубочную литературу, литографии и т. п. Сын его, Александр Абрамович, работал в государственных букинистических организациях.

Алексей Васильевич Гладков — немного антиквар, немного специалист по древней иконописи, а больше всего букинист. Торговал при музеях, доставал, при заказах, редкие, интересные книги. За глаза любили его вышутить за святость, давая меткую характеристику: «Славный человек, а по духу вроде схимника!»

На самом деле впечатление он производил неизменное: человека честного, «грехобоязненного», приветливого и к тому же умевшего подобрать научный отдел для любой ответственной библиотеки.

Николай Александрович Горюшкин — бывший газетоторговец, начинавший дело у Покровских ворот. Ловкий, деловой и оборотливый человек. Слышал про него:

— Был горе-Горюшкин, а теперь в книгу крепко вошел! Все горе — в карман собирает... Эх, кабы рубанком его чуть построгать, чтобы глаже в обращении был!..

Петр Николаевич Рыбников, торговавший при

воротах Московской государственной консерватории. Отличался удивительной, фанатической твердостью в слове, шутники смеялись: «Если слово дал, на нем и помрет. Сам себя с места никак не сдвинет!»

Вы могли прийти к этому добродушному и несколько мрачному над вид человеку и просить его отложить вам те или иные книги, что он с каким-то священнодействием и исполнял. После этого, не получив даже задатка, он брал отобранные вами экземпляры под особое покровительство и засовывал их за доски шкафа. Десять конкурентов могли бы предлагать двойные цены, но Петр Николаевич был непоколебим и терпеливо ждал появления законного владельца. Иногда последний забывал о сделке и приходил только спустя несколько месяцев, но товар ждал на своем месте. Зато величайшей обидой было бы отказаться от прежних обещаний и не взять заказа — Рыбников, вероятно, не забыл бы этого до последних дней жизни. Так был он крепок на слово.

Мария Павловна Лукина, оперировавшая с учебниками для средней и высшей школы и беллетристикой. Единственная женщина Москвы, посвятившая себя букинистической специальности. Остроумно следующее, сделанное мне старым книжником, сравнение: «Фельдмаршал Суворов по делу!»

Несомненна в этом полная доля правды: вспоминали ее как энергичного, покладистого и хорошо осведомленного книжника, или, как говорили еще, книжницу!

Семен Павлович Данилин — крестьянин Тульской губернии, которого букинисты настойчиво прозывали Сенька-Кот из Измайловского зверинца, что вытекало из жизненных увлечений старого, опытного книжника и специальности скупать произведения печати у уличных старьевщиков. С этой целью он посещал квартиры, где проживали компаниями эти профессионалы: в домах бывших владельцев — Обидиной на Петровке, Шугаева по Неглинному проезду, Ляхович по Мясному переулку, Фадеева по Звонарскому переулку, Ефимова по Сухаревскому переулку, Воробьева, или «№ 5»,— там же и Короткова по Толбинскому переулку *. Здесь он был своим человеком и пользовался неограниченным автори-

тетом. Торговал на развалах всех рынков и доставал для научных работников ценные материалы.

Тимофей Петрович Лебедев, «сидевший» в палатке на Кузнецком мосту, имевший большую клиентуру и тративший все доходы на слушание русских хоров и гармонистов. Последнее обстоятельство установило за ним клички Дирижера и Регента. К книге относился толково и старался сбыть ее в руки специального любителя.

Типичный «ручник» — Александр Михайлович Павлов, никогда, при самых удачных жизненных обстоятельствах, не имевший в личном распоряжении более двадцати пяти рублей, чем особенно и гордился. Благодаря высокому росту имел прозвище Эйфеля. Подобно Данилину, собирал книгу от старьевщиков-татар, которые часто отказывали ему в доверии. Происходили при этом оригинальные сцены.

Подходит Александр Михайлович к развалу, берет в руки книгу и просит «отпустить» ее в долг.

— Князь,— говорит он,— вы мне деньги верите? Нужно мне оборот сделать...

Следует категорический протест владельца.

— Ах так,— продолжает Эйфель,— вы думаете, книга эта дорогая и ценная? Посмотрите, что я с ней сделаю!

И бросает экземпляр в лужу или в грязный мусорный ящик.

Продавец теряется:

— Что ты, Александр Михайлович, делаешь, зачем товар портишь?

— За себя сам и отвечаю. Не хотели добром уступить, мокрую теперь давайте!..

Поневоле согласятся, а через час она продается уже в «проломе» с откровенными пояснениями:

— Продавца подпутал, надо же выпить!..

Жил Павлов на Хитровом рынке в доме Ярошенко, принципиально не имел кошелька и всегда, даже ночью, держал деньги в кулаке. Чтобы сделать у него товарищеский заем, достаточно было подойти к сонному, разжать пальцы и взять сколько требовалось. Так и поступали.

Александр Михайлович Старицын, знающий антикварий, имел торговлю в Леонтьевском переул-

ке *. Любил, подобно К. Н. Николаеву, указывать своим продавцам на их ошибки.

— Сколько тебе,— спросит,— за товар заплатить?

— Да пять рублей, по-свойски.

— Ну, на... А почему семь не просил? Я бы и семь дал! Теперь только поздно, дело сделано!

Владимир Захарович, фамилии его никто не помнит, ибо все знали только имя и отчество большого чудака и оригинала. Он занимался ручной перепродажей книг в палатки, больше же собиранием коллекции портретов, совершенно не известных ему лиц. На мастерство, технику художника он не обращал при этом внимания, а только требовал, чтобы изображение было обязательно написано на холсте и масляной краской. Платил от двадцати пяти копеек до трех рублей за экземпляр и никогда не выше. Изображения попадались иногда изумительно безобразные, но это не останавливало составителя картинной галереи. После его смерти портретов насчитали до тысячи. Большая часть их, после осмотра специалистами, была направлена родственниками в утиль. Об этом приходится пожалеть, ибо из них составилась бы прекрасная и единственная в своем роде выставка былого типажа. Я встречал его в палатках и лавочках Устьинского моста, где он временно заменял уходивших на чаепитие букинистов. Предлагавшиеся им книги носили характер религиозно-поучительный и сбывались только случайно. Звали его Старый Любитель или Рембранд.

Иван Петрович Сотников, выросший из любителей и собирателей библиотеки. Бойкий культурный букинист, обладавший способностью доставать самые редкие и интересные книги. За глаза прозывали его «живец» и «почтовая марка». Последнее прозвище связывалось с составлением и продажей коллекций заклеенных в конверты почтовых марок.

Павел Алексеевич Кудрявцев — молодой букинист, променявший на новое занятие портфель юриста. Вначале старые книжники косились на новичка, но вскоре свыклись и даже говорили: «Крепко в покупателя книгу вкладывает!.. В наше дело человек вместился, и по себе мягкий... Таких мы людей мало встречали...»

Московское товарищество писателей приютило у себя молодого букиниста и поручило ему антикварный отдел. Вероятно, для всех знающих это лицо характеристика книжников покажется исчерпывающе правдивой.

Слышал я еще от букинистов упоминания о хорошем специалисте Иване Ивановиче Леонове, перешедшем из палатки у Устьинского моста в магазин на Моховую улицу, о бывшем чиновнике Студеникине и о других. Только характеризующих всех их материалов мне собрать не удалось, да и не особенно типичны слышанные о них рассказы.

Интересен порой бывал сам процесс приобретения книг в старых букинистических магазинах.

Входил незнакомый покупатель.

— Что пожелаете? — с поклоном обращался к нему продавец.

— Из романов позвольте что-нибудь выбрать,— как-то нерешительно и неуверенно отвечал посетитель.

Через мгновение перед ним вырастала книжная гора. Следовала процедура длительного и безрезультатного ее рассматривания, разбора, а с ними и нахваливания товара.

— Ничего не изволили выбрать? — вновь интересовался уставший от напряжения продавец.— Подходящего для себя не нашли? — И тут же, по опыту, догадывался: — Дозвольте вам лучше «Гигиену новобрачных» или «Грехи молодых людей» предложить? Такие книжечки, что без слез не прочитаешь. Не откажите посмотреть.

«Гигиена» с «Грехами» так же ловко, как и романы, появлялись на прилавке.

— А какая цена?..— оживлялся выбирающий.

— Три рубля пятьдесят-с!

— Что дорого? Хотите три рубля, и покупателем вашим буду. Три, больше не дам...

Магазиновладелец нетерпеливо постукивал пальцами по ящику кассы.

— Колото? — тихо спрашивал продавец.

— Коли! — доносился до его слуха ответный полушепот.

— Извольте, для первого знакомства уступим, впредь нас посещайте!

Платились деньги, и книги исчезали в кармане нового владельца. Когда наконец хлопала входная дверь, то следовало деловое хозяйское замечание:

— С чего начал-то, романы ему дай! О себе прочитать захотелось, а сразу постеснялся сказать!

Разнородных, подобных приведенному, примеров наберется немало.

А вот, в противоположность действительной мягкости, доброте и искренней доверчивости упомянутого в очерке Соколова с Никитской, одна из многочисленных типичных проделок так называемых «прохладных торговцев мороженными пирогами с пустой гусиной начинкой». Залежатся какие-нибудь поврежденные разрозненные издания, да такие, что и продать некому. Все от них отказались. Тогда начнут их «наваливать» какому-либо частному посетителю развала, наивному и простодушному покупателю — в долг, без денег. «После,— скажут,— когда-нибудь будут деньги, занесете. Кстати, захватите с собой! Мы вам верим. Может, кое-что и почерпнете в них. Возьмите с партией... пожалуйста, свой человек, возьмите. Они у нас пройдут, да тяжело с собой носить. Бывают и на них любители, ищут даже для вырезки. Такому только дай — не два рубля, как с вас прошу, а пять отдаст. Вы мне пособите — домой к хозяйке полегче итить, у меня ревматизма в ногах...»

Последний иной раз согласится. Почему, подумает, и не взять на льготных условиях, книги, будет случай, понадобятся... не мне, так домашним, пусть себе лежат, не нужно, а лежат... квартиры им не снимать... Надо выручить честного человека. Вот поди ж ты — верит мне, а мы их плутами считаем!.. А иной от сердца еще добавит: «Не запускайте ревматизма, советую вам к врачу хорошему обратиться, болезнь неприятная!»

И сделка совершится без риска для продавца, ибо товар, как сказано, все равно ничего не стоящий.

А потом букинисты знали и способ, как быстро учинить за «барахло» расчет с своим клиентом. И способ верный! Встретит кредитор своего покупателя в компании знакомых или просто при посторонних лицах, развязно подойдет к нему и начнет громко, с обидой в голосе, говорить:

— Эй, должник, должник! Что же деньги не платите, должок есть за вами. Долго, долго не несете и сами пропали. Пора, пора! Нехорошо так делать, очень нехорошо!

Не ожидающий подобного выступления растеряется, сконфузится и поскорее поспешит отдать имевшиеся при себе, часто последние, деньги. А добившийся своего «воротный», или «ветряной продув», вежливо кланяясь и неожиданно смягчая тон, продолжает:

— Милости просим как-нибудь еще зайти, у меня по вашей части для вашей милости кое-что новенькое есть. Пожалуйста, не забывайте!

Если дело происходит при других книжниках и пойманный врасплох удаляется, то продавцы, присутствующие при сцене, сначала фыркают, а потом дают уходящему коллективную характеристику:

— Хороший покупатель, его на конфуз всегда можно взять! Продать бы ему и остальные кирпичи!.. Вон у меня «Нива» * старая без конца и начала, да Писемский из трех концов... Дай бог ему с ветром от ветра до дому долететь!..

Деятельность букинистов тесно связана с разносторонностью характеров, выработанных обстановкой. Иные из них представляют интересное психологическое сочетание начитанности, стремлений к знанию и торговой изворотливости. Говорить о них можно много, и никогда всего не доскажешь.

Слышал в среде букинистов:

— По печатному каталогу провинция выписывала, а местному любителю в руки книжку дай... Он ее понюхает, пальцами потрет, слюнку проглотит и за бумажник... В старой антикварной книжке особый вкус, аромат для понимающего, сердце от нее в груди екает. Пыльца в страничках лучше, как запах в букете цветов. Правое слово мое! Раз понюхал и до смерти отравился. Погиб человек! Пальто себе не купит, а книгу не выпустит.

Товар хозяину левым глазом высматривает, а себе — правый в работу!

Не тебе читать! У тебя от чтения мозоль на глазу вырастет...

Умный человек эту книгу писал, а дурак за нее цену дает. Вот и поди тут!..

Какой вы человек понимающий, я вижу, как книгу в руки взяли! Этой вам не надо, положите ее, пожалуйста, на полку!

Для такого экземпляра перчатки на руки не грех надеть!

Можем и сменить... Почему нет? Сивую кобылу на буланого жеребца с прибором!

Нечего и рыться, коли вы не есть любитель настоящего товара!

Будьте здоровы! Прощайте!.. Легкого вам ветра по пути! В другой раз вам к дому ближе по прямой улице!

Вас супруга забранит, если шесть гривен заплатите. Я вам и не продам!

У вас денег нет, потому и выжимаете!

Песенник Гурьянова! Вам что скучно, спеть чего захотели?..

Почему же не полное собрание сочинений? Тут лишнего даже много!

Залежались у меня слоники...[1]

До чего сухаревские умудряются! Продали одному нашему покупателю книгу, а в ней двадцати страниц нет. И как сделали! В середину из другой книги страницы с номерами вклеили, сразу и не разберешь!..

Книга в полном порядке, только выходного листа и конца нет. Да ведь вы не забывайте, что это семнадцатый век, целую нигде и не сыщешь. Цена ей не дорогая!

Этот путальник меня тоже погрел!

Ручникам зачем спросовый товар даешь?

Подзаборный, недавно в дело наше вникает.

Ну, антирес не велик! Сбиву — сундук, разнокалиберных на десятку, подставных — ящик. Не поймешь, что человек и собирал!

Купили и берегите на здоровье! Это не экземпляр, а конфетка леденистая. Переплет Пушкина помнит... Может, и сам Пушкин ее читал. Ничего нигде не приписал? Посмотрите хорошенько!

Гоголь «Тараса Бульбу» писал, а у меня был еще «Тарас Бульба» Дорошевича *. Большой книжный курьез!

Книга колдовства и магии. Фокусы, покусы и иная хреновина! Вы, кажется, их собираете?

[1] Объяснение профессиональных терминов см. на с. 96.

Поп лезет. Ах, нечистый его побери, весь день сегодня торговли не будет! На почине нелегкая принесла!

Этого покупателя метлой по затылку! Вчера час битый рылся, все перевернул, а взял на рубль сорок копеек...

Этот не от мира сего! Волосы до плеч, борода до пят, шляпа пирогом, из сапога палец вылез. Все божественные книги продает. Сколько у него их — и не сочтешь!..

Я мозгов сегодня в башку поднабил...

Ну, как «бойцы» твои базарили? Деньги-то на ветру или в кармане?

Ты в таком виде экземпляр сумей у Шибанова купить, он тебе такую цену скажет, что ты побежишь!

Вам какую цену ни скажи, все равно дорого будет! Давайте сто рублей! Ничего не сошел с ума! А вы не рехнулись? Много? Ну, пятьдесят? Опять много?.. Тридцать рублей? Десятку? Пятерку? И то много? Ну, возьмите без торга за свою цену — три рубля. Ну давно бы так! Вот как надо несговорчивых покупателей сговаривать! Веревочку дать вам? Получите два рубля сдачи, с пятерки...

Значит, вы не покупатель на хорошую книгу, вам и цену нечего было спрашивать!

Для вас, сударь, книги у Устьинского моста, если их на пакеты не разобрали!

Сборное, сударь, мне не подходит!

Ну, пора пить чай! Вечевой второй раз звонит... Вместе к Абросимову?

На печенега вчера ходили.

Купи козла на бумагу!..

Павел Федорыч Яковлев — профессорский всю жизнь был поставщик и книгу знал, точно себя. Знал, кто о чем думает. Честное вам слово! А справедливее его в продаже тоже не помню.

Книжники и фарисеи на всех вас насели!..

Я книгу вам потому продаю, что к рукам она пристает. Вижу, как любите и не торгуетесь...

Любитель по старописной книге беспременно, прежде чем листать, в два пальца плюнет. Их сразу узнать можно! А то листик прежде всего на свет смотрит...

Теперь книга в спросе, чтобы переплет и сохранность в ней — первый сорт. Берут не для чтения, а для показа на полке...

Что из того, что у меня куплена? Все равно — дрянь! Я разве хлам-то не стараюсь сбыть таким, как ваша милость?..

Книжечка сборная... Один том, а от трех изданий!

За все рубль, больше не могу заплатить! Все равно что шесть сами дали. И я не дешевле их какому-нибудь чудаку продам!

Пустокарманный ученый! Купит на трешницу в год...

Алексей Васильич и по молитве, и по книге. Его вчера из Исторического музея чуть ангелы на небо не унесли...

Божеский книжник — Владимир Васильевич!

Сергей Аполлонович поклон вам прислал! Говорит, что через три года увидится...

Не книга, а тысяча пакетов под муку... Не хвалитесь, толстая — ума в ней мало!..

Сыровато нутро в ней...

Он книги в ящики забил — и в подвал. А подвал затопило. Через год вернулся и вскрыл. В ящиках, не поверите, папье-маше бродить начало!

Вы ему в глаза, когда покупаете, посмотрите! Если прищурился, так покупочку проверьте,— верных страниц двух нет. А спросить: «Не знаю!» — скажет. Уж такой он по книжному делу новичков благодетель!

Он раз Палладия-мниха лицевого восемнадцатого века за апокалипсис шестнадцатого французу для музея ввернул!..

Левенсоновское издание евангелия в Сибирь староверам за пять тыщ продали. Они с дураков, думали — настоящее. Только оно вышло, так и успели сделать. Знаем и кто! В суд хотели подавать...

В книгу крепко человек вошел!

Горе теперь старое книжное в карман собирает!

Грамота бы интересная — петровская, да подписи самого нет. Отнеси к старику Петрову в Леонтьевский — он подпишет, и цена будет...

Должника книжного в угон по ветру на чистом поле не сыщешь!..

Любитель есть такой на книгу злой, что, если денег нет, украсть ее может!

Купить у тебя за полтину норовит, а вот ты у него купи попробуй! Занесется так, что куда Шибанову...

От книги и сыт будешь, и без штанов нагуляешься!

Ест на книгах, спит на книгах, в горнице — проходу нет, а жена сбежала со страху. И впрямь сумасшедший!

Я пришел к одному по адресу лет двадцать назад в Петербурге, а он помирать собрался. Гляжу — первопечатных полка, Олеарий с гравюрами. А он мне: «Нет уж, не продам и дочери не оставлю — она без понятия». Взял и начал их, в постели, при мне, рвать. Я сбежал от такого черта. Вот он, любитель-то!

Был один чудак пяченый. Его в Петербурге «метлой» звали. Чиновник какой-то. Он свихнулся и все задачники Евтушевского * покупал. Собрал их до черта! Класть было некуда, денег сколько перевел. Потом его в сумасшедший дом посадили!

Есть покупатель на готовую коллекцию. Это не любитель, не знаток книги, а фантазер, хвастун, или деньги некуда девать! Не умом собирает, а карманом. Каждый дурак в умные хочет пролезть!

Американская распродажа! На выбор по десять и двадцать копеек. За рубль продаю неразобранную связку! Предлагаю желающим узнать счастье!

Любителя сразу узнаешь: с виду чудак чудаком — пальто рваное, шляпа маслом залита, а калоши текут. Денег нет, а нос на все полки пересует!

Всякие бывают — вон один Пушкина в первых оттисках собирал, и дай ему непременно неразрезанного. Платил хорошо!

Егор Егорыч собирал иконы и книги старопечатные. Его раз провести хотели, так он драться на одного торговца полез. Копил книгу и никому всю жизнь не показывал. Просишь показать, а он: «В другой раз когда, прибраны они у меня далеко!» Какой был...

Покупатель-«давай ход!» Цену спросит и бегом...

Тихонравов-профессор **, рассказывали, коли рукопись какую у букиниста увидит, а денег купить нет, то отнимал. Честное слово, отнимал! Его уж знали и, до того как показать, разведают, при деньгах ли?

Книгу любить — ум и сердце требуют!

Из магазина «на ура» тоже Николаев любил отпускать...

Классик всегда в хороших руках вертелся...

Одну книгу у тебя из партии вырежут, а ты мне лучше все враз продай!

Мы копирную и мягкую бумагу из книг в ресторан Разумова в Большой Кисельный переулок продавали. Вырывали и сдавали... Для уборной хорошим посетителям хозяин Семен Михайлович ее предлагал. Скажет, бывало, как вас завидит, буфетчику: «Пришли фарисеи, угости их как следует!» Вот на чем еще малость подрабатывали...

Книжники, по костюму, сидели в «можайке», в «коммерческий» их не допускали...

Почем кирпичи?

Хоть бы на дурака мороженые кочерыжки сдать!..

Сиди со своими черствыми ребятами!

Николая Павловича Карбасникова звали «палкиным». Они с Башмаковым на палках раз подрались...

Сенька-Кот из Измайловского зверинца весь товар взял, к нему и иди!..

Старостин меня на кочерыжке учил. Я думал она в вес, а он ценой взял!

У книжника слово, что буква печатная! Не сотрешь, а на бумаге дыру сделаешь...

Он в покупном отделе у нас — очки заведующему по глазам, которые удобнее, подбирает... На тысчонку за два месяца подобрал.

По частушке к Василию Иванычу Симакову обратитесь, он хлеба без них и то не ест!

Сыпь до полного, малый! Товар не подходит и незнаемо откуда у тебя... На уж, все равно гибнуть, полтину за все?.. Пять книг и пять грехов на душу!

Эй, книжные души, морозцу вам горячего на стоячке!

Лети, лети, покуда не всыпали для нагрева!.. Пьяница!

В цене не обман, а торговая хитрость! Кто не знает — не ходи покупать...

Посмотри за товаром, я за полдиковинкой сбегаю. Мельникова-Печерского сосватал... Под твоего Диккенса не закусим? Не ломайся, а давай!

Приходи свадьбу играть в абросимовский! Там я тебя на чем надо и поженю...

Поповский товар от Ильинских ворот!..

Ну, уважаемый, Назаров книжечку мимо себя не просолит! Не так обучен!

Книжник в юбке, а всех в штанах по учебнику зашиб!

Ой, многоуважаемый, Сотников тоже живец по нашей книжной истории!

Ты не компаньон, а сочинитель частушек... Симакову поди и спой, а мне деньги, на расчет, давай!

Честное вам слово даю, на Старой Сухаревке у Ивана Панкратовича в палатке печка железная была, а дымовую трубу он из старых книг выкладывал! И ничего не портились, а вид еще получали... Он не одной книгой торговал, а еще тряпьем...

Я вам не возражаю, а нахожу несоответствие в вашем книжном понимании...

Да вы что: книгу больше любите или деньги? Ну и платите, а не жмитесь!

Помню, помню вашего ученого! Был у него раз... В комнате труба в отоплении лопнула, так у него дочь от холода в гардеропе спала! Сам он всю зиму не раздевался. Книг по французской литературе осьмнадцатого века до потолка было. Умный человек, а чудак! Ершей летом все удил. У него и черви всю зиму в банке стояли. Помню!

Кабы я сам ее писал, так мог бы по вашему вкусу сделать. Писатель-то недурной, некоторые его прихваливают, так себе... Николай Васильевич Гоголь, кажется?

Книга для дамы, а не девическая!

Вы его спросите, как он одной портнихе «Самоучитель кройки и шитья» на дому продавал? Про кого говорю, слышишь, сосед? Отвернулся от обиды...

Ну и набрал библиотеку! По ней на ходулях надо ходить, чтобы ничего не видеть... В ящики забить и на Ваганькове схоронить, только поглубже! А денег-то, дурак, что всыпал!..

Не будет из их толку, хоть и книжечки на полку!..

Крыса у меня Грибоедова обожрала... Ах, нечисть какая, капкан, што ли, купить? У Гоголя корешок тоже спробовала, да, видно, не показалось стерве!

Брокгауза с Эфроном имею без трех томов... Подберу в «розбити» — он у меня королем проедет в дышле!

Магазинный книжник не нам «земляника́м» ровня. Он человек образованный и семнадцать университетов прошел, только в восемнадцатом застрял. Мы им же и продаем по спросу. Наше дело вот какое: на складчину наторгуем, на закуску с вечера бережем и двинули по морозу. Другой раз вот как смерзнешь, нельзя и не пить! И не пьяница, а выпьет...

«Земляники» альбомы художественные, которые по цене дороги и на любителя, в «розбить» пускают. По картинкам ловчее продать и выгоднее. На окантовку мастера берут и художники. Верно, по-вашему, книжечку мы и любим и мучаем при выгоде... Вы это только не записывайте!

Продавал на Сухаревке «в подторжку».

«Вязали» всё вместе, а ты что? Иди ты со своим Потапенко... *

Дай я ему наверну сейчас Загоскина... **

Больше никак не заплачу! Деньги в моем деле, как на ветру: туда и сюда ходят, а книга лежит — до случая...

Горюшкин книгу быстро схватил. А раньше, одно слово, был горе-Горюшкин. Человек с двумя руками!

Вы из книги, как из коровы молоко пьете!

Позвольте прикурить? Я вам продам «Трех мушкетеров» Дюма. Не желаете?.. Могу двух отделить, мне все равно. Хоть одного возьмите!..

Два рубля за «Полный сонник» для разгадывания четырехсот снов. Ну что из того, что напечатано на двести? Умный человек из всякого дела двойную пользу извлечет! Рубль семьдесят пять хотите? Ну, все равно, давайте, давайте, так и быть, ваша книга! Хочу, чтобы вы все свои сны знали.

«Уход за красотой»! «Моя система» Мюллера! «Поваренная книга» Малаховец!.. Цена без запроса! Ничего не прибавлю и не скину... Давайте трешницу, полтинник уступлю, только на почине. Ну, два рубля?.. Берите, берите!..

Мой том, взгляните, в какой чистоте, точно из бани!

Мы на пристава сегодня складываемся! Хочет нас от забора прогнать, а место, сами видите, первый сорт, центральное!

У меня есть книга, которую сумасшедший писал! Хотите в коллекцию? Право, я таких дураков никогда не читывал!.. «Логико-грамматические и философско-идеологические этюды Студенского». Издание княжны Ядвиги Огинской... 1875 год. Извольте читать: «панафида», а правильно «панихида» — очень ясное доказательство, что человеческой природе свойственнее заниматься веселыми вещами, чем печальными, потому что совершенно вульгарное слово встречается у очень начитанных и даровитых писателей. Не с Канатчиковой дачи? А?.. Непременно приобретите! Точку, видите ли, он рекомендует через двадцать три и пять десятых слова один раз ставить, запятую через каждые семь слов, а знак восклицания — на полях. Что за чудак такой? А еще «Всполохи разума» — его же...

Мне ведь на книгах не спать, я их продаю, а вы в цене упираетесь. Подарить уж, что ли, вам?

У меня сдачи не потому нет, что денег нет, а потому, что все деньги в банке, на личном моем текущем счету. Двугривенный за мной будет — в другой раз сочтемся!

Позвольте книги вам в руки, знакомый гражданин, дать — на подержание? Вон городовой гнать меня идет, не велят здесь торговать, а без товара ко мне претензий никаких нет...

Покупатель нами проверенный и знающий... Цену резонно и верно дает... Я с него за Забелина три тома десять спросил, а он за семь пятьдесят, в копеечку взял... К такому — с уважением!..

В нагрузку мне опять «красавиц» надавали...

Чего захотели найти — задачник Малинина и Буренина? * Половинки одного Малинина и то не осталось!

В наше дело человек вместился...

Холодно сегодня на рынке, и покупателей нет! Продавцов больше. Скоро на саму башню с тесноты полезем. Оптом взял? Не в диво!.. Готовое собраньице, библиотеку и дурачок купит, лишь бы денежки шевелились. А ты сумей собери ее с любовью — по книжечке, когда в брюхе урчит. К таким и уваженьице... На готовое покупатель у нас «зайцем американским с холодным ухом» зовется. Ему книга для показа, что и он умный, с развитием, образованный. Жаль что хорошее их братии продать, так шляпку чугунную на дураково поле. Сам сырой и в лобике с дырой, а в кармашке насбирал сотняжки. Соловей с воробушкиного гнезда, куличок с чужого болотца, свистунок — гость лесной... Ха-ха-ха-с!.. Что градусов на двадцать будет сегодня мороз? Не смотрели? В мозгу его для умной книжки, по-нашему, холодная клепка. Он в руки-то ее с фанаберью берет. Эх, и учили мы таких на товаре! С дурака как за ум не взять! Он же после спасибо скажет...

Уберите вашу трешницу в карман, мне на пятерочку охота смотреть...

Он шалый!.. Товара не знает, и всякая книга у него редкость. Чумно́й!..

От младости моея много видел я пития и объядения, от того в духовное впал умиление... Господи помилуй, еще помилуй и еще помилуй! Ты мне не указывай, я свое поведение и крепость духа, хоть и выпил, весьма угадываю. А городовым не стращай, базар отошел, и могу что хочешь совершать! Купи все, что осталось, за рубль. Тридцать две тленных книжки... Домой все равно не донесу, уподоблен мерзости и запустению, немощен и блудоумен! Аминь!.. Какой у меня голос — мне бы не на Сухаревке торговать, а быть в кафедральном соборе дьяконом...

Не любитель, а сила!

Книга-птица... Поймайте-ка, коли ее нет.

Патины в этой книжечке много! Продайте?..

Один иваново-вознесенский купец в любители раз объявился. Пришел в Петербурге в лавку и говорит: «Продай все!» Умный человек не потерялся — видит, покупатель шальной, в товар не смотрит — и цену ему крепкую сказал. Дурак и деньги выкинул. Запаковали и отправили по адресу. А там — одни учебники, «Вестники Европы», «Исторические вестники» и «Нива» *. Так и прошло, тот и умер — не понял, а читать и разбирать некому было!

Спасибо нам скажете! Без нашего брата вы книжечку дешевую где бы могли приобрести? Мы, хоть и со стороны, а учители для всех...

Словарями засыпаны выше мозгов!

За вами будет шесть гривен, адрес — где купить и чай в трактире!

Иной раз дивишься — неужто у человечества на все книги мозгов хватает? Мозгов столько нет, сколь книг!

В нем не любительство, а жадность к монетам!

Он больше газетчик, а не книжник, у него для нашего дела спинка свинцом к стулу припаяна!

Нет, не товар! Растрепе муа * по дуракам...

Вы, что вам надо, сегодня берите. Я три дня на толчок не выйду — пить буду!

У меня жена родила, где тут Виктора Гюго разыскивать? Не до него теперь, у меня в доме сто баб сошлось!.. Подождите, когда их черт унесет!

Он ровно взад жить собирается — старые календари скупает!..

Он книгу возьмет в руки, погладит, откроет, почитает, всю зубами пережует, переварит и тогда торговать начнет. Я его знаю лет с десять. Писать сам не пишет, а все обещается написать...

Старая по любительству крыса!

Так он на меня разозлился — мочи нет! Брюхо затряслось, думал, он родить хочет...

Коли резонно говорить, то ваша книжечка!

Есть еще покупатель, на которого смотреть нельзя. Он подойдет, а вы в сторону отвернитесь, будто знать его не хотите... Он от обиды и купит.

Если побольше услуги и внимания показать да товару перед ним горы наложить, то стыдно без покупочки уйти. Старая петербургская манера!

Загнал Ровинского-то? Кому? Французу? Десяти листов не было? Так и надо! Не ходи босиком, а то по пяткам!

Что вы, да разве тринадцати страниц нет? А я и не заметил. Позвольте посмотреть? Верно, верно!.. Как же это я промахнулся? А книга-то редкая — хотите взять со скидкой?..

Он все сначала старую книгу покупал по переплету, чтобы червяк его поел. По этому и определял. Мы пробовали букашек, честное вам слово, туда сажать. Только верно не тех — не ели... Эх, чего старая Сухаревка не помнит!

Побрился, так думает, что рожа книжная и умнее стала!

Прохладные букинисты!

— Молодой любитель...
— А почему знаете?..
— Уважение в нем пока что к книге, а любви пламенной и нет. Старый любитель зубами книгу с полки срывает!

Куда ему антикварным товаром дело вести. Соплив очень! Ему бы на газете и сидеть... В антиквар-

ном деле покупатель умный и продавец умный. Не больно еще обтесан.

Газетой ему идти торговать вразнос, а не антикварной книгой. Сама она умная, покупатель на нее умный. Продавец должен быть с деликатностью и умный... А он дурак дураком и еще пьяный!..

Астроном — по всем планетам в специальности...

Продать лет двадцать назад книгу — не то было. Знали — кому и что, а теперь не разберешь — кто и зачем?

Извините — на чердаке голуби малость книгу запачкали!

Переплет, верно, что не ее, да разве в этом роль какая драматическая?

Не книга, а свинка! Дури в ней без конца...

Здравствуйте, здравствуйте! Чем услужу? У меня для вас сегодня выбор что невест... Девок уйма, а ни одной путной. Я сегодня с веселым словом продать хочу. Возьмите словарек — с испанского на французский. Случайная вещь, заграничного издания! Кому ни предложу — все к черту меня с ней посылают. По совести говорю!

Для любителей продаю полное собрание приключений знаменитого сыщика Шерлока Холмса! Ужасное, кровавое преступление в замке Рошинор! Неве-

ста-отравительница! Губитель женщин! Тайна лондонского кладбища! Живой мертвец, или Таинственный саркофаг! Страшно интересно, захватывающе!..

От козла избавился!

Колем во всю покупателя — распродаемся!

Переплетчики, было дело, воровывали. Им книги в переплет сдадут одинакие от разных лиц, а они у одного страниц двадцать выберут, у другого двадцать — следующих, так томик и соберут. А после обделают и к Ильинским воротам продадут...

(Записано в период 1907—1917 гг. в Москве от различных рыночных и магазинных букинистов.)

Отдельные слова и выражения [1]

Земляник — торгующий на земле, на развале.

Розбить — разрозненное, рассыпанное издание.

Книжники и фарисеи — прозвище книгопродавцов.

Сыровато нутро — не выдержано, не обработано содержание.

Егор Егорыч — Егор Егорович Егоров, московский капиталист-купец, известный в свое время собиратель религиозных древностей.

Продавать в подторжку — допускать при уличной покупке какой-либо книги своего, фиктивного, заинтересованного в вознаграждении, приобретателя, который поднимал бы на нее цену и вызывал этим азарт и соревнование настоящего коллекционера.

Вязать — делить, распределять между собой по ценам купленный на общие средства, но от имени одного лица товар.

Наверну — всучу, заставлю купить.

---

[1] Здесь и далее в словариках в конце главы поясняемые слова приводятся не в алфавитном порядке, а в соответствии с последовательностью изложения материала.— *Ред.*

Слон, слоник — толстая, неходовая книга.

Нагрузка — обязательный ассортимент товара.

Красавица — книга, пустая по содержанию, но с красивым внешним оформлением.

Толчок — толкучий рынок.

Покупатель в слово — покупатель быстрый, без излишних разговоров.

Бирка — примитивный крестьянский счетный прибор: палка с зарубками.

Глазок — место книжного корешка, где напечатано заглавие.

Разнобой — разрозненные выпуски изданий.

Липа — книга, незначительная по содержанию, имеющая обложку от другого, ходового издания.

Ванька — извозчик с плохим выездом.

Душегуб — обманщик.

Нарядная — хорошо переплетенная книга.

Прохладные букинисты — торгующие на улице, в воротах.

Козел — объемистая, не имеющая спроса книга.

Вечевой колокол — название колокола, в который на старом Сухаревском торге звонил староста, возвещая о конце рыночной продажи.

Путальник, «боец» — уличный продавец книги, в системе продажи которого особое приставание к прохожим.

Заваль — книга, завалявшаяся на складах и в магазинах, не разошедшаяся в продажу.

Спросовая книга — книга, пользующаяся большим спросом.

Ручник — продавец с рук.

Отпустить на ура — отпустить из магазина, в процессе торговли, покупателя или продавца книги, чтобы потом вернуть его для надбавки.

Подзаборное место — отведенное для продажи место возле какого-либо забора.

Воро́тник — торгующий в воротах.

Сбив — разная книга.

Разнокалиберное собрание, сборное собрание — собрание одного автора, но из разных изданий.

Подставное собрание — смесь переплетенных и непереплетенных книг.

Деньги на ветру — пропавшие, неуплаченные деньги.

Ходить на печенега — ходить для покупки книг на квартиру по случайно данному адресу.

Сбытчик — бойкий продавец.

Колоть — кончать сделку.

Пролом — московские Проломные ворота.

Вырезать книгу — выбрать редкую книгу.

Кирпичи — экземпляры издания «Живописная Россия», прозванные так благодаря своей массивности, ярко-красному переплету и отсутствию на них спроса.

Мороженые кочерыжки — толстые, долго не продающиеся книги, *черствые ребята* — то же.

Башмаков — известный книготорговец, оперировавший в Москве и Казани.

Дирижер, Регент — прозвища книготорговца Т. П. Лебедева.

По костюму — сообразно с надетым на себя костюмом.

Можайка — простонародный зал в старом ресторане или трактире.

Коммерческий зал — зал ресторана или трактира для привилегированных посетителей.

МОСКОВСКИЕ АНТИКВАРИИ

Антиквария — это та область, в которой особенно ярко выражаются любовь и страсть к искусству и к различным его проявлениям. Страсть, переходящая в беспокойное, неутомимое искание удовлетворения бесконечным потребностям вкуса, страсть, которая подчас обогащает или разоряет. Иногда, впрочем, эта страсть ведет к интересным научным исследованиям и даже открытиям. Каждый, кто любит науку и отдается ей, кто живет искусством, так или иначе подвержен ей в той или иной степени. Старинные рукописи, книги, живопись, бронза, фарфор, скульпту-

ра, ткани с их заманчивым многообразием обладают притягательной особенностью подчинять психологию восприимчивого человека. На этой почве создались скупка и коллекционирование предметов старины, а с ними и специальное предприятие — торговля антикварией. Я разделил бы владельцев или просто занимающихся антикварией коммерсантов на следующие категории: на антиквариев, торгующих в магазинах из деловых расчетов, на антиквариев-собирателей, на обладающих средствами, покупающих и продающих одни вещи для приобретения других предметов соответственно своему вкусу и любви; на состоятельных людей, составителей — путем выгодного обмена, оборота или покупки — домашних музеев; на желающих обставить свои квартиры или просто предметами роскоши, или предметами, говорящими о тонком художественном вкусе их владельцев; на рыночных «раскладчиков», или «земляников», не разбирающихся в качестве продаваемого, стремящихся лишь к барышам, и на дельцов и мошенников, вращающихся среди лиц, увлеченных коллекционированием. В настоящем кратком очерке я не рассматриваю подробно этих разделений и типажи только потому, что посвящаю его преимущественно бытовому говору, острословию, шуткам и некоторому фактическому пояснению последних.

Говорили в среде антиквариев:

— Божья иконка, божья коровка, грамотка монастырская, богоматерь Ахтырская, имечко святое, да молочко снятое! Аз есмь постник, многотысячный обносник, аспид карпыч — Егор Егорыч...

(Записано со слов неоднократно упоминавшегося П. С. Кузнецова. Скоморошина относилась к собирателю русских бытовых древностей Егору Егоровичу Егорову и служила как бы его характеристикой. Авторство Кузнецовым приписывалось Китайгородским антикварным рядам.)

Или в форме пословицы:

— Ерыкалову семь да семь — два с полтиной!

(Записано от антиквария М. И. Панкова, относится к старому антикварию Леонтьевского переулка Ерыкалову. Отмечается склонность последнего к чрезмерной наживе.)

Кучер Тарас Косте Сырейщикову кобылу припас, тому некогда пообедать — от долговой самому надобно шибко бегать!

(Записано со слов П. С. Кузнецова. Относится к случайному московскому антикварию К. Сырейщикову, бывшему продолжительное время несостоятельным должником. Авторство Китайгородских антикварных рядов.)

Знаешь дело какое антикварное — все на авторитете. А авторитет — по большой седой бороде. Возьми пуговицу оловянную, нашей ее на картон... только хорошенько нашей, вежливо, чтобы и картон был хороший... и напиши: пуговица от штанов Александра Македонского. Верно тебе говорю! Да еще укажи, где он ее потерял, где штаны эти от блох вытряхнул, почему и куда его блохи кусали. Поставь в витрину... Спросят — что за вещь? Поясни и только с серьезной физиономией, а то и вздохни раз... не более раза, не усмехнись! Виноватый найдется и... купит! Один не возьмет, так другой раскошелится. Деньги заплатит за твою серьезность, а больше за вид солидный. Статью еще в газетах напишет. Так, мол, и так: полководец-завоеватель, личность историческая, и его блохи ели, не боялись, окаянные. Истребляйте, скажет, блох, изучайте древности, чаще в магазин заходите, мы и не то найдем, разберемся по всякой линии. А что думаешь: начнет чудак, что пуговицу купил, все, что к Александру Македонскому относится, собирать. Свои последние штаны продаст, а начнет с пуговицы. С ума сойдет! А все мы ан-тик-вар-вары... Вот, слово даю, что так! Самый большой, прости меня грешника, плут — всем антикварам антиквар будет!

Вот какую московскую любительницу знаю: в худых туфлях ходит, а чашек у нее дюжина на дюжине, все в витрине. Сакс там, Вена, Гарднер, Попов, Севр даже, императорские, а сама чай пьет из жестянки от омаров. Меня из жестянки от сардин угощала с вареньем земляничным.

(Записано в 1907 г. в Москве от антиквария Нижнего Новгорода Николая Васильевича Новосильцева.)

Попробуем в кратком описании ознакомиться с бытовой стороной того круга, откуда родились эти мало сохранившиеся и имевшие узкое применение остроты. Итак, антикварный рынок был местом, концентрировавшим возле себя ученых, состоятельных меценатов, просто любителей и барышников всевозможного типа. Для первых, как упоминалось, он выявлял музейные редкие материалы, вторым — помогал обставлять себя с пышной, тщеславно-изысканной роскошью, третьим — давал отдых, соединенный с потребностями художественного вкуса, и, наконец, четвертых просто кормил, иногда обогащал. К антикварии тянулись все. Достаточно было обладать некоторыми, часто поверхностными, основанными на ежедневном опыте знаниями, быть вхожим в дома богатых людей, занимать маленькое местечко на воскресном толкучем рынке. Сообразно пестроте своего состава антикварный рынок имел колоритный жизненный уклад.

Воскресный день — день особо торговый для улицы. Утро, а старая Сухаревская башня уже окружена такой толпой, сквозь которую трудно протиснуться без риска для жизни. Чего только здесь нет и каких только людей не собрала старая традиция потолкаться и побродить по базару. Полный типаж всей Москвы — от хитрованца до «оцилиндренного» барина. Универсальный выбор товаров — от головки репчатого лука до хорьковой шинели с седым бобровым воротником и лацканами. Все и всё. Длинными ровными рядами тянутся антикварные палатки. Бронзовые люстры и канделябры, портреты неизвестных героев и героинь в различных позах и костюмах, широкоствольная пищаль с кремневым затвором, треснувшая фарфоровая чашка, мраморная грация без ноги, цветная гравюра в раме, тщательно выклеенной из голубой бумаги с золотыми уголками, бусы, сарафаны времен боярыни Морозовой и треногое кресло из выплавка карельской березы. А около них во всю длину ряда сплошная лава любителей и любопытных. Чуйки, еноты, собольи воротники, высокие и низень-

кие мерлушковые шапки, котелки, даже лохмотья протягивающего руку нищего.

В палатках — продавцы, солидные и гордые, худенькие, юркие и услужливые, в зависимости от своего авторитета и покупательских способностей прохожего, который вздумает остановиться. Одному льстят, другого встречают взглядом Юпитера. У крайнего возле палатки, сплошь увешанной крестами, иконами и лоскутьями парчи,— большой колокол с языком на веревке. Это староста торгового ряда И. М. Груздев, хорошо известный всей коллекционерской Москве как большой чудак и специалист, с первого взгляда безошибочно угадывающий вещь. По характеру справки о ее стоимости он умел определить размер и возможности будущей сделки. Избранному по глазомеру низко кланялся, справлялся о здоровье, не признанного — совершенно не удостаивал ответом. Мнение Ивана Матвеевича считалось неоспоримым. Его все слушались и пререканий с ним избегали. Бывало, подойдет к нему какая-нибудь фигура и спросит:

— Редкости есть у вас?

— Как же, сколько хотите, я сам и то редкость.

— Почему же?

— Нос у меня большой, похож я на армянина, а сам русский. Чего еще желаете?

(Записано по воспоминаниям музейного работника, профессора Ф. Я. Мишукова.)

Однажды над И. М. Груздевым жестоко подшутили. В Леонтьевском переулке существовал старый антикварий Петров, большой мастер фабриковать сбывавшиеся за подлинники копии автографов известных исторических лиц, жалованных грамот, писем и пр. Так как употреблялись для этих работ древняя бумага, гусиные перья и подходящие по составу чернила, то немало специалистов попадало впросак. Заказал кто-то Петрову на пергаменте сделать шутовскую грамоту на Груздева, что и было с успехом выполнено. Запачканную, блестяще подогнанную под древность грамоту продали на Сухаревском рынке одному из коллекционеров, от которого по прочтении она дошла и до рук самого Груздева. Содержание ее, доставленное мне П. С. Кузнецовым с ходившего по рукам списка, дословно следующее:

«Указ воеводе нашему Ивану Титякину в урочище Воровской лаз, что в граде богоспасаемом Москве на крестце, у торжища и притона воровского имеется. О поимке и приводе к нам человека шельмованного, велие опасного и лукавством дюжего, над птицей пернатой, воробьем именуемой, начальствующего и в звонарях праздничных состоящего. А имя тому человеку шельмованному и велие опасному — Ивашка Матвеев сын Груздев, по грибам соленым, иже их в приятности утроботешитель есть, прозванный. А не нашедши того грибного и воробьиного человека, бирючам по сходам и всем торжищам кликать, дабы поймали, к допросу привели, накрепко пытали и сильно спрашивали. А и пошто ты, злой человек, богом торгуешь на прибыль казне своей, пошто православных обманываешь, пошто деньги велие загребаешь, пошто с птицей беспутной хороводишься и дружбу с ослушниками указу нашему имеешь, пошто бранью и сквернословием людей добрых поносишь, пошто брехаешься на всех, аки зверь? А по пытке и спросу паки нещадно бить Ивана Матвеева сына Груздева батоги и сборы с него все справить как с лиходея, а имущество торговое в казну отписать».

Далее следовали удивительные подписи и ловко сделанная сургучная печать. Передают, что, получив в свое распоряжение грамоту, Груздев обиделся на целый ряд заподозренных в шутке покупателей.

(В пояснение текста грамоты следует сказать, что помимо талантов туземного вождя рынка этот человек славился еще мало понятными на первый взгляд нежными чувствами к... воробьям. Для них он выставлял на крыше своей палатки особые кормушки и никогда не обижался на данное ему Сухаревкой прозвище Главнокомандующий всеми московскими воробьями. Прикармливая птиц, оригинал очень следил за тем, чтобы угощением не пользовались вороны и галки, к которым, неизвестно за что, питал непримиримую ненависть. Этих неприятных для него похитителей воробьиной прикормки он неустанно гонял помелом, ради чего бросал даже разговоры с покупателями. Зрелище получалось курьезное, привлекавшее внимание зевак и прохожих.)

Критически относясь к шуткам по своему адресу,

И. М. Груздев беспощадно острил по адресу окружающих. Несмотря на грубый и подчас нецензурный характер иных его шуток, все они подхватывались, запоминались и входили в разговорно-остряцкую речь коммерческих людей.

Не на одной Сухаревке собирались антикварии и их клиенты, были рассыпаны они по всей Москве и в довольно большом количестве в Леонтьевском переулке, на Никольской улице* или у китайгородской стены. В Леонтьевском сидели универсалисты по пестроте и ценности товара, на Никольской — иконники, а у китайгородской — книжники и бытовики.

Двухэтажный дом в Леонтьевском переулке, с маленькими оконцами в нижнем, в которые вбиты крепкие решетки. Сквозь мутные стекла видны мраморные вазы, бюсты, екатерининские подсвечники, шлем французского рыцаря и заспанный блаженствующий кот. Через довольно невзрачное парадное можно попасть в дверь, ведущую в это беспорядочное хранилище вещей. Небольшая дощечка с надписью «Антиквар Ерыкалов». Около — звонок. Когда вы нажмете кнопку, то к двери подойдет невысокий щупленький старичок, который посмотрит на вас в щелку и, в зависимости от настроения и впечатлений, может или впустить вас, или просто крикнуть: «Ерыкалова нет дома!» Это и есть сам владелец, безотлучный жилец магазина. Но коль вас пустили, глаза у вас разбегутся. От пола до потолка все помещение заставлено и завешано всякой антикварной всячиной. Пройти негде, можно только проскользнуть боком. Растеряется даже опытный знаток. А направо крохотная комнатка, в которой, собственно, и протекает жизнь оригинала. Приглашение вас — особая честь, которой удостаиваются немногие. Замечательно в ней все: остатки обеда на столе, неизвестного назначения флаконы без пробок с трагически погибшими от истощения мухами, коробочка из-под ваксы, сухой лимон и подлинная севрская чашка. У стены — кровать со странным, мало прикрытым матрацем какой-то особой плотности, непривлекательно-закопченного вида. Вы смотрите на него и изумляетесь. Но недоумение ваше рассеивается, ибо вы узнаете, что вместо перины и тюфяка хозяин употребляет снятые с подрамников, по отсутствию на складе свободного места, редкие

экземпляры картин крупных мастеров, целость которых днем охраняет бдительным глазом, а ночью собственным телом. Их — сотни. Если вы пришли к Ерыкалову в неудобное для него время, то перед тем как посмотреть на вас в дверную скважину и отказать вам в приеме обычной фразой, он за стеной громко с кем-то заговорит, и второй голос окажется обязательно женским. В этом-то и есть тайна неотпираемой заповедной двери.

За оригиналом насчитывалось немало курьезов. Приехал как-то из Петербурга за покупками один из великих князей. Не упомню, кто именно. Звонок в дверь — властный, требовательный, настойчивый. Голоса за стеной — и продолжительное молчание. Второй звонок... третий... Неожиданно дверь энергичным движением распахивается, и на пороге перед глазами изумленного мецената вырастает небритая, раздраженная маленькая фигурка антиквария в одном нижнем белье.

— Ерыкалова нет дома! — сердито бросает он, хлопая заспанными глазками.

— Вы не знаете, с кем говорите. Я — великий князь,— начинает озадаченный посетитель.

— Все равно-с, не могу пустить! Никак не могу: мифологией классической занят. Ерыкалова дома сейчас нет! — слышится еще раз голос за быстро захлопнутой и запираемой на засов дверью.

Так и уехал, пожав плечами, вельможный покупатель ни с чем. (Острословица-пословица про Ерыкалова приведена выше.)

Около китайгородской стены летом в жару и зимой в холод можно было часто встретить одну и ту же фигуру. Полный, с маленькой остроконечной бородкой человек лет пятидесяти, на нем толстое драповое пальто и костюм, которые сидят мешкообразно и, видимо, стесняют своей плотностью владельца. Это богатый человек К. Сырейщиков, антикварий, торгующий с квартир своих знакомых или из чужой лавки. Все хорошо знают, что носит он одновременно по две пары брюк, по три жилета и по два сюртука. Спит не раздеваясь. Толщина его больше искусственная и происходит от множества бумаг, вещей и денег, запрятанных во все складки и карманы. Он несостоятельный должник, которого одолевают кре-

диторы с судебным приставом. По отжившему свой век закону описать и продать можно было только то, что не было надето на задолжавшем. Поэтому, не доверяя близким, Сырейщиков носит все состояние при себе и никогда с ним не расстается. В знойную июльскую жару он страдает невероятно, обливаясь потоками пота. Иногда скучающие торговцы любят над ним подшутить, поят его вскладчину вином, рядят поверх всего костюма в вывернутую мехом наружу шубу или в кокошник с сарафаном и уговаривают в таком виде плясать. Скупой, уверяющий всех в своей бедности горе-купец, как его зовут, соглашается на это. (Острословица о Сырейщикове помещена выше.)

На «развале» около той же стены торговал еще интересный антикварий по фамилии Иконников. Не знаю почему, но известен он был под прозвищем Завитушка. По виду — серьезный, деловой человек. Продавал всегда невероятную дрянь или обломки, каким-то чудом находя на них покупателя. Кроме предметов старины предлагал иногда желающим приобрести у него неизвестного происхождения и состава «омолаживающую жидкость», которую носил в грязной тряпице за пазухой. Пациентов-потребителей на маленькую порцию этого снадобья оказывалось немалое количество. Чаще всего это были какие-то старые чиновники, являвшиеся в выцветших, полинялых пальто и шинелях, или пенсионеры богаделен. Злоязычные остряки рассказывали, что получением рецепта этой знаменитой жидкости Завитушка был обязан дружбе и собутыльничеству с каким-то военно-ветеринарным фельдшером. Отличался он тем, что старался никогда не давать сдачу, платить ему поэтому приходилось точно. Попадет какой-нибудь незнающий новичок, и торговец этот пристанет к нему с ножом к горлу — метнуть кости на сдачу. Не отстанет, пока не убедит. Вынимает тогда из кармана два желтых кубика, деловито потрясет их в кулаке и метнет, сосчитав очки. Почти всегда выигрывает. А если нет, то переигрывает до полной удачи. Прощаясь же с покупателем, деликатно скажет:

— Заходите, пожалуйста, еще раз, может, и ваша возьмет!

Иконников знал большое количество каламбуров

и острых шуток, но записать их, ввиду его смерти, мне не удалось.

Изредка наезжала в Москву знаменитая продавщица этнографических предметов Елизавета Петровна Масленникова. Постоянную торговлю имела она в Ярославле, где больше занималась скупкой товара, ликвидировавшегося во время Нижегородской ярмарки, на которой она арендовала несколько «растворов». Склад ее был в некотором роде замечательным. Представьте себе большую комнату, непомерно набитую несколькими тысячами ценных и просто крестьянских старинных сарафанов, уложенных в плотные стопки. Поверх сарафанов развешана не одна сотня подержанных лисьих, с собольими воротниками, плисовых и бархатных купечески-мещанских шуб. Вокруг в хаотическом беспорядке громады древних женских головных уборов, шалей, тканых и вышитых серебряной нитью платков, почерневших портретов в золоченых рамах и пр. По стенам полки, также набитые до отказа. На переднем плане — прилавок с наличниками, в которых массами лежат перстни, серьги, цепи, запястья. Около наличника сидит сама Елизавета Петровна, женщина лет семидесяти, в очках на веревочке, нанизывающая на тонкий волос самый мелкий, едва приметный для глаза жемчуг, споротый с древних кик. Старушка единолично управляется со всем своим делом, принимает покупателей, раздает одной рукой лежащие в особой коробочке медные копейки входящим в лавку нищим, выполняет указанную работу по низанию жемчуга, торгуется и время от времени, оборачиваясь, зорко наблюдает за стрижеными и причесанными в скобку приказчиками, копошащимися в массе товара. Одеты они в цветные косоворотки, пиджаки и «личны́е» сапоги. Цены у нее были неравномерные — или запросит очень дорого, или отдаст ни за что. Один из музейных агентов унес при мне от нее две пригоршни древних серег, едва поместившихся в фунтовой бумажный пакет, уплатив за них три рубля пятьдесят копеек. Ласкова старушка и внимательна до крайности. Покупатели знают ее десятками лет, и потому между ними и продавщицей существуют теплые отношения, доходящие до воспоминаний о родственниках и советов по поводу семейной жизни.

Говорили про Е. П. Масленникову:

— Мать Елисавета, как жемчуг на волос надета. Вдова бессребреница, на рубль копеечница, без шубы приданница, золотная сарафанница. Запрос в карман не лезет, а деньга в мошну ползет! Невеста с местом, чуть в годах, да самая чванливая в Ярославских рядах. Хочешь засватать — гроб по мере купи!

(Записано в 1909 г. в Ярославских рядах Нижегородской ярмарки от продавца вразнос горячих пирогов Павла Трусцова.)

В жизни антиквариев бывали курьезные случаи. Об одном из них рассказывал рыночный торговец стариной.

— Слушай, слушай, что говорить буду. Купил Потап Степаныч Кузнецов в Биряльске под Казанью топорик. Ребятишки его в земле сыскали и орешки им тюкали. Привез его на Нижегородскую ярмарку, а туда антиквар Иванов из Москвы наехал. Свидел топорик, продай да продай! Потап ему за семьдесят пять рублей и удружил. Привез Иванов в Москву, и пошел о топорике слух, что редкость великая. Из Исторического музея князь Щербатов пришел в магазин и говорит: «Продайте, это Андрея Боголюбского бердыш». А Иванов туда-сюда, продал, говорит, иностранцам... Щербатов шасть к великому князю Сергею Александровичу и с прошением — оставить топорик в России. Вызвали Иванова: хочешь, говорят, в Москве проживать, так отдай. Подумал, подумал Иванов и отдал, а ему Исторический пятьсот рублей уплатил. Пришел Потап Степаныч после к Щербатову, а он ему топорик этот, что мальчишки орехи тюкали, на стеклышке казать вынес. Вот какие дела наши темные! Кабы знал Потап-то! Сам небось за трешку купил...

(Записано в 1914 г. от рыночного торговца-антиквария Верина — имя и отчество в записях утрачено. Подлинность случая с А. Ивановым автор проверил через ранее упоминавшегося П. С. Кузнецова, который и подтвердил рассказ.)

Очень популярными столичными антиквариями считались Мария Александровна и Николай Сергеевич Кокурины. Резиденция их была в Москве в Брюсовском переулке. Большие знатоки редкостей, Кокурины тщательно придавали своему магазину

музейный характер, классифицируя товар по отделам. Особенностью их было и то, что в деле супругов преобладал любительский принцип, продаваемые вещи не расценивались дорого и регулярно подбирались для определенных коллекций. Будучи по натуре коллекционерами, Кокурины по многу лет сами не решались расстаться с некоторыми особо интересными вещами. Оставили они и свой след в искусстве: ими почти полностью было составлено известное морозовское собрание фарфора, прекрасная галерея видов, типов старой Москвы и удивлявшая иностранцев коллекция табакерок. До занятия антикварной торговлей Кокурин был профессиональным скрипачом, поэтому остряки за глаза и говорили:

— На высокой ноте Морозов у него по смычку поет — голова Кокурина, а деньги купецкие...

Приятное впечатление производил бывавший в Москве за покупками петербургский антикварий Петр Захарович Бирчанский, воспитавший целую семью специалистов своего дела, из которых как крупный специалист был известен сын его — Илья Петрович. Про Петра Захаровича ходило много острословиц, но записать наиболее яркие из них мне не посчастливилось. Вышучивали доброту этого человека, который, сделав выгодное оптовое приобретение, любил раздаривать второстепенные вещи окружающим, оказавшим ему какие-либо мелкие услуги.

Кто хотел видеть настоящий быт антиквариев и наблюдать их, должен был посещать места их неофициальных сборищ — чайные Сухаревского, Тишинского и Смоленского рынков. Любили они сходиться ежедневно в трактире «Сокол», находившемся в одном из переулков Цветного бульвара. Обычно занимал стол кто-нибудь один, ранее пришедший, а к нему постепенно подсаживались запоздавшие. Около пузатого раскаленного чайника велись бесконечные беседы о всякого рода диковинных вещах, чаще же всего о приключениях во время поездок в провинцию. В разгар такой беседы кто-нибудь вынимал из ручной сумки или кармана художественную редкость и с гордостью показывал собеседникам, всячески восхваляя ее достоинства. В долгу не оставались и остальные. В конце концов около чайных приборов красовалась целая коллекция новых приобре-

тений. Наговорившись досыта о вещах, начинали взаимный обмен ими, иногда же продажу друг другу. Ни одна интересная вещь, выносившаяся на рынок, не избегала предварительного визита в трактир. Если сделки были выгодными, то на столе, совместно с музейным отделением, вырастала, как бдительная охрана, внушительная армия пивных бутылок. Или, кокетливо заявляя о своем присутствии, начинала осторожно выглядывать откуда-нибудь тайно принесенная «половинка» с более серьезным содержанием. Сюда же подходили к антиквариям и старьевщики, путешествовавшие по московским дворам с неизменным выкриком «Берем!».

Приходится сказать несколько слов и об оригинальных покупателях. Последними обычно бывали состоятельные люди, располагавшие значительными средствами и имевшие возможность заполнять свое свободное время «хождением по мукам», т. е. по антикварным магазинам, рынкам, и делать это занятие центром своего жизненного интереса. Все они, конечно, имели свойственные им особенности, иногда даже чудаческого характера. К ним примешивались, по выражению антиквариев, многочисленные «букашки» — малоимущие любители старины.

— Букашка Данила Тимофеевич, а знанье у их и знакомство. Уговорить покупателя помогает. Сам не купит, а доброе дело нашему брату окажет. У иной букашки мозга в башке фунта на три, хоть и божья коровка.

(Записано в 1906 г. от московского рыночного антиквария Ивана Трефиловича Сыроедова.)

С утра до вечера по Сухаревскому рынку бродил худенький старичок в широкой, так называемой «николаевской» шинели с «крыльями», т. е. с пелериной, достигавшей пояса. Антикварии хорошо знали его. Подойдет старичок, начнет рыться в товаре и, стараясь быть незамеченным, спрячет под шинель бисерный кошелечек, вышивку, трубку и т. п. Торговец делает вид, что манипуляций покупателя не замечает. Когда же старичок направится как ни в чем не бывало дальше, окликнет его:

— Господин (такой-то), а как же рассчитаться?

— Ах, разве? — удивляется старичок.— Да за что же?

— А вы в карман кошелечек положили...

— Да что вы?.. Памяти не стало... Верно, есть...— Вынет похищенное, а затем начнет торговаться и... купит. Иногда поправит: — Вы говорите кошелечек?.. Не кошелечек, а вышитый бисером бумажничек...

У старичка этого был тонкий вкус покупателя, и «приобретал» он только первоклассные вещи хорошей сохранности.

Появлялся еще профессор, оставивший после себя серьезные труды по истории русской словесности. Профессор, при отсутствии средств, был неравнодушен к старинным рукописям. Увидит на рынке интересную рукопись, заволнуется, с дрожью быстро начнет ее перелистывать и спросит:

— Сколько за бумажку?

Продавец назначит цену.

— Беру, деньги за мной,— ответит оригинальный покупатель и быстро спрячет рукопись в карман.

Продавец запротестует:

— Деньги нужны, не могу-с в долг, и так много за вами, господин профессор...

— А это видел? — отвечает профессор и сует к носу оторопевшего рыночника массивный кулак и, быстро уходя, добавляет: — Зайди ко мне домой после университета, водки выпьешь... Заплачу когда-нибудь...

При виде профессора — собирателя рукописей товар приняли за правило быстро прятать.

У Устьинского моста и на Сухаревском рынке ежедневно появлялся еще оригинальный покупатель — коллекционер портретов самого дешевого качества. Покупал он их десятками и, видимо, обладал большой своеобразной галереей, сложенной, по слухам, в сарае и на чердаке. Знали его не по фамилии, а по оригинальному прозвищу Рембранд. О нем я упоминаю в очерке о букинистах.

К раскладке нот подходил на рынках и у китайгородской стены одетый в потертую крылатку длинноволосый, гладко выбритый субъект актерского типа.

— Что за ноты? — громовым басом вопрошал он.

Ему поясняли.

— Ага! Это я беру себе, тебе не нужны, а я певец...

— Деньги заплатите, так возьмете,— возражал продавец,— всего-то сорок копеек...

— Ну зачем тебе сорок копеек? — басил субъект.— Я тебе говорю, что я певец, а ты невежда и в оперном искусстве ничего не понимаешь. Ничего!.. Ну, как поется ария Гремина из «Онегина»? Не знаешь? А продаешь ноты и просишь сорок копеек? Невежда, трижды невежда! А вот так: «Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны...»

Начиналось пение, собиравшее любопытных.

— Верните, господин, ноты,— умолял продавец,— или платите деньги, не то обоих заберут в полицию.

— Ага!.. Боишься? А вот: «На земле весь род людской чтит один кумир священный, этот идол драгоценный...» Бас-то какой у меня?! На всем рынке слышно... Я, брат, артист оперный... Понял, драгоценный? Невежда! А ты сорок копеек. Ну, попробуй, возьми «до». Не можешь? А «си»? Тоже не можешь?

К певцу и к раскладке нотника, торговавшего одновременно и антикварной книжной «розбитью», т. е. разрозненными экземплярами старых изданий, начинал пробираться блюститель порядка — городовой.

— Уходите, пожалуйста, господин, под штраф с вами попадешь, на чай городовому давать, и места лишишься. Черт с вами и с нотами...— почти взмаливался рыночник.

— Ага! Благодари меня, я в душу твою влил просвещение... Просвещение! Лирический дух... Музыку! Только я даром ничего не беру, вот тебе за ноты пятак... Сдачи не надо!

И, сунув в руку совершенно растерявшегося продавца медный пятак, субъект уходил с нотами, но немедля возвращался и хлопал собеседника на прощание по плечу.

— Завтра зайду,— ободрял он его,— еще поговорим. Пение, брат, великая вещь! Могу тебя обучить, а ты и не благодаришь.

Было и много других.

Один из самых состоятельных людей Москвы коллекционер Бахрушин * любил крепко, по-купечески поторговаться. Пригласит в кабинет собственного

дома своего поставщика популярного московского антиквария Николая Сергеевича Кокурина и приоткроет вместительный ящик письменного стола. Коллекционировал он русские бытовые древности, лубки, картины и фарфор. Начнет рассматривать привезенную ему Н. С. фарфоровую фигурку и спросит цену. Н. С. назначит.

— Что вы, что вы?! — замашет руками Бахрушин.— Половину!

— Не могу,— отвечает антикварий, хорошо знающий повадку своего покупателя.

— А я не прибавлю,— возражает Бахрушин.

— Так я обратно фигуру заберу и продам другому.

— А я не отдам!

— Почему же?

— А вот почему,— и Бахрушин поместит фигуру в заблаговременно выдвинутый ящик письменного стола, закроет его на замок, ключ положит в карман и велит подавать чай с закусками. Часа два продолжается чаепитие, после Бахрушин спросит: — Не надумали?.. Нет?.. Завтра тогда заходите...

Назавтра повторяется та же история, рассказывал мне Кокурин, и опять с чаем и с закусками. Приходится приехать и в третий раз. Опять чай, закуски, торг. Но все же Бахрушин заплатит всю спрошенную сумму, поцелует еще в щеку и скажет: «Не забывай, что будет — принеси, не скупись, а то неловко, ты человек уважаемый...»

Посещал Н. С. Кокурина один загадочный пожилой покупатель из провинции. Одет неаккуратно — в потертое пальто, сапоги и картуз. Сразу казалось странным, для чего могла появляться такая фигура в магазине предметов роскоши. Фамилии не сообщал. Все пересмотрит, все потрогает, попросит лестницу, приставит ее к стене, взберется на нее и начнет близко разглядывать картины. Пройдет много времени в молчании. Спустится вниз, помолится на иконы и начнет отбирать лучшие вещи, проявляя изысканный вкус. Приобретет на несколько тысяч, а за вещами явится со своим человеком, который в его присутствии займется упаковкой и все унесет. Так и не узнали, кто он и откуда. Какой-то антикварный капитан Немо.

Привожу некоторые остроты и разговорную речь рыночных «развальников»-антиквариев.

Что не украл (такой-то), так купил.

Шинель у (такого-то) торгуется.

Ковер-то покажи, да смотри, концы в карман не сунул бы...

С таким торговаться на неделю и то закусивши, а спать у него — подушку с собой принеси. Одно дело: хорошо угощает...

Любитель слона по вещи водить...

Вавилонскую башню с ним строить — язык напополам сломишь...

Я ему парчу в кабинет на подушки продал из покрова с мертвого. Им немороженых усопших лет десять накрывали, подкладка сгнила и в пятнах. Пусть наперед со своим капиталом в дорожку дальнюю готовится. Можно сказать — на упокой его души! Подушка от меня, а останное собственное, что и с кого выторговал...

Что за портрет? Не разберешь — мужик или баба? Стерся... и в дырах. Рембранд купит. По рублю за каждую дыру, а заторгуется — оптом... чем боле дыр, тем дороже!

И дивное дело: продал я Рембранду портрет, а он точно с него самого писан. И борода, и родинка с пятак, и нос луковкой. Уж он не выходец ли с Калитников * и своих сбирает?

Натуральный покупатель — кто боле молчит, про себя смекает, цену скажет и вздохнет, когда за деньгой в карман соберется...

Шестиствольная пустомеля системы Лефоше *, а не сбиратель.

Невидимка идет за миньятюрами.

Картиночка с клубничкой!..

Скупердяй Васильич Растудыкин с ветра...

У него не коллекция, а тарарабумбия — всякой дряни по лопате!

(Записано в период 1907—1913 гг. от неизвестных торговцев с «развала» Сухаревского рынка.)

Купил купку от яйца скорлупку, яйцо курячка, есть его в раскорячку — ни жарить, ни варить, а помене о нем говорить. Знаешь, друг, почему? Дурак на нашем товаре коли попадет, на весь свет о том раззвонит, а умный про себя смолчит, да сам другому умному его и всучит. Дело наше имей хоть с мошенником, хоть с вором, а не с дураком. Дурака прочь гони! Дурак, что наш товар не смекает, а возле ходит, первейший враг, хоть и деньги платит. Потому и деньги у него, что дурак, к умному они в неохоту идут... Так, что ли?

Думал яичко в два желтка, а оно без одного — болтунец. Захотел дурак у меня натурального Репина за два с полтиной купить. Ну и влип. А мне что? Дурака если не учить, он дураком и помрет! Спасаем человека!

(Записано в 1908 г. в Москве от рыночного антиквария Ивана Ильича Алябьева, прозванного Коляска.

«Купка» — покупка, «курячка» — от курицы, куриное.)

Яичница из костей, никак ее не изжаришь, масло переведешь... А изжаришь — не съешь, а съешь — помрешь. Три года у меня комод красного дерева торгует и все ниже своей цены дает. Я уж вру ему, что продал, а он — все свое. Мозоль на душу натирает такой покупатель.

Его вместе с его бабой под Устьинский мост в реку! Говорит, что подделка моя чашечка венская и деньги взад просит. А я ему: не поддельная, сударь, а новодельная, вещь искусственная, редкого предмета научное возрождение. Баба его, мадам,— распромадам ее курицу — меня хотела зонтом. Жаль, не ударила, я бы с них у мирового знал, что взять на дюжину чашек. Лезут покупать, а без понимания в искусстве...

У чашечки, видите, донце сбито, в дырку завода императорского меточка сделана и опять заполировано. Хорошая работа! Поболе бы таких на покупателя на Сушку...

Георгий Викторович миниатюру в два часа пишет и трещину наведет настоящую. У него и Щукин * попадал...

(Георгий Викторович К.— антикварий и художник.)

Не покупатель, а умомрачитель...

На стол такой есть у меня покупательница — ей что ни чудней, то милей. Мы ей диван продали: ножки от зеркала, спинка с фортепьян, а резьба с ико-

ностаса. И как Васька-столяр все подогнал и сцветил! Ровно так и надо... Не мастер, а золотая рука! Она на этом диване футы-нуты сейчас пишет.

Покупатель — что панорама: найди дырку и поглянь в нутро, чем он дышит...

В городе Санкт-Петербурхе один покупатель по Александровскому рынку ходил и все спрашивал по картинам старую школу. Бывало, подойдет к кому, а хозяин с сурьезным видом и крикнет: «Эй, посмотри под прилавок, куда мы пару Рембрандов засунули?» Приказчики вид дадут, что и впрямь ищут. А потом хозяин вежливенько поклонится: «Вы, сударь, как-нибудь зайдите, всенепременно сыщем!» Покупатель, дурень, и верит... Любили почудить!

Цыпленок идет... начал фигуры Гарднера собирать. Новенький, сырой, не обсох еще... Давай гадать — петух или курочка? Не петух, не курочка, а по деньгам — скорлупочка...

Мадама у меня диван француженки мадамы Рекамье заказала. Разъекамье ее рекамье! Где такой сыщешь? Придется Ваське велеть сделать. Он тебе какую хочешь рекамью загнет... У самой морда, что у сыча, а тоже рекамьится...

Ищет диванчик пижоне́, малый... Знаем мы для чего. Черт старый!

Ищет канделябр павловский. А что павловский значит?.. Три козла с рогами золоченые, да от шандала подставка, да лампа керосинная с фитилем. Пашка сделает и вызолотит. Мы какую хочешь стилю для ветрогона сочиним.

Домой с рынка сматываюсь! Навернул одной шляпе фигуру саксонскую с подклеенной ногой. Боюсь, вертанется! Нога-то не от нее.

Я, мадам, антиквар со времен Ивана Великого! Через мои руки сорок сороков прошло. Не какой-нибудь верти-крути. Если что посоветую, то верить надо. Вот, к примеру, у меня сарафан. Семнадцатый век. А не семнадцатый, так восемнадцатый, а не восемнадцатый, так все равно времен царя Александра Первого. Скончался, изволите знать, в Таганроге... Не сарафан, а всем сарафанам сарафан! Коли потерт, то от времени. От времени и вы потретесь, сударыня, а пока дай вам бог цвести, как сейчас, в натуральном цвете. Набросите его у себя в рандеву и... какой шик-с! Можно сказать, что царицей бала будете... Ну вот-с! Извините, что бумажки завернуть нет. А вы так на ручку возьмите. Всего лучшего! Заходите, супер-мадам, я всегда у Устьинского по утрам. Честь имею-с! Нажил с вас всего три рубли.

На кобылий хвост он покупатель и жеребцу приятель. Ему твое кресло и не надобно. Треплется под интеллигенцию...

У них в доме, слух прошел, черти завелись. Заслонки печные по ночам хлопают, в трубе гудение, и тени какие-то блуждают в белых простынях. На Арбате это. Они и давай все продавать, со двора долой сбираться. Леонтьевский один, антиквар, три полных воза товара от них к себе, от чертей, свез. И все нипочем. Тут тебе: и фарфор, и канделябры, и кружева, и мебель... Вот что черти творят окаянные! Антиквар и разбогател с того раза. Сапоги даже с Петра Великого со шпорами купил и грамоты жалованные... Повезло от чертей Леонтьевскому переулку. Нам бы на Сушку * хоть одного черта лысого...

Купит на рубль, наврет на два, еще на полтину нахвастает, а с тебя сдачи.

Покупает, а сам в глаза мне смотрит — вру али нет? А я и не моргаю. Моргнешь, дело не сделаешь. Вот какая у нашего брата выдержка — ровно на часах!.. Сам жулик, я в пять раз на жулика жулик, а коли на честного, я вроде как откровение небесное. Со мной по-хорошему, и я — по-хорошему, со мной по-тайному, и я — ночь.

Ты, грит, мошенник!.. А мне и не в обиду, наше дело самое что ни есть мошенное. Мошенней антикварного торгового дела никогда и не было. Мошенней брильянтового, мошенней мехового... Сплю иной раз, а во сне, как и что кому продать, мечтаю...

Чем чуднее, тем денег больше! Карась ил да темноту любит, а на уду хорошо клюет.

Муж с ей не живет, она вовсе дурная. Стиль джапонéз, так сказать, японский завела. Сам-то толстенный — стол да два стула из какой-то жеваной бумаги с клеем и раздавил. Ссора у них...

Приехали один раз к одному за шкафом по адресу в именье. Шкаф с врезками елизаветинский... Мы на лошади с возом, чтобы как забрать. Не продает, дьявол, кобенится, вон выгнал. Мы возьми да возле дома лошадь распрягли, торбу ей навесили, а сами, что цыгане, кафтаны на травку постлали и легли. Людей выслал нас гнать, а мы им в лапку трешницу. Они пошумели, пошумели и говорят, что сладить не могут. Хуже всех там старуха, нянька, что ли, иха была, денег не взяла, а Петру Никанорычу в бороду плюнула. Терпели мы, не дай бог, какой срам! А держались вежливо, как нищие, все упрашивали и кланялись... На вторые сутки к вечеру купили. Отошел! Очень ему надоели...

(Записано в период 1908—1914 гг. в Москве от антиквария Федота Васильевича Бабякина, рыночных земляников, или раскладчиков, Михаила Ивановича Панкова, Константина Георгиевича Медведева, Ива-

на Петровича Сайкина, Власа Сергеевича Сергеева, Ивана Ивановича Молокова, Сергея и Константина Андреевых, поставщика музеев Потапа Степановича Кузнецова.)

Я с вас прошу всего три рубля-с, и то потому, что на рынке благородным делом занимаюсь, а если бы магазин имел — и тридцать не стыдно спросить. Чего тридцать! Сотню за такой с пикантностью женский медальон... Видите-с шейку-с? По-французски декольте называется. Какое откровение! Прошу посторонних не иметь вмешательства в деловые разговоры. Мардальон?! И выговорить не умеют, а лезут на стол со свиными ножками... Я не московский, потому меня и травят... Я не откуда-нибудь, а из столицы Санкт-Петербурга. Срезал вас? Вас туда с вашим красным носом и товаром брике́ на пушечный выстрел не подпустят. Извините, господин, за отвлечение. Трещинка на кости, говорите? Верно, треснула косточка и не по носу вовсе, а по уху... и то слегка. Да ведь и вещичка не новая, а вековая, из аристократической фамилии. Как по сей дамочке вздыхал, кому подарочек этот был. А может, и сам заказал от грусти в разлуке. Умер, и к нам попала... Все там будем! И вы, и я за компанию... Два рубля? Да что вы-с! Разве это можно? За два рубля? Ну как желаете, всего доброго... Подождите, господин, еще одно слово: два рубля и восемь гривен? Два с полтиной! Желаете! Нет? Как угодно... До свидания... Впрочем, все равно — берите уж... Приятно, что вещь к рукам, и деньги на билет нужны. К родственнице приезжал повидаться. Пять лет не был. У нее муж в казенной палате служит... А вы какой, и не прибавили! Не придавите стеклышко в кармане...

(Записано с некоторыми пропусками в 1910 г. в Москве, на Сухаревском рынке, от заезжего антиквария-раскладчика, назвавшего себя Павлом Ивановичем Пенкиным из Петербурга. Продавал он миниатюру на кости.)

Вы, сударь, не изволите знать, а в спор идете... Часы-с Ардлея Нортона *, а вы говорите Христофора

Колумба. Вы из трактира Уварова вышли? Бывает, бывает. Хорошо угостились, и на здоровье вам! Нордон Ардлей, извольте видеть, по открытию часовой механики, а Христофор Колумб — по яйцу. Колумб яйцо такое изобрел, что на столе стоит, и Америку открыл, а Нортон часы совершенствовал. По яйцу который час не определишь, а по часам — пожалуйте, какой угодно. Ошиблись?.. Купили бы для подарка супруге в столовую. Повесите, и очень даже хорошо и красиво... С кукушкой вам? Извините, с кукушкой пока не имею. Меня с собой возьмите — я куковать, если хорошо угостите, стану.

Неоднократно у одного из крупных московских антиквариев я присутствовал при следующем разговоре:

— Вы мне, моему опыту не верите, сами не понимаете, так зачем вы ко мне пришли? Идите и покупайте у вашего эксперта...

Это была типичная фраза самолюбивого, пользовавшегося популярностью антиквария — ответ покупателю, который просил доверить ему вещь для консультации с экспертом.

После этой фразы антикварий всегда отбирал вещь, прятал ее и вежливо раскланивался:

— Я эту вещь уважаю, я постараюсь, чтобы она попала в руки к понимающему специалисту, который будет ее своим сердцем любить.

И совершенно отказывался продать ее даже при немедленном расчете:

— Дискредитируется, — прибавлял, — редкая вещь!

Среди антиквариев существовали еще особого типа фигуры, которых прозывали «конь», иногда добавляя к этой кличке фамилию антиквария, при котором этот «конь» обычно состоял или, как принято было выражаться, при котором «ходил». Говорили:

«Конь ерыкаловский», «конь черномордиковский». Или: «Ходит от такого-то... призовой!»

«Конь» — это или опустившийся интеллигент, или просто мелкий спекулянт, скупщик и продавец старины, не имевший возможностей самостоятельно совершать значительные торговые операции. «Ходил»

он на процентах от своего патрона. Деятельность «коня» сводилась к следующему. Узнает антикварий, что конкурента по торговле посещает выгодный, авторитетный покупатель, и захочет переманить его к себе. Посылается «конь» в тот магазин, из которого надо залучить коллекционера. Вежливо, с поклонами к хозяину начнет с серьезным видом подробно осматривать весь товар, справляться о ценах, похваливать отдельные вещи, хотя в конце концов или ничего не купит, или приобретет какой-нибудь пустяк. Выждет «конь» прибытие интересующего его лица и, когда хозяин отвернется, подойдет и начнет таинственным шепотком:

— Очень приятно вас встретить, давно мечтал, много о вас наслышан... Говорят, коллекция у вас замечательная. Фарфором и гравюрами интересуетесь? А не видали, какие вещицы получены в (таком-то) магазине? Рекомендую зайти, на меня сошлитесь, вам лучшее из-под прилавка покажут и продадут, что для первых покупателей припрятано...

Или, в зависимости от обстановки, с оттенком нежности и особой приязни заговорит:

— Дозвольте к вам на дом зайти, кое-что показать, а что вам не нужно, сменять. Сам коллекционер, сам собираю себе художественный фонд. Кстати, много адресов знаю, где задаром родовые антики распродают. Не пожалеете о нашей встрече.

В результате такой, как бы случайной, беседы и знакомства в магазине наезжал «конь» или, проще говоря, втирался в квартиру нужного человека, завязывал знакомство, сбывал или менял залежавшийся годами товар своего патрона, интриговал против его конкурентов, переносил новости антикварного мирка, сплетни и наконец доставлял коллекционера к «хозяйскому месту».

Случалось, что «коней» сразу узнавали, и хозяин магазина, на пороге которого он появлялся, приветствовал его без особой учтивости:

— Уходи, уходи, знаю, с чьей ты конюшни, знаю, чей овес ешь, ничего для тебя продажного нет!

«Конь» принимал вид глубоко и несправедливо оскорбленной невинности, выпячивал вперед грудь и пробовал возражать:

— Как вы смеете, милостивый государь, я ваш покупатель!

Тогда хозяин без церемонии добавлял:

— Уходи, проходимец, пока швейцара нет!

И перед носом «коня» с шумом захлопывалась входная дверь.

Впрочем, антикварные «кони» были не обидчивой породы, не из гордых кровных арабских скакунов и терпеливо дожидались желаемой встречи или у наружных дверей магазина, или путешествуя взад и вперед по улице. В этом случае они заводили знакомство при выходе покупателя из собственного экипажа.

Отсюда всякий, кто, пользуясь случайной встречей в антикварном магазине, заводил с кем-либо знакомство (или, как еще говорили, «ковал подкову», «делал иноходь», «хвостом вилял», «гриву теленку плел»), именовался среди второстепенных торгашей не только «конем», но и «кобелем на бараньем молоке», «заразой», «ходиком-модиком», «влипалой», «львом сучьим» или «сучьей подпругой».

«Коней» многие побаивались, ибо были случаи, когда, прикрываясь этой специальностью, в квартиры состоятельных людей проникали как воры, так и их наводчики.

Про «коней» говорили:

Из воровского табуна старый бугай...

Это тебе не продавец, а чесотка: зудит крепко, извести изведет, туман наведет, а смерти не дает...

(Записано в 1909 г. от московского антиквария Матвея Ивановича Груздева.)

Товар у него антикварный, что горшок базарный, у всех по рукам прошел...

(Записано в 1909 г. от нижегородского антиквария Николая Васильевича Новосильцева.)

У него товар лапаный, через семь смертей прошел, жив остался, к тебе за спасеньем стучит...

(Записано в 1911 г. в Москве на Сухаревском рынке от торговца антикварной мебелью Павла Ивановича Васюкова.)

Старые коллекционеры не любили покупать антикварные предметы, которые многие видели, которые ходили по рукам или которые уже предлагались в другие руки.

Трепаный товар от трепаного к святым местам странника — характеризовали они его.

(Записано в 1913 г. от московского рыночного антиквария Константина Георгиевича Медведева.)

Такой товар считался обесцененным, лишенным своей основной прелести и возможности «показа», «похвальбы» им, как новинкой, перед иными коллекционерами. Отличались почти все коллекционеры этой особенностью: они гордились тем, что ту или иную вещь никто до них не видел, что в ней какое-то индивидуальное открытие, что никто, кроме них, не мог украсить ею своего собрания. Это была своего рода гордость собственника, снобизм. Иногда с приобретением какого-либо предмета были связаны целая история, рассказ, даже вымысел. Эту характерную черту своего покупателя антикварии хорошо учитывали. Поэтому у крупных деятелей рынка все вновь приобретенное припрятывалось и давалось для осмотра и покупки только в «деловые руки», т. е. намеченному покупателю. В магазине же обычно выставлялись только «остатки» или все второклассное. Бродячие торговцы, «кони», большею частью считались «рвачами», людьми беспринципными, интересующимися не коллекционерской этикой, а личным доходом. Особенностью их продажи было то, что они демонстрировали свой товар целому ряду лиц, уверяли каждого, что он никому не показан, запрашивали за него высокие цены, сутяжничали, иногда вымогали и таким образом ловили простака. Сразу «кони», по усвоенной ими традиции, в сделку не входили. Стоило «коню» попасть после долгого путешествия на новичка в коллекционировании, как последнего немедля «прикалывали» или «крыли переплетом» — т. е. с деланной неохотой, часто со вздохом и

с особым движением рукой, означавшим глубокое отчаянье, уступали ему вещь.

Выходило как бы: «Пользуйтесь-де моей простотой и крайностью, нате, берите, для вас и берег! Больше ни для кого, никому и не показал!»

Товар же «коня», как упоминалось, состоял обычно из вещей — остатков продажи, набранных по многолетним, преданным забвению складам антиквариев или чем-либо и по каким-либо причинам в свое время забракованным. Такую сделку и выдержку «кони» называли «коммерцией».

Настоящие антикварии «коней» не любили, обижались, когда их, антиквариев, принимали за «коней», и относились к последним с нескрываемым презрением (за исключением, понятно, тех случаев, когда «конь» являлся их личным агентом).

Удалось еще случайно записать следующие остроты и выражения, слышанные от разных неизвестных лиц на рынке возле Сушки, или Сухаревской башни:

Вам, господин, товар этот не подходящ, на нем конь по московской мостовой проскакал!

Чашечка ничего себе, только купить всерьез стерегитесь, она на подковах ходила...

Дайте Ваське-коню на подковы к каблукам сработать...

Вчера Семен Андреев в «Орле» верхом на Сашку сел и конем его обозвал. Завтра обоих к мировому...

Саня, стой! Тпр-ру тебе говорят, а ты ровно лихач. Кого оплел? С утра пьяный. Иди в городскую управу знак на извоз выправлять!

Фигуру купил, блюдо купил, деньги после, а табакерку — в карман и уехал. Сыпал так, ровно его плетью нахлестали. Скороход! На бегах всех обгонит...

Чего ржешь? Али на тебе за воровство воды в остроге не возили?

Я природный по отцу и мамаше антиквар, а тебе, жеребцу, не пара. Подожди, подкуют тебя в какой квартире, когда к хорошему человеку в комод полезешь...

Не человек, а московская конка в два хомута. Долг бы лучше платить...

Стрелок на ходу!

Эй, тпр-ру, поди сюда!

Были еще в Москве так называемые «невесты», т. е. обнищавшие старушки из благородных, для которых кто-нибудь из антиквариев снимал на окраине домик-особняк, обставляя его из кладовой своего магазина, вешал копии старинных произведений живописи, поврежденные гравюры, в горку помещал сомнительного достоинства «новодельный» фарфор. Роль «коня» заключалась в том, чтобы навести к «невесте» «жениха», т. е. собирателя старинных вещей для покупки «из первых рук», и таким путем помочь своему патрону сбыть брак и залежь. «Невесты», наживая, как говорили, «приданое», время от времени перебрасывались с одной окраины Москвы на другую и делали в газетах объявления о распродаже привезенных из деревни «фамильных» вещей. Среди таких «невест», оставивших после себя солидное приданое, скопленное от процентных отчислений с антиквариев, мне были известны Анна Васильевна Зыбина и Мария Павловна Щепетова.

Слышал:

Невеста без места, а конь без узды!

(О плохо идущих делах «невест».)

Ей бы два коня впрячь и на Ваганьково со всей требухой.

Приданого два гардеропа, и оба пополам.

(Об А. В. Зыбиной. Записано в 1907 г. от неизвестного торговца московского Устьинского рынка.)

С нее самой Рембрандт портрет писал.

(О М. П. Щепетовой. Записано в 1910 г. от московского рыночного антиквария Константина Георгиевича Медведева.)

Среди антиквариев было, конечно, немало и людей, добросовестно помогавших любителям пополнять свои коллекции: Виссарион Антонович Глиндзич, Лев Михайлович Гоберман, Петр Сергеевич Голованов, Мендель Ерухимович Свердлов, о деятельности которых надо говорить особо.

В 1913 г. среди московских антиквариев и перепродавцов старинных вещей пользовался большой популярностью художник-живописец и реставратор М. Д. Е. Умудрялся этот способный человек обслуживать коллекционерский мирок срочным выполнением всевозможных починок поврежденных предметов антикварной торговли. То дыру на портрете какой-либо маркизы незаметно заклеит, то Марию Антуанетту лачком покроет, а то и Людовику, всесильному королю Франции, нос подмажет по капризу заказчика. Знали его как хитрого починщика и своего человека среди антиквариев. Один из торговцев как-то пошутил над ним:

— Все ты, М. Д., дыры заклеиваешь, где что и припишешь, а вот Рембрандта не сочинишь, не сделаешь.

Как ни странно, а эта шутка задела самолюбие мастера. Ходил он задумчивый по московским улицам и вглядывался в физиономии прохожих. А через несколько дней была им разыскана и сфотографирована какая-то почтенная по возрасту женщина — модель для будущего Рембрандта. Почти на месяц скрылся М. Д. с коллекционерского горизонта, а потом явился к изумленному шутнику-антикварию и продемонстрировал ему «произведение мировой живописи, шедевр великой кисти».

— Черт знает что такое,— восторгался антикварий,— не верю, что ты сделал!.. И кракелюры *, и

холст старый, и починочку на фоне по темному лаку промыл по-старому? Да и манера похожа на Рембрандта.

— Сидел дни и ночи,— отвечал М. Д.,— каждый мазок прочувствовал и пережил. С ума чуть не сошел. С холстом сколько мучился — зерно под Рембрандта подбирал. Еле нашел.

Решили все же проверить первое впечатление. Через подставных лиц показали «Рембрандта» специалистам Петербурга. Те сгоряча не только признали за подлинник, но и зашумели о нем. Но шума по коммерческим соображениям особенно не хотел московский антикварий. Это было не в его планах. «Рембрандт» был временно спрятан, как бы бесследно исчез. Поискали его, поискали коллекционеры и... успокоились. Продали произведение М. Д. тайком за границу, где оно, возможно, и красуется сейчас как произведение великой кисти в одной из коллекционерских галерей.

— Проучили иностранцев,— смеялся мне талантливый рембрандтист,— очень уж любили они высокие ценности из России увозить. Много подобрали! Пусть и М. Д. в галерее повисит!

Встречая художника, я напоминал ему о его проделке.

— Пора забыть,— говорил он,— чего не бывало!

А фотографии с живой модели и с картины «Рембрандта», по словам М. Д., он сохраняет до сих пор. Этот любопытный случай интересен как показатель высоких способностей и мастерства рядового русского художника. До занятия этой профессией, кстати сказать, М. Д. был в молодые годы фабричным слесарем-водопроводчиком.

Вспоминаю курьезные случаи из моих антикварных приключений, имевших место в 1907—1910 гг. Как-то зашел друживший со мной антикварий Нижнего Новгорода отставной подпоручик Н. В. Новосильцев и пригласил меня в магазин к букинисту и библиофилу Рукавишникову для осмотра только что приобретенной рукописи. К слову сказать, престарелый Новосильцев представлял собой внешне любопытную фигуру. Носил он длинный офицерский сюртук, по борту которого висела длинная часовая цепь с большой кистью старинных

подвесок и брелоков, которые он охотно продавал, брюки навыпуск, на голове имел кепи эпохи Николая I с белым упругим султаном, на длинном ремне блестящую, с грохотом волочившуюся по земле начищенную гусарскую саблю, а на плечах серую шинель-крылатку. Своим оригинальным одеянием Новосильцев очень гордился, любил рассказывать, что приобретал его частями на толкучем рынке, израсходовав всего-навсего двенадцать рублей сорок копеек. Помимо цепи с брелоком на сюртуке его красовались какие-то загадочные, отжившие свой век военные значки, а к оружию был прикреплен анненский темляк. Ему очень нравилось, когда ему «козыряли» городовые. Этого оригинального, хорошо разбиравшегося в старине, горячего в спорах и вместе с тем доброго человека знал весь город. (Хочется вспомнить и о системе его продажи: Новосильцев откровенно объявлял себестоимость какой-либо вещи и просил прибавить к ней один рубль, пятьдесят, а иногда и двадцать копеек. Не получая пенсии — он участвовал в турецкой кампании,— не имея продвижения в чинах, отставной подпоручик существовал только на гроши «антикварные, коммерческие», как он говорил.) Я немедля отправился по приглашению.

Большая по формату, хорошей сохранности рукопись являлась проектом ордена Святой Троицы в память Отечественной войны 1812 года. Проект этот предназначался как подношение царю Александру I. Хорошо помню эту рукопись и сейчас. Лист около метра длиной с изображением вверху акварелью образца ордена, снабженный описательным текстом и подписью автора, какого-то коллежского не то регистратора, не то советника, чиновника, мечтавшего таким путем сделаться заметным для глаз царя. Следов сдачи ее по назначению, т. е. каких-либо пометок и иных автографов, рукопись не имела. Возможно, что она хранилась в семье автора как воспоминание, как документ, не отправленный в свое время по назначению. От приобретения этого иллюстрированного проекта, который не считал для себя интересным, я уклонился.

Прошло несколько лет.

Я сидел в Леонтьевском переулке в Москве у

опытного, как говорят, бывалого антиквария Веркмейстера и был занят разбором коллекции народных лубков и гравюр. Раздался звонок в магазин. (Ранее многие магазины антиквариев находились при их жилых квартирах, обычно были на запоре, и войти в них можно было, только позвонив хозяину. Это понятно, ибо круг покупателей, а следовательно, и посетителей был ограниченно избранным.) Веркмейстер пошел открывать дверь. Посетителем оказался сын некоего Петрова, престарелого московского же антиквария из Леонтьевского переулка. В руках он держал сверток наподобие трубки. Вид у него был развязный и торжественный. Веркмейстер и молодой Петров удалились в соседнюю комнату. Через несколько минут я услыхал два энергично торговавшихся голоса. Петров то выходил из комнаты, то возвращался обратно по приглашению Веркмейстера. Видимо, совершалась солидная сделка и стороны вначале не сходились в цене. Наконец раскланявшийся со мной Петров скомкал сторублевую бумажку и хлопнул выходной дверью. Заперев на ключ дверь, с таинственным и гордым видом приблизился ко мне Веркмейстер.

— Эх, Евгений Платонович,— заговорил он,— первому вам покажу редчайшую, исторического значения покупку!

И развернул передо мной только что приобретенный трубкообразный сверток. Это была моя старая знакомая, рукопись из магазина Рукавишникова в Нижнем Новгороде. Только вид ее был несколько иной. В верхнем углу красовалась довольно крупная, долженствовавшая изображать подлинный автограф царя, надпись: «Благодарен — Александр». Надпись эта, сделанная гусиным пером и точно сохранявшая многочисленные детали сложного каллиграфического росчерка Александра I, казалась сильно выцветшей от времени, сделанной почти сто лет назад. Я не верил глазам, рассматривал ее в лупу и невольно улыбнулся. «Подлинная, да и только,— подумал я,— несомненно, ловкая, тонкая работа отца продавшего, старого леонтьевского антиквария Петрова». Об искусстве его подделок рассказывали легенды; особенно мастер он был по автографам.

Моя улыбка не укрылась от Веркмейстера, и он немедля пристал ко мне с расспросами. Я объяснил ему, что тень императора сделала надпись совсем недавно и что видел я рукопись без нее. Тогда антикварий заволновался и вооружился в свою очередь лупой.

— Вижу,— заговорил Веркмейстер обиженным тоном,— настоящую старую подпись. И росчерк подлинный, и чернила выцвели, и даже вот маленькая характерная шероховатость на загибе.

Вытащили альбом с репродукциями автографов крупных лиц и стали сравнивать. Все было сделано идеально, я готов был даже не поверить самому себе. И только точное воспроизведение однотипных мельчайших деталей «шероховатостей» от скорописи убедило нас в том, что кто-то копировал почерк царя по известному, лежавшему перед нами оригиналу. Скопировал он от усердия и случайные незначительные кляксы (брызги гусиного пера), не могущие быть повторенными. Веркмейстер взял с меня слово сохранения антикварной тайны. Я дал слово и, как видите, нарушил его только через много лет. Срок законный!

Не думает ли читатель моих записок, что на этом заканчивается история проекта ордена Святой Троицы, снабженного подлинной благодарственной надписью растроганного царя? Это не совсем так. С рукописью я встретился снова в 1919 году и при самых неожиданных обстоятельствах — точно по Чехову, по рассказу «Произведение искусства».

Был день моего рождения. Пришел поздравить меня крупный московский антикварий П. А. Голованов и сделал мне подарок... свиток с проектом ордена Святой Троицы, снабженный личным и «несомненным» автографом Александра I.

— Купил случайно после смерти одного коллекционера,— пояснил он,— редчайшая, исключительная вещь, подпись Александра в полной сохранности... нелегко мне досталась...

Я поблагодарил, обнял дарителя и... ничего не сказал.

Мне остается только покаяться в поступке, лишенном этики. Даримое принято обычно не отчуж-

дать, а хранить до смертного часа. Я нарушил эту традицию и, уступая просьбам антиквария Г. В. Кучина, обменял курьезный по своей судьбе документ на орудия каменного века. Где она, эта рукопись, сейчас, чье собрание украшает — не знаю. Только бы не встретиться с ней снова! Возможно...

Надо отдать справедливость, копии и тонкие подделки самого неожиданного характера играли значительную роль в антикварной торговле. Старались, как правило, сбывать их на праздничных уличных рынках, через комиссионеров. Продажа личная непосредственно заведомой копии солидным антикварием могла подорвать его авторитет, навредить торговым операциям, умалить ценность экспертизы, лишить доверия клиентов. Поэтому совершали эти шаткие операции (по антикварному — «садили липы») подручные или «кони».

Во время одного из посещений упоминавшегося московского антиквария Н. С. Кокурина я был отозван им в соседнюю комнату, где сидел уже добрый час щегольски одетый, гладко выбритый джентльмен, державший в руках объемистый портфель желтой кожи. Мы познакомились. Это был коммивояжер, заезжий представитель какой-то австрийской фирмы по распространению первоклассных копий миниатюр на пластинках из слоновой кости. Делились показанные им образцы на сорта, имели свой печатный прейскурант и были вделаны в трудно отличимые от подлинных старых бронзовые и деревянные рамки. На красном дереве последних были следы червоточины, под слегка заплесневелым стеклом лежала пыль, в некоторых частях изображений портретов были легкие кракелюры. Бронза местами потемнела и даже позеленела, зацвела. Подлинник, хорошо сделанный подлинник! Учтено было все, даже тонко подмеченная психологическая подробность, что покупатель-коллекционер любил и любит не только приобрести вещь, но и поставить себя в роль некоторого ее защитника-спасителя от варварского, неаккуратного или небрежного обращения при переходе из рук в руки. Спасение это обычно заключалось и заключается в снятии пыли, протирке стекла, приведении в порядок металлических украшений. Таким образом, к

услугам любителя имеется полный ассортимент духовных радостей: и хорошая заграничная пыль, и пятна на стекле, и окись металла. (На языке рыночных, или «прохладных», антиквариев продажа подделки выражалась фразами: «Погладить доброго человека по душе» или «Поцеловать в сердце». Внешние же достоинства какой-либо вещи характерно определяли — «Двадцать четыре радости», «Тысяча и одна ночь» или «Умная работа на большие мозги».) На обороте рамок, в дополнение к наружному и психологическому эффекту, на «товаре» австрийца были подклеены еще остатки старых рукописей и какие-то загадочные номера крупных собраний с сургучными и мастичными печатями «гербовного» владельца. Бойкий коми так и сыпал именами петербургских, московских, киевских и одесских антиквариев, пользовавшихся услугами его фирмы. К чести Николая Сергеевича Кокурина, следует сказать, что от операции с подделками, или «фальшаками», он категорически отказался. С остатками же и следами от поставок заграничных фальсификаторов и продаж их по рукам я сталкивался в комиссионных и антикварных магазинах последующих лет. Кажется, шли они и идут до сих пор за подлинные старые оригиналы.

Копированием старинных миниатюр занимались и одиночки-антикварии из среды московских художников. Я присутствовал при одной такой операции у художника К. Поспешно сделанная им копия в течение нескольких часов дала по краям нужные, едва заметные для невооруженного глаза кракелюры, а вправленная в старинную рамку и под стекло с фацетом* могла ввести в заблуждение даже опытного собирателя. Писал он подстриженным пером из крыла вальдшнепа, на работу одного экземпляра затрачивал около трех часов, кракелюры же создавал посредством особой комбинации, состоявшей в последовательном наложении слоев жидкого масляного и спиртового лаков один на другой. Эти наслоения впитывали в себя пыль, стягивались и при высыхании производили разрывы краски на кости. Немало таких изделий гуляет и сейчас по рукам молодых, начинающих любителей

старины. Большей частью в угоду спросу это женские портреты с оригиналов XVIII века или копии по открыткам с классической живописи.

Добавлю еще любопытное происшествие, которое произошло с одним петербургским антикварных дел специалистом. Как знаток старинного фарфора и хрусталя в старом С.-Петербурге пользовался большой популярностью упомянутый мною выше антикварий Мендель Ерухимович Свердлов. Один из великих князей увлекался этой областью коллекционирования. Услыхав про большого специалиста, князь решил показать ему все свои многочисленные приобретения. Однажды к Свердлову явился блестящий адъютант, передавший перепуганному антикварию приглашение высокопоставленного лица. Сам Мендель Ерухимович рассказывал об этом приблизительно так:

— Как еврей, проживавший в столице лишь благодаря купеческой гильдии, я чувствовал себя не особенно прочно. Строгие, тяжелые были тогда времена. Заволновался я, да и как, в каком костюме явиться к великому князю? Ну, думаю, держись Мендель Ерухимович! Явился... Великий князь за руку со мной поздоровался. Осмотрел я всю коллекцию... Всякий там товар был, и хороший, и слабый, больше чашки и фигуры. Оценил, забраковал кое-что. Узнал, между прочим, стоявшую на верхней полке шкафа фигуру и говорю: «А вот эту фигурку я знаю — старый Гарднер, метка крючком, у ней трещина на ножке».— «Как знаете,— удивился великий князь,— откуда?!» — «Да как же не знать,— отвечаю,— она у меня с месяц тому назад графом одним куплена, я ей и ножку чинил. С Александровского рынка она, год назад ее купил». Приказали снять фигурку. Какой-то генерал сам за ней полез. Достали. Все, как я сказал, так и есть: и клеймо, и починочка. Только, вижу, смутился великий князь, наскоро со мной простился и ушел. А генерал один вышел из его кабинета да, как зверь, на меня набросился: надо было вам, кричит, язык развязывать, вздор разный болтать, да я вас, да будете знать! Еле я опомнился от страха. «А почему,—спрашиваю,—нельзя было говорить?»— «А потому,— объясняет,— что фигурку эту, как

свою фамильную редкость, верноподданнически поднес великому князю граф (такой-то), и милости за это получил. Зарубите себе на носу, что вы ошиблись, наврали, как хотите выкручивайтесь, а то вас граф из столицы вышлет». Пришел я домой без памяти и в лихорадке. Как вам это дело нравится? А?!.

АНТИКВАРИИ-ИКОННИКИ

Антикварии-иконники, пожалуй, особая каста среди собирателей и перепродавцов старинных вещей. Чаще всего занимались этой отраслью коммерции иконописцы и реставраторы религиозных предметов. Хорошо разбираясь в образцах иконописи, различая и по школам и эпохам, объезжали некоторые из них глухую провинцию, обычно поселения старообрядцев, выменивали и по дешевым ценам скупали «чки божии», т. е. иконы. При этом выбирали, конечно, только те, которые представляли определенную художественную или валютную

ценность. А ценились иконы, пережившие века, писанные по старому уставу, или «переводу», многоликие, сюжетные, т. е. сложные по композиции, и без заметных следов реставрации. Для новичка-коллекционера здесь был непочатый край всяческих заблуждений, ошибок, переоценок при покупке, а вместе с тем и учения. Это и служило привлекательной доходной статьей для менее щепетильных антиквариев. Распознавать ценную иконопись подчас было и для специалистов делом нелегким. Существовали к тому же целые артели профессионалов по выработке дубликатов, копий и подделок, писанных на старых досках, закопченных, хорошо покрытых темной олифой. Надо было обладать большим опытом, чтобы найти и иногда просто угадать подлинную послойность, т. е. наложенные один на другой слои красок, происходившие от стародавнего обычая поновлять икону, сдавать ее при потемнении для поправки мастеру. Такие поправки могли, ввиду оседавшей на живопись копоти от свечей и лампад, производиться не один раз в столетие. Например, на иконе хотя бы XIV столетия могли быть записи и XV, и XVI, и XVII вв., и даже современные. Этим хорошо пользовались фальсификаторы. На старой «чке», или доске, писали икону древнего образца, покрывали ее олифой, высушивали, подкапчивали, на этом слое делали второе изображение с такими же процедурами, на втором— третье и т. д. Когда икона была покрыта последним слоем темной олифы и хорошо выдержана в сухом помещении, делали в каком-нибудь месте расчистку, т. е. проскабливали до начального слоя настолько, чтобы был виден «древнейший» рисунок. В таком виде продавали ее коллекционеру с таинственным и дружеским сообщением:

— Иконочка, святой образок, изволите видеть, не позднее века пятнадцатого, да записана... Расчищать надобно... Получится первоклассная вещь для вашего собрания. Я уж чуть почистил, испробовал... Вон что там, внизу-то. И недорого.

Коллекционер попадался на удочку и не только приобретал новодел, но и поручал еще продавцу снять с нее послойность, довести до первоначального состояния. Надо было видеть, с какой тонкой и

хитрой угодливостью антикварий оперировал с порученной ему работой. Вскрыв один слой, он приносил икону заказчику на просмотр, говоря:

— Уж так хорошо, что жалко дальше чистить... Как скажете?

И раз за разом укреплял доверие клиента к покупке.

Насколько тонка была работа фальсификаторов, можно судить по случаю, рассказанному мне большим знатоком и специалистом иконописи Григорием Иосифовичем Чириковым.

— Купил я раз в Мстёре в сарае под грязью и копотью пять больших икон. Старые, насквозь их вижу, что не моложе четырнадцатого века, а привез в Москву, начал вскрывать — настоящая подделка. Так и смолчал... Стыдно было, что и меня накрыли...

Около книжного склада П. П. Шибанова и иконных магазинов Силиных на Никольской бродил, выжидая покупателей, выходивших от антиквариев, мстерский богомаз Мосолов. Человек этот бросался в глаза тем, что бородатое лицо его сохраняло всегда одно и то же улыбающееся, восторженное выражение. Получалось впечатление, что у него неисчерпаемый источник душевных радостей и энергии, которыми он может снабдить по сходной цене каждого желающего. Товара никакого при себе никогда не имел, а только разузнавал и записывал адреса, обещаясь зайти и занести требуемое на квартиру. Познакомившись таким образом, аккуратно приходил и начинал ежедневно носить всякую всячину, чаще всего древние предметы религиозного культа. Человек этот был агентом крупных, не имевших открытой торговли иконописных мастерских, и сбывал заведомые подделки.

Один из московских купцов начал коллекционировать древние иконы, причем по странной фантазии покупал их только с «мощевиками», т. е. с врезанными в дерево, застекленными частицами мощей. Через короткое время Мосолов наградил его целым собранием хорошо сделанных фальсификатов. Почти всех святых собрал этот меценат в свою коллекцию. Тогда конкуренты ловкого иконника начали подсмеиваться над покупателем и уверили

его в том, что он делается жертвой ловкого обмана. А для пробы и проверки порекомендовали ему заказать Мосолову мощи Ильи-пророка, взятого, по библейскому преданию, живым на небо. Так и сделал купец, затребовав от ничего не подозревавшего поставщика нетленные останки святого Ильи. Через неделю Мосолов принес не только икону с мощами, но даже с особой металлической коробочкой, в которой, по его словам и согласно ловко сделанной надписи, был запаян чудесно сохранившийся волос из бороды пророка. Вместо уплаты денег собиратель мощей вцепился в длинную рыжую бороду Мосолова и выдрал из нее несколько клочьев. Дело это перешло в суд, где, вызывая общий смех, ответчик оправдывался:

— Илья-пророк живым, по писанию, на небо взят, потому мощей его на земле обретаться никак не может. И сейчас на колеснице своей преподобный еще перед дождем разъезжает, а нечестивец в грех, соблазн да в искушение меня ввел...

Впрочем, дело это не единичное, бивали Мосолова покупатели и по разным другим поводам.

Очень любили антикварии-иконники устраиваться экспертами, оценщиками и советниками при каком-нибудь не особенно опытном денежном собирателе. Здесь было самое широкое поле для их деятельности. От третьих, подставных лиц продавали они этим собирателям новоделы или слабые по исполнению предметы, сами их ценили, когда было надо, подхваливали, для вида торговались с продавцом. Если же были предложения со стороны, то требовали себе от продающего негласную «хабару», или гонорар, в противном случае проваливали покупку — не советовали приобретать.

Очень любопытны были приемы таких антиквариев при личной покупке в среде старообрядцев или просто религиозно настроенных людей. Входил антикварий-иконник в сопровождении маклера — указчика адреса в помещение, быстрым движением срывал с головы шапку или картуз и начинал с внешним усердием, осеняя себя сложенным по старообрядческому уставу двуперстием, молиться на образа. Окончив моление, антикварий низко кланялся хозяевам и произносил:

— Я из Москвы, собираю для устройства моленной святые образа, по старому чину писанные. Для молитвы, для доброго дела греха нет продать, может, на чем и сладимся во имя божие...

Иногда уловка эта удавалась, иногда к собирателю на моление относились с подозрением, и антикварий уходил ни с чем. В последнем случае он запоминал адрес и подсылал вторично, спустя некоторое время, подручного человека.

Немало в быту антиквариев этой категории, равно как и у иных, самых разнообразных случаев и курьезов. Всех не опишешь и не перечислишь. Записать пришлось следующие острословицы и разговоры, несколько рисующие быт и иконников.

Не лоб, а кошель крестит...

Очки-то и всякому святому вотрет...

Сокол из Москвы налетел воробьев щипать...

Ты его спроси, как он Варвару-великомученицу на святого архангела Гавриила переписал. Крылья ей подшил, копьецо в руки дал, конька подвел... Только вышло нескладно, на рынок продал, не специалист — не иконник, а вывесочник!

Что ты олифу-то зря на святого налил, ровно масло на хлеб...

Это первый оператор по святой части!

Реставратор тоже... замыл мне Максима Грека и бородку ему не в бок, а на прямое причесал. Сам знаешь, что Максим-от Грек с широкой бородой, ровно полицмейстер...

Сам святой, товар — святой, наскрозь его, жулика, видать...

Нельзя на березовой чке старое писать, дай-подай сосну. Покупатель мой копчушку (т. е. новую, закопченную под старую икону) научился как признать. Очень я ему ими удружил.., Дачу можно из моего товара построить...

Ну благословил я его по-отечески! Новеньких попродал. Теперь надо что и получше дать. Почин есть, а далее сам на салазках пойдет, будет в петлю лезть. Можно дать семнадцатый, только не особливо из первых. Когда до шестнадцатого дойдем — и не видно, потянем...

Аминь ему!.. В хорошие руки попал... У него он теперь первый советчик!.. Экспект или эксперт, что ли? Да ничего, у этого музыканта денег много... Он ему со святыми упокой пропоет на тысячи — у него голос на деньги хороший...

Пророка Даниила я ему засватал, а он говорит: «Оставь до завтра — экспекту покажу». Экспект ко мне: «Сколько даешь?»

Я: «Двести...» — «Мало! Ведь Даниил-то с житием посередь в ковчежце, в углублении, а клейма кругом. Вещь семнадцатого века, Строгановская». Не сошлись... Так что думаешь? Разговорил покупателя. Вот он какой кот Иваныч, пиявица из поганой лужи, а в храм каждый праздник на Рогожскую едет. Его у нас зовут: «Гладкая лапка, а цапка...»

Он покупателя прохвощит (т. е. протрет травой хвощем, употребляемой для приглаживания иконописной доски до покрытия ее левкасом *), потом

пропишет, а сверху олифой смажет — и блестит до поры, пока не очухается да на большую деньгу не влипнет...

Ему поверить, что семь грехов замолить. Зачтется в дела добрые...

Был разбойник благоразумный, что спокаялся, а этот: и кается, и лается, и опять в разбой... Не доглядел я... с наводной трещиной (т. е. с искусственной кракелюрой, обычно делавшейся или путем царапанья острым ножом, или тонкой подрисовкой) мне Федоровскую (икону божьей матери) продал. Я ему говорю: «Новодельную мне продал!» А он: «У вас, я думал, коллекция новодельных, музей нового искусства!» Вот какой грешник! Чего грешник — разбойник, мошенник! Стыда перед грехом нет!

Очеса-то (глаза) подписаны, да в косину... Выходит — для святого неудобно — очки надобны...

Не брюки у святого, не драги (штаны, порты), а вовсе ничего; под плащом не видно, и ничего потому не пишется. В грех с тобой на слове войдешь...

Святой Христофор с головой песьей (св. Христофор изображается на иконах со звериной головой), а ты с лаем...

Святой Никита-скопец. Его в детстве облегчили, и не в грех ему. А тебя бы вот теперь, чтобы ме́не по вдовам бегал да по дешевке божье благословение (т. е. иконы) у них не скупал...

Он от мстерского (город, где проживают иконники-профессионалы) богомаза и сам пролаза. Гля-

ди за ним в четыре глаза... Опять из-под носа всю моленную скупил...

Помянешь Елисея Иваныча Силина — благородный был человек, а этот — чертов ухват — в аду из пламени головешки таскает и не обожжется...

По совести тебя просил: «Напиши мне святого Георгия на белом, беспременно на белом коне». А это что? Мышастая кобыла с чужого двора... Рази конь это? Со своей бабы, что ли, рисовал?

Илья-пророк на колеснице? А где огонь?.. Дым один... Что тебе краски, что ли, жаль?

Эх ты, реставратор! Клеевар копытный... Как хочешь, так и обижайся. Калоши тебе заливать, а не таким делом сурьезным заниматься! Голубицей (светло-синяя, голубая краски) заправил и контуры навел...

(Часть записей сделана в период 1909—1913 гг. в Москве от разных лиц.)

УЛИЧНЫЕ ТОРГОВЦЫ-ГОВОРУНЫ

По кафе московских бульваров ходили в старину продавцы из-под полы непристойной литературы и фотографий. В руках они носили для отвлечения внимания полиции какой-нибудь совершенно несоответствовавший настоящему виду товара предмет — ящичек с фокусом, проволочную головоломку, бумажные цветы и т. п. Наметив любителя, они, таинственно наклонясь к его уху, шептали:

— Первая лунная ночь новобрачных в пикантных парижских снимках. Сделайте вид, что поку-

паете у меня цветочек. «Поп» — трагедия. Сочинение Баркова «Лука М...щев».

Как она там ни вертелась,
Как ей только не хотелось...

Еще такие:

Дом двухэтажный занимая,
В Москве в былые дни жила
Вдова, купчиха молодая,—
Лицом румяна и бела...

Очень интересно и сногсшибательно! Знаменитое историческое произведение! Похождения купца в бане на Нижегородской ярмарке — шесть занимательных видов.

Купец Петров привез мерлушку,
Нашел на ярмарке здесь душку,
И вот как славно он гуляет,
Своей супруге изменяет...
А душка эта все виляет,
Его деньжонки огребает...

Стихи написаны на особой бумажке. Дайте адрес, можем принести товар на дом. Негритянские мальчики и бабушки. Просвечивающие игральные карты. Коробочка с выскакивающим изображением... Есть скучающие девочки в пансионе и надзирательница. Как гусар собирался воевать, стал из баб войско набирать. Отчего родятся рыжие—люди бесстыжие. Преступление апашей на Парижском бульваре — из двух мужчин и красивой женщины.

Позитивистка молодая
Пришла к художнику в салон
И, стыд девичий презирая,
Остановила взор на нем...

Полная сцена раздевания... «Горе от ума» Грибоедова с картинками. Купите, устраиваю полную распродажу и еду в Париж за новыми сюжетами.

Если приобретатель решался на покупку, ему осторожно передавалась коллекция непристойных карточек, сам же продавец отходил в сторону и наблюдал за его действиями издали. После выбора торговался, получал деньги и поспешно шел дальше. Но любителей непристойной литературы, ценившейся довольно дорого, ожидало разочарование. Вместо показанной книжки действительно порно-

графического содержания после расчета ему подсовывали, при совете «скорее убрать, чтобы никто не видел», в похожей обложке другую. Придя домой, вместо Баркова такой любитель, выбросивший на покупку несколько рублей, разочарованный, находил в кармане или «Сказки Андерсена», или какой-нибудь «Самоучитель бальных танцев». Существовали целые артели по сбыту товара такого сорта, специальные ателье и коммивояжеры.

Приходилось мне встречать интересных продавцов табачных изделий с приговором.

Папиросы, табак и гильзы с турецкой девицей, в супружеском деле большой баловницей. Сама курит и людей солидных на то мутит. У султана турецкого триста жен, от них один гомон: одной покурить дай, другую изюмом накорми, а десяток с собой спать положи. Смирно не лежат, брыкаются, бесстыдством похваляются. Послал их султан за это к нам в Москву гулять и папиросы набивать. Папиросы, табак и т. д.

(Записано в 1911 г. в Москве от неизвестного.)

Записал я еще на рынке в Москве в 1917 г. следующие разговоры с острословием отказавшихся назвать себя торговцев махоркой и золочеными грецкими орехами.

Первый говорил:

— Махорочка, табак деревенский — сорока двух сортов и натуральных видо́в! Растет листом в Луганске для трубки цыганской, а для добрых человеков — путаная крошка, курится в «собачьей ножке». Заменяет сигары гаванские и лучшие табаки испанские. Был сорт «Богдан Хмельницкий» («Богдан Хмельницкий», «Кобзарь», «Золотая рыбка» и прочие названия различных сортов и марок махорки) и «Кобзарь» — теперь-с вроссыпь их пустили на базар. «Золотая» и «Чудо-рыбка» — ныряет, где неглыбко. Была в одной цене, теперь подорожала. «Наталка-Полтавка» — самая душистая-с травка и крепкая, и вкус в ней — костромскому разводу не сдаст. Прошу подходить и, кто не верит, пробовать! Откуда мы все это знаем? Сам я правский, старый разводчик-табачник, сын тоже теперь по этой части. «Дрезина» и «Казак» — кури их с сыта и натощак! Кременчугский «Самокат» можно курить да-

вать напрокат и деньги заработать, даже в череду стоять желающие станут. Нате бумажку — сверните на пробу... Сам я? Сам не курю, только пробую и то считаю вредным. Нюхательная? Нюхательная тоже есть. «Палаптирикс» — птица о двух головах, на коротких ногах, в свое время две копейки стоила. С одной головой птица — четыре копейки. Была днепровская нюхательная, для военных брали. С рисуночком специальным: офицер солдат вежливо учит... «Рыцарь» еще да «Прогресс» из Ливн-Домогадского. Шестьдесят семь лет, а память у меня какая! Еще какие назвать? «Сестрица» — очищенная жилка, крепкий, взатяжку не продохнешь, пятками вперед домой пойдешь и двери к себе не найдешь! «Нюхач» — нюхай да плачь. Спички? Спички есть, господин, вятские с петухом и еще бывшие Лапшина, у которого лопнула шина. Получите! Две копеечки сдачи... А вот махорка-мухобой, самая крепкая! Один курит, а семь наземь в обморок падают. Махорочка — табак деревенский, сорока двух сортов и натуральных видо́в. Растет листом в Луганске для трубки цыганской, а для добрых человеков — путаная крошка, курится в «собачьей ножке». Заменяет сигары гаванские и лучшие табаки испанские...

Стоявший в Охотном ряду в 1913 г. старик — торговец золочеными орехами произносил:

— Натуральные золоченые грецкие орехи — взрослым для богатства, детям для потехи. Прошу свериться — пятьдесят шестой пробы червонного золота, вышли из-под кузнецкого молота, ковали три кузнеца в два конца. Один — ударит, другой — прибавит, а я собирал и деньги наживал. Три копейки штука, пятачок пара! Возьмите дюжину, еще выгоднее — за тридцать копеек. Натуральные золоченые грецкие орехи...

На мой вопрос об имени и фамилии торговца я получил ответ:

— Иван Попов — крупный человек. Ездит по летам в Крым из воздуха делать дым. Ест все, что попадется, у него ничего не сорвется. Имеет лысину и плешь, комар с мухой тебя съешь!

Из разных уездов приезжали в Нижний Новгород в известное время года торговцы вареными раками. Выкрик их был напевного характера:

— Раки-рачицы из проточной водицы! Раки, раки, раки! Кру-у-пные раки! Варе-е-ные раки! Рачиц с икрой наберем! Раки, кому раки, кому рыба надоелась и говядина приелась? Раки, раки, раки!

(Записано в 1906 г. на Нижегородской ярмарке от неизвестного старика разносчика.)

В местах большого уличного движения появлялись часто большие хитрецы, разносчики, продававшие ковры. На плече такого коммерсанта висели... обрезки старых, вытертых паласов, тщательно подкрашенных, вычищенных от обильной моли и выровненных по краям ножом. Продавали они их путем ловкого обмана, носившего характер психологического воздействия, по тройным, если не по пятерным, ценам. Занимались этой специальностью преимущественно пензенские татары. Наметив жертву, чаще всего проходившего с женщиной мужчину, хватали его за рукав и произносили:

— Купи настоящие персидские, тегеранские ковры для барыни. Первый сорт ковер! Дешево продаю!

Задержанный, не думая о покупке, осведомлялся о цене. На это следовали объяснения:

— Тридцать рублей прошу. Хороший товар! Куда бежишь, куда спешишь, чего не смотришь? Денег нет, а цену спрашиваешь? Тебе бы за пятнадцать... Ишь какой будешь! Сам кособокий, а барыню какую красивую брал!

От неожиданной реплики покупатель шагал быстрее дальше, но продавец шел за ним по пятам и не унимался:

— Давай двадцать семь! Двадцать шесть давай! За четвертную!.. Эх, пустой карман, скупая душа, дармоед, а не покупатель! И двадцать два не дашь? И двадцать нет?

Чтобы укрыться от неожиданного дерзкого приставания, оскорбляемый, по наивности, оборачивался и называл какую-нибудь цену. Начинался финал комедии:

— Такая голова, а заработать деньги мала! Я думал, на барина попал? Десять даешь! Ну давай двадцать! Нет ахча? Семнадцать нет? И пятнадцать нет? Ну, на за твою цену — последний остаток, поминай меня, доброго человека!

На руку прохожего в один момент перебрасывались все ковры, и продавец, принимая выжидательную позу, вынимал кошелек, как бы готовясь дать сдачу. Ничего не оставалось, как заплатить, выслушать новые дерзости или, затеяв историю, вести нахала в участок для составления протокола. Шли часто, сохраняя время, на первое. Выбрасывали деньги и, делая довольное лицо, шли домой с приобретением, стоившим всего несколько рублей.

Существовали для такого сбыта неофициальные компании маклаков, скупавшие ковровые лоскуты, перекрашивавшие, подновлявшие их и из больших вырезывавшие небольшие, наиболее уцелевшие куски. Такой товар имел специальные склады и десятки сбытчиков.

(«Ахча» — по-татарски деньги. Записано без точного сохранения неправильностей выговора в Москве в 1910 г. от неизвестного торговца коврами.)

Уличных стекольщиков почему-то всегда считали за больших проказников. Молва приписывала им особые проделки, практиковавшиеся на окраинах городов. В темную осеннюю ночь, чтобы поднять спрос на себя, посылали будто бы стекольщики какого-нибудь ловкача-приятеля пройти по улице и выбить ногой или камнем побольше стекол в рамах маленьких домишек. Утром, чуть свет, появлялись на место происшествия с «деревянным портфелем» сами инициаторы этого дела и как ни в чем не бывало начинали выкрикивать: «Стё-ё-ё-кла вставлять!» Стараясь спастись от холодного ветра, а иногда и дождя, обыватели спешили зазвать его к себе и втридорога использовать его работу. Достоверность сведений остается на совести рассказчиков.

Были еще такие выкрики стекольщиков:

Стекло, стекло вставляем! На божий свет поглядеть даем!

Стекло, стекло, стекольщик приехал! Кому вставить, кому выставить, кому волоконце выправить!

Вставлять стекла! Стекла вмазать! Бабы — за тряпки, мужики — за кошельки!

А я стекольщик! Кому — давай, давай! Зимнюю раму со шпаклевкой... Ай, давай, давай! Стекла, стекла, стекла!

Стекольщик-резчик, малярка-подгонщик стекла вставляет!

С настоящими бемками для витрин и окон... Стекла вставим! Стекла вставим! Стекольщик, стекольщик, стекольщик!

(Записано в 1906—1913 гг. от неизвестных стекольщиков в Москве, Владимире, Васильсурске, Нижнем Новгороде.)

На Дорогомиловском рынке Москвы в 1910 г. сидел около на удивление безграмотной декорации, намалеванной любителем живописи, фотограф, упрямо отказавшийся назвать себя. Декорация изображала дом с колоннами и высоким крыльцом, украшенным фигурами львов странной породы. Вдали был парк из тропических пальм и кипарисов, на которых сидели аисты. На небе, занимая четверть фона, красовалась луна, около которой летел воздушный шар с флагами. К декорации, несмотря на отсутствие реки или пруда, приставлялась еще лодка с веслами, в которой могли увековечить себя все желающие. Для любителей поэзии имелась разбитая гитара, которая на фото превращала снимающегося в певца. Приглашая клиентов, старичок-фотограф говорил:

— Художник-фотограф, имеющий парижскую практику. Могу снять как угодно, в какой желаете позе, мгновенно художественно исполненный портрет вашим симпатиям. В лодке на фоне замка горной Шотландии, с сопровождением пения... Если женитесь, это вам необходимо для воспоминаний супруги — в раме на стене. Замок окарауливают каменные львы; чтобы зайти в него, требовалось заклятие. Группой сняться интереснее. Приводите снять все семейство. Возьмете в руку гитару, слегка откроете рот и переделываетесь певцом прекрасной шотландской природы.

Давно готова лодка.
Давно я жду тебя,

Приди, моя красотка,
Приди, мое дитя!

Изумительная красота! Поразите всех, кого желаете. Работаю на лучшей бумаге... Цены при-фи!

(«При-фи» было обращено, как я слышал, рыночными завсегдатаями в прозвище фотографа с «парижской школой».)

На толкучих рынках Москвы и других городов существовали многочисленные мелкие торговцы типа ликвидированного «вербного базара», которые, сбывая свой товар, говорили обычно с прибаутками, произносили приговоры. Часть их каламбуров и зазывов мне удалось записать для сборника.

Продавец бумажных детских дудочек, состоявших из свернутой полосы картона, склеенного с двух сторон пергаментной бумагой, с отверстиями для вдувания воздуха и прилаживания, приговаривал во время продажи предметов своего изделия:

— Приехал из Америки на зеленом венике, веник отрепался, а я здесь, на Сухаревке, остался. Спешите, торопитесь купить необходимую вещь по хозяйству!

Продавец конфет, завернутых в цветную бумагу с бахромой и украшенных изображением лубочного портрета экзотической красавицы, произносил скороговоркой:

— Сергей добрый приехал... Только так, только задаром, каждая конфетина заменяет десять фунтов сахарного песку! Как куснешь, так уснешь, как вскочишь, так опять захочешь. Подходи бедный, подходи богатый, подходи тонкий, подходи пузатый, подходи слепой, подходи горбатый, всем так раздаю, задаром!

Наиболее ловкие продавцы этого бесценного товара старались создать азартную конкуренцию. Они брали конфеты, украшенные, как сказано, своеобразными портретами красавиц, быстро, технически совершенным приемом переворачивали их и предлагали за пятнадцать копеек угадать положение фигуры. Если согласившийся на это покупатель тыкал пальцем в то место, где помещалась верхняя часть головы, то получал за внесенную вперед плату копеечную конфету, если же попадал в нижнюю часть, то проигрывал и лишался и пятнадцати копеек, и

предмета покупки. Нечего говорить, что для употребления в пищу эти лакомства были совершенно не пригодны. Состояли они из картофельной муки и краски, смешанных с духовитой эссенцией. Продавец-«метальщик» при этом приговаривал:

— Как «юбку» заворотил — пятиалтынный заплатил! Пожалуйте, пожалуйте, распродается гарем турецкого султана. Мадамы без всякого изъяна!

«Юбкой» именовалась часть бумажной обертки с бахромой.

Продавались картонные трубочки, внутри которых были вставлены зеркала; при вращении создавалось в маленьком отверстии впечатление, что движутся цветные геометрические фигуры. Продавцы выкрикивали:

— Детская панорамка-калейдоскоп, десять тысяч разных видов: птички, букашки, зверьки, таракашки... Не надо детей в театр водить, надо панораму купить!

Распространитель стеклянных баночек, в которых, под давлением натянутой на отверстие резины, двигался сверху вниз морской чертик, быстро произносил:

— Морской житель землю роет, себе могилу готовит. Жил у кухарки Анфиски тридцать три года, под постелью, без прописки!

Торговец тещиным языком, т. е. длинным бумажным плоским футляром, с писком развертывавшимся на пружине при вдувании воздуха и имевшим на конце цветное перышко, солидно говорил:

— Теща околела, язык продать велела!

Владелец предприятия по сбыту прыгающей лягушки из папье-маше почти в напев протягивал:

— Чудо двадцатого века, картонная лягушка прыгает на живого человека!

Сбытчик китайской игрушки, изображавшей обезьяну (в шкуре из кроличьего меха), державшую за руку свою дочку, без умолку повторял:

— Обезьяна Фока танцует без отдыха и срока, она вышла на Тверскую погулять и учит свою дочку танцевать!

Фока находилась в непрерывном движении от длинной прикрепленной к руке говорившего нитки

и делала благодаря витым проволочным ножкам комические движения.

Существовали и варианты этого приговора, которые мне записать не пришлось.

Продавец дешевых лубочных книжек, очень громким голосом обращая на себя внимание прохожих, почти пел:

— Великое божие наказание! Как брат с сестрой обвенчались, как сын у отца оторвал я..., листок, свисток, кресток, книжка, манишка и от бабы самоварная шишка, да полфунта жареной колбасы. И все за двадцать копеек!

Товар книжника состоял, конечно, из самых дешевых изданий, ничего общего с присваивавшимися им заглавиями и предметами не имевших. Брали его нарасхват, доверяясь только убедительному приговору. Да и некогда было разбираться — слишком быстро около такой раскладки вырастала толпа любителей дешевой, небывалой редкости. Раньше продажа по этому приговору часто приурочивалась к совершению торжественных крестных ходов, собиравших многолюдье. Расчет торговли во время религиозной процессии, вероятно, основывался на психологическом эффекте — поразить верующих, набожных людей сообщением о невероятном греховном происшествии. Безграмотные, не умевшие иногда разбираться даже в азбучных складах люди накупали по повышенным ценам всякие лубочные брошюры, в которых тщетно, через знакомых грамотеев, искали содержания, объявленного выкриками продавца. Думая, что произошла ошибка, делали порой и вторичную покупку. Наивность и доверие содействовали таким путем материальным успехам такого книжника, или, как его также называли, славильщика.

Бывали на городских улицах и такие выкрики:

— Смех без конца! Сто юмористических рассказов писателя Тургенева за один пятачок!

Тысяча и одна ночь, с подробным описанием множества пикантных любовных похождений!

Сочинения знаменитого баснописца Баркова * в стихах, с точным изображением всех событий его жизни! Полная поэма о Луке.

Что делает жена, когда мужа дома нет...

Полный самоучитель салонных и бальных танцев! Руководство для любителей весело и полезно проводить свое время...

Устал кричать, покупайте так!

Библиотека новейших занимательных повестей и рассказов: «Тарас Бульба» — сочинение Гоголя, «Юрий Милославский» — Загоскина, сборник стихотворений Александра Сергеевича Пушкина, «Полная поваренная книга» — Молоховец! Тысяча вегетарианских и постных блюд, советы молодым хозяйкам! Полный самоновейший сонник для угадывания всех снов и сновидений! «Основы хиромантии и френологии, гадание и предсказание судьбы по линиям рук», «Карточные пасьянсы», «Самоучитель хорошего тона» — как прилично вести себя в обществе молодым людям всякого возраста и обратить внимание прекрасного пола!

Новейший деловой и любовный письмовник, содержащий всю коммерческую и торговую корреспонденцию!

Последние новости дня, «Вечернее время»... Хроника: Негус абиссинский купил апельсин мессинский, зонтик от дождика, два перочинных ножика! Португалия готовится к войне, Япония в дыме и огне! Как в Африке пушками сражаются с лягушками, как земля кружится, как кто с кем дружится, как шах персидский шел по улице Мясницкой. Как и почему у Фердинанда нос длинный прирос!

Сбытчик дешевых проволочных головоломок, быстро вертя их в руках и демонстрируя, монотонно твердил:

— Настоящая китайская головоломка: снять кольцо с семи петель, развести факирский крючок. Делается легко и просто — секрет за пятачок, прибор с секретом за пятиалтынный. Совершеннейший аппарат, заменяет взрослым урок арифметики, детям — полезную игрушку. Раз, два, прошу смотреть, при счете «три» мозги переворачиваются сзаду наперед. Море (показывались пустые, повернутые вверх ладони), корабль (обе руки складывались наподобие одной пригоршни), пушки (показывались кулаки с вытянутыми вперед указательными пальцами), детские игрушки (показывались публике два кукиша). Сюрприз для тех, кто посмотреть любит, а без покупки к жене домой идет! Настоящая китайская головоломка: снять кольцо с петли, человека спасти от смерти, тещу вокруг пальца обвести и радость в семье завести. Помереть теща не померла, а время чудно провела! Можно получить наследство, не имея богатого родственника. Прошу купить и вспомнить, завтра подниму цены, придется пальто в ломбард закладать! Дешевая чудесная распродажа магических аппаратов из стальной полированной проволоки! Тайны мудрецов и кудесников, изобретение китайского пророка Чай-чи-ши — пять раз в затылке почеши. Показан самому китайскому принцу. Разводные кольца с пирамидой от Калиостро * делаются весьма просто. Раз, два, три — в голове туман, сырость, дым, рук ловкость и обман. Ничего не видно, кто хочет разбогатеть — платит за две штуки, со скидкой, четвертак и т. д.

(В записи зазыва, ввиду быстроты его произнесения, имеются пропуски.)

Небьющееся, неломающееся вечное стекло на сто лет — с ручательством: раз... раз... и раз!

Каждый желающий убеждается в его необычайной прочности. Очень удобно для сердитых тещ и жен: мужья страдают, когда им стаканы в лоб попадают, а в хозяйстве экономия и нет убытка. Тетенька, купите для дома!.. Не бьется, не ломается, порче

никакой не подвергается... Сорок копеек за штуку!

(Записано в 1916 г. в Москве от неизвестного уличного продавца «вечных» стаканов, стоявшего возле Ильинских ворот.)

На деревянном ящике положена железная головка лопаты. Вокруг нее множество обыкновенных стаканов. Ражий детина-продавец по очереди берет каждый из них и изо всей силы бьет по железу. И — чудо! Стаканы остаются целыми и невредимыми. В толпе говорят, что они закалены особым способом, составляющим секрет сбытчика, и лопаются только при наливании в них горячей жидкости. Продажа, под зазыв и смех слушателей, идет бойко.

Зазыв приходилось слышать и с вариантами. Начинался вариант так:

— Африка, Америка, Италия и много далее требуют от изобретателя небьющейся и неломающейся посуды открытия секрета, содержащегося в большой тайне. Прошу покупать для экономического потребления и полного удовольствия.

(Отрывок зазыва, записанный в 1915 г. в Москве от неизвестного продавца «вечных» стаканов на Сухаревской площади.)

Во время дневных уличных гуляний вам иногда загораживал путь какой-нибудь взлохмаченный субъект, имевший при себе две-три окленных печатными лубочными рисунками и надписями коробки и энергично, раскрывая их перед самым вашим носом, повторял:

— Большой набор детских фокусов всех видов! Умственное развитие для ребенка с малых лет... Волшебные шнурки, через которые проскакивают три шарика, не причиняя никому вреда. Точеная рюмочка с цветным шариком, исчезающим по магической палочке. Деревянные тиски, сквозь которые продергивается в обе стороны разрезанный пополам шнур... Шило, которым безболезненно можно проколоть себе нос, щеки и палец... Волшебный футляр, в котором исчезает на глазах у всех монета... Полный набор за восемьдесят копеек, уложен в прекрасный художественный ящик. Подробное наставление и открытие секретов прилагается в напечатанном виде. Громадный интерес и неожиданные иллюзии, удивляющие взрослых. Все аппараты являются

точной копией с аппаратов Пинетти. Для взрослого интересанта имею человека-мечтателя с патронами, который, по желанию владельца, ведет себя, как на дворе, при дамах. Патрон зажигается от папиросы. Все поражаются неожиданностью рискованного зрелища! Безудержный смех и веселие большого общества собравшихся гостей! Фигура человека-мечтателя из олова прочная, для многих сеансов.

Иван Иваныч в гости ходил и очень свой желудок пирогами утрудил. И вот отправился себя освободить и мечтой увлекся, как далее быть. Человек-мечтатель, даровых пирогов уплетатель, акцизный прихлебатель! Купите, ваше благородие, господин... Стоимость — сорок копеек!

(Записано в 1905 г. в Казани от неизвестного бульварного торговца.)

«Пышечник», нося на жирном открытом лотке обильно осыпанные уличной пылью и толченым сахаром шматки вареного в сале теста, восклицал:

— Пышки, пышки, подходите, ребятишки, подтяните штанишки!

Путешествующие по рынку с киоском для лотереи, т. е. с небольшим наличником, содержавшим ювелирную мелочь, говорили:

— Счастье на мосту с чашкой, копейку кладут — пятачок берут! Спешите нажить капитал!

Пряничники старались оглушить одной и той же фразой, повторявшейся многократно со скоростью пулеметных выстрелов:

— Пéки, пéки — по копейке, а пара пятачок!

Конфетчики из Вышнего Волочка непрерывно твердили:

— Я из Вышнего Волочка... наш Вышний Волочек стоит пятачок, подходи ученый и дурачок!

Они же иногда разнообразили:

— Тетка Алена отказала тридцать три миллиона, не велела их сберегать, а велела разыграть! Кто желает участвовать в счастливой лотерее на конфеты, прошу заплатить пятиалтынный!

Приютившийся среди рыночных торговцев дешевый мелочной шулер, обыгрывавший на перевернутом вверх дном ящике случайных партнеров в «три карты», чтобы отвлечь внимание наблюдающих за ним, перебрасывая колоду и приглашая простаков «испытать счастье», произносил скороговоркой:

— Шла барыня с кавалером, сделала шик-мык, никому не говори, старик, что обманываю — на водку дам. Прошу испытать — меня начисто обыграть!

Для вида такие картежники, как их обычно называли, раскладывали какой-нибудь товар самого дешевого качества и при появлении административного надзора изображали мелких рыночных барышников.

Записаны мной от лиц той же специальности еще следующие разговоры:

— Прошу считать до трех... Раз, два, три... Старшая карта бьет младшую... Дама... десятка треф, шестерка бубен... У вас, если бы играли, был, видите, король бубен. Я должен был проиграть! Хотите поставить, счастье испытать? Или ваша, или моя! Сколько ставите! Полтинник? Примазывайте гривенник! Вот так! Мечу!.. Иду робберсом! Восьмерка пик.., дама пик... валет червей... У вас восьмерка червей... На этот раз проиграли. Повторить? Можно... Не толпитесь, кто не участвует. Удвойте мазу!.. Прекрасно!.. Так... Опять моя, у вас трефовая дама, а мой туз... Надо было в первый раз играть вам на большую. Такое уж мне счастье, вчера я все последнее проиграл. Отказываетесь еще? У кого нет азарта, к тому не идет карта! Левая дорога, правая сторона, дама с валетом. Не ходит одна, а с кавалером, будто честные супруги. А у супруги имеются многие други... Видите еще валет ластится. Вот сейчас бы вы опять выиграли. Фик-фок — и на правый бок! Кто в карты не играет, тот зря жизнь проживает! Надумаете еще сыграть? Если нет, дайте место тому господину. Раз... два... Дайте дорогу, опять околоточный идет за пятеркой. На другой угол бульвара приходите! Экий жаднущий околодырь — плати да плати, а делов нет!

(«Робберс» — риск. «Иду робберсом» — очень рискую.)

Жил король с дамой во дворце на самом конце, состоял при доме валет — лефортовский кадет. Восьмерка с десяткой на них насплетничали, а семерка с шестеркой королю донесли. Пошла канитель — любовная постель, валета за волосы, даму за косы. Случился конфуз, и все дело прикрыл козырный туз. Карты в колоду тасоваться, а банку по рукам рассоваться. Заметываю! Кто ставит? Перстенек ваш вместо денег — в трех рублях...

Дама треф — прелестница Матильда Ивановна, дама червей — Анна Поликарповна, дама пик — брюнетка Авдотья Марковна, а дама бубен — всем другим дала звон. Идут короли, каждый себе супругу выбирает и козырным манером кроет. А валеты, на пики надеты, глядят из угла, куда чья карта полегла. Открываю и мечу банк всем желающим с пятиалтынного!

Не жулики мы и не плуты, а карточные банкруты! Сами проиграем и других спута́ем. Играем на петлю и ремешок и на три счастливые карты!

В петлю пальцем попадешь — деньги наживешь, мимо — никому не диво. Рискуй, спеши, счастья не упусти!

Игра самая простая — сдаю вам три карты, себе беру одну. Старшая кроет младшую. Покроете тремя мою — ваш банк! Рискую, безику́ю одной на три. Вот так: ваша дама треф мою девятку трефей кроет. Была бы ваша! Еще раз: опять вы взяли королем шестерку пиковую. Давайте с пятачка. Даю! Ваша! Десяткой восьмерку убили... Удвойте! Опять ваша, черт побери. Тридцать в банке! Взяла! Полтину еще, тьфу ты, пропащая! Ваша! Дама червовая против шестерки. Вчера все с себя проиграл одному. Рискую на пять рублей! Последняя пятерка! Возьмите кого на вязку. Один желаете? Ах, мать честная, стасовать хорошенько... Руки трясутся, я нервный человек. Взяли карту? Бью тузом вашу семерку! Наконец-то и мне фартит! На красненькую, на десять руб-

лей? Ну, шиш-мари́шь, никому не говоришь, во все глаза глядишь — ничего не видишь. Не иду, а еду с последнего. Лахман, лах — твои дела швах! Семь раз круг на пять подруг, прошел, проехал — никого не задел, когда в трубу полетел! Деньги кладите на средину, при свидетелях. Идет все равно на пролет, попаду в переплет, когда не прозеваешь — выгодно сыграешь. Моя дама червовая, ваша шестерка. И мне счастье! Плутовство? Какое, сударь? Будете осторожнее выражаться, кругом все видели. Карты — счастье! При вас тасовал, при вас сдавал. Карты правительственные, не своей фабрики. Вы обыграть меня пришли, а не время по-честному провести на риск. Вы специально в таком деле занимаетесь? Таких, как вы, вентиляторами называют... Шалишь-мамонишь, на грех наводишь! Можете не то что приставу, а митрополиту жаловаться. Ходите, гуляйте дальше, звезды считайте, воробьев не пропускайте, а ворону увидите — за курицу не примите! Ха-ха-ха!.. Курица да ворона — сходственные меж собой, пернатое царство. Шуры́га-муры́га, хлеба коврига, а я... (пропуск в записи ввиду быстроты произносимых слов). Погуляйте, ветерком вас продует, и опять придете счастье пытать, кто еще со мной играет? С деньгами теперь, можете по миру меня пустить или в трактире угостить! За что купил — за то и продал... А вы, сударь в шляпе, только в книжку пишете, а не играете. С вас после угощение!

(«Безиковать» — рисковать в игре. «Вязка» — денежная компания, соглашение, секретное условие.)

Три вороны, три галки играли в три палки. Даю три карты и даю деньги или беру из банка. Чем банк солидней, тем выгодней, ку́пите дом и заведете ланду. Села ворона на березу и навалила два воза навозу, а галки для того летали на свалку. Вежливая птица, где не позволительно, не навалит. Заметываю. Прошу расступиться и не мешать любознательностью желающим успеха и счастливой судьбы!

(Записано в 1905—1909 гг. на бульварах, скверах Москвы, на Нижегородской ярмарке от неизвестных уличных «метальщиков» — карточных шулеров.)

Сновавший повсюду в городской рыночной толпе торговец лимонадом-газесом солидно оповещал:

— Мед-лимонад газес, от него черт на крышу залез! Копейка большой стакан! Поспешите приобрести редкое питьецо — заморское варевцо!

Носившие на голове вразнос фрукты изредка произносили:

— Сливы двадцать за фунт — без подначки! У Акули — дули, пятачок за пару. Яблочки ранет, у кого своих нет!

Продавцы стеклянных мундштуков острили:

— Мундштучок-сигара, как у старого цыгана, на вот — нагнись да затянись!

Продавец лаптей, поворачивая свою ногу, обутую в лапоть же, и показывая на худую пятку, деловито обращался к вам:

— Американские баретки в двадцать четыре клетки. Как ни шагнешь, так двадцать одно. Как ни ступишь, так бубны козыри!

«Фабрикант счастья», т. е. бумажных трубочек с «планетным предсказанием» и с надетым поверх медным колечком, удивлял быстротой говора:

— Это кольцо от жару, от пожару, от чахотки, от чесотки, от работы, от заботы и от болезни и чтобы черти в тебя не лезли!

(Записано в период 1909—1915 гг. на московских рынках.)

Продавец мышеловок расхваливал свой товар:

— Не надо ни дров, ни печки, можно обойтись с огарком обыкновенной свечки. Универсальная мышеловка и крысоловка! Правым пальцем правой руки заводится пружина, задевается за крючок — и готова убийственная машина. На крючок надевается корочка хлеба и поджаривается на пламени обыкновенной свечки, получается приятная, аппетитная лакомая приманка для животного, которое не может более кусаться, а должно попадаться. Универсальное изобретение одного заграничного профессора, подарившего его на пользу человечеству! Изобретателю ставится памятник в Москве, на песчаной косе, возле Устьинского моста, где разводят утят и где бабы топят котят, да где зять тещу хотел на дно с камнем на шее опустить, а она выплыла, поднырнула, его за бороду рванула! Всего десять копеек — время не теряйте, скорей покупайте, допродаю остаток из Кокоревского склада!

(Записано в 1909 г. в Москве от уличного торговца мышеловками, назвавшего себя Васильевым.)

Продавцы «кислых щей» * приставали:

— Кислых щей — в утробу влей. Заплати копейку, садись на линейку и на отцовом катере поезжай к матери!

(Записано в 1906 г. в Арзамасе Нижегородской губернии на рынке от неизвестного квасника.)

Лотерейщик, т. е. продавец билетов на выигрыш мелких дешевых вещиц, разложенных в наличнике, уверял:

— Я приехал к вам заработать немного: детишкам на молочишко, жене на платьишко, а хозяину на винишко — горло промочить!

У продавца «универсальных скребков» для капусты, «фигурных» ножей для картофеля, точильных машинок и прочего было особое словесное умение заинтересовать товаром:

— Наши хозяйки три часа на кухне толкаются, а потом пять часов с мужем ругаются, отчего обед не готов. Купите заграничного изобретения нож для шинкования капусты и перестаньте быть грустны! Дела ваши домашние наладятся, и все хозяйки перестанут лаяться. Прошу внимания! Раз, два — капуста готова для питательного супа, сюда же берете картофель... Шелуха отпадает сама по себе. В кухонном деле улучшение, а по службе за это повышение!

Во время этого разговора продавец неустанно демонстрировал свой товар, кромсая горы различных овощей и красиво разбрасывая их по лотку.

(Записано в 1912 г. от неизвестного торговца в Москве на Сухаревском рынке.)

Интересен был еще звонкий выкрик продавца «средства от паразитов»:

— Клопы подыхают, блохи умирают, моль улетает, тараканы опасаются, мухи промеж себя кусаются. Теща спит спокойно, и вы с супругой живете вольно... Единственная натуральная жидкость, верное средство, купите больше и семейству еще откажите в наследство!

(Записано в 1906 г. в Москве от неизвестного.)

По Москве ходили продавцы игрушки — металлической фигурки человечка, которая «росла», покры-

ваясь особой окисью, в налитой водою бутылке. От них я слышал:

— Настоящий человечек в бутылке! Вырастает на глазах без всякого стыда. Берете металлическую фигурку, всовываете в бутылку, наливаете обыкновенной водой и даете наблюдать детям. Вызывает у всех восторг! Интересное научное зрелище!

(Записано в 1912 г. в Москве от неизвестного.)

На московской Трубной площади по базарным дням сидел продавец навозных червей, подлистников и выползков для любителей рыбной ловли, который следующим острословным разговором восхвалял свой товар:

— Красные, огневые, навозные жирные черви! Для лещей, окуней, карасей, язей, головлей и плотвы. Жирные, выкормленные для господ любителей, политые молоком и выдержанные на глине. Самые свежие насекомые! Простоят в банке год и не испортятся. Хочешь — рыбу лови, хочешь — в пироги клади, хочешь — в зиму посоли! Цена десять копеек большой порции, пять копеек кучка для одного раза. Выползки замечательные — не мятые, не горелые, не прелые, порционные, как в трактире. Возьми эту приманку и злой жене сделай из нее селянку. Съест, вовсе сбесится — на собачий двор отведешь, избавишься от домашнего безобразия. Могу выпить, от вашего усердия, шкалик и закусить живым выползком!

Курьезный продавец проделывал при произнесении приговора отвратительные манипуляции: клал червей на губу и давал им оттуда выползать. Окружавшие или плевались, или охотно покупали.

(Записано в 1909 г. на московской Трубной площади от неизвестного.)

В Москве существовала фирма «А. Ф. Алалыкин с С-ми», славившаяся исключительной прочности носками из двойной нитки. Носились эти носки без штопки едва ли не более года и раскупались экономным купечеством и мелочно-расчетливым мещанством. Острословица уличного торговца ставит их в пример высокой доброкачественности товара.

— Не товар, а красота — выше алалыкинского не прыгает, а ниже не стоит. Для людей экономных, что пять пар прогонных!

(Записано в 1910 г. в Москве от неизвестного уличного торговца носками и чулками.)

Характерно еще следующее разнотипное торговое острословие.

Острословный выкрик продавца спичек:

— Настоящие серные спички! Пять минут шипения, потом горение, сначала вонь, потом огонь!

(Записано в 1916 г. в Москве от неизвестного уличного торговца.)

Острословный выкрик продавца планов Москвы:

— Новый план Москвы! Все улицы, все переулки, все закоулки, все повороты, все завороты, все ходы, все тропы, все блохи, тараканы и клопы! Только двадцать копеек, необходимо иметь на стене, чтобы мухам не заблудиться!

(Записано в 1913 г. в Москве от неизвестного уличного продавца.)

Острословные выкрики уличных продавцов папирос:

— Папиросы «Зеир» потрясли весь мир!

(Записано в 1923 г. в Москве от неизвестного.)

— Папиросы «Эра» продаем до первого милиционера!

(Записано в 1923 г. в Москве от неизвестного продавца папирос поштучно.)

Иногда не только бродячие торговцы слагали приговоры, но по их адресу любила острить толпа. Вот, например, как говорили крестьяне про универсальный товар офени:

— У нашего Якова товара всякого: шпильки, булавки, чирьи, бородавки, нитки, катушки, селедочные кадушки, банки с помадой и с дегтем кому надо, красные платочки, мелкие гвоздочки. Есть старые башмаки, покупайте, молодые и старики!

(Записано в 1911 г. в Москве от рыночного торговца Т. П. Крюкова.)

Слышал еще:

— Это чай, сахар, кофе, табак, сигары, папиросы!

(Записано в 1916 г. в Москве от Л. В. Антоновой.)

Вся фраза являлась острословным прозвищем торговца мелочными товарами. Обычно подобного типа надписями неизменно отличались вывески старых бакалейных лавок *.

ОБМАН, ОБМЕР И ОБВЕС

В среде работников прилавка, называвшихся прежде приказчиками, я слышал:

Сухой гриб иначе как «на путешествие» вешать мне не выгодно! Мокрить его для весу — гнить начнет, товар перепортишь...

«На бумажку» идет крупа, ветчина или колбаса высший сорт по ценам...

Такому можно «с пушки» дать, он в очках с мороза...

«По-темному», Вася, прогуляйся, а я поговорю с ней...

«С походом» продавать, на брюки себе в день заработаешь!

На нахальство мы не идем — у нас чисто и обоим, всем двоим выгодно!

«Бросочек», как у артиста в цирках,— наше было дело. Молодых надо учить у нас — стариков!

У-у! Ехида какая, не идет «в путешествие». Сам плутище о семи пальцах!

Где «с подначкой»! Гляди, я палец в стороне держу. Не покупатель — сразу видать! Продавец супротив твоей скупости ни при чем...

Отправил его «на путешествие», а он мне на всю фирму, черт, с другого конца кричит: «Подождите без меня вешать!» Вот какой слоник!

В торговле без обмана и нельзя... Душа не стерпит! От одного — грош, от другого — два, так и идет сыздавна. Продавца у нас пять лет делу учат, чтобы все происхождение знал...

Вот извольте, объясним. Крупу досыпать надо, себе в пользу — на весах. Мясо можно за косточку в большом куске попридержать... Керосин выше и

быстрей лить... Пятачок какой-нибудь, а сколько из всего напрыгает... Тут и греха нет! Зато товарец лучший дадим...

Старая анекдота... Петуха один раз мясники зимой продали сшитого: только по фальши, в насмéх голову с индюка пришили. Вот история была! Купил чиновник и ругался. Штучка с ручкой! Мясное дело тоже в своем секрете... Это, смотрите, не у нашего хозяина — Николая Хрисанфыча Курепина, а на вольном базаре, у острога было. У нас дело солидное и товар высший, черкасский... Мы покупателя как надо угостим и лучшей говядиной покормим. Дело поставлено на глянец!

Притворенный шут — покупатель Иван Ильич. Войдет, закажет, а сам будто по сторонам смотрит, и ничего как бы ему не видать. Вес ему давай верный, кто их знает, а то скандал и крик. Я первый раз, когда не знал их, хотел «на поход» взвесить, а он меня тростью чуть не в зубы. «Жеребцовый,— кричит,— доильщик, статью уголовного положения читал? Я тебя в Сибири сгною!» Еле-еле уговорил хозяин, сам им вешал. А покупатель, верите или нет, на полста враз с закусками, и у губернатора на чаю бывает. Нам, продавцам, рупь на чай за отпуск. Натура иха очень добрая, только по-лошадиному, с характером — на дыбы!

Шмук-мастеру портному надо дать сделать, хозяину вершка три с покупки... За шмук лишняя продажа по магазину...

У бабы глаз на весы змеиный! Скрозь землю, через огонь видит...

Мясо этот год у нас не в цене и без радуги, слава богу, выгодно торгуем! Нам это ни к чему...

Как кривой в лавку зашел, так и берегись, лучше зрячего вбок видит...

К матери — под вятери такого клявузу... Не дам другой бумаги — нет и нет! Бери без завертки, а вешать для санитарного состояния без бумаги не вправе... Ну и прощай! Приходи на «семь радостей», дите с тобой окрестим... И без твоего поку́пу обойдемся!

Ты на пятак сам рублей ищешь!

«На нахальство» сам покупатель добрый... Вдругорядь у другого купи — там даром в честную дают!

Ко мне двадцать нищих за день в лавку зайдут, я с тебя на них и вешаю!

(Записано в период 1906—1909 гг. в Москве, Нижнем Новгороде и Владимире от различных старых торговцев. Объяснением вышедших ныне из употребления отдельных выражений обязан нижегородскому коммерсанту В. И. Пыпину-Челулину.)

Обмер и обвес — обычное явление, практиковавшееся в торговле.

Приемы обмера и обвеса продавцами покупателей записаны мною следующие:

Обвес «с походом».

Продавец берет бо́льшее против спрошенного количества какого-либо продукта и с легким толчком бросает его на весы, после этого на весах же отрезает ножом излишнюю часть и во время этого процесса усиленно нажимает на площадку, которая и показывает излишек. Иногда с этой же целью он добавляет еще резкий удар тем же ножом по площадке. Когда площадка весов с недостающим количеством продукта чуть остановится внизу, продавец на мгновение отнимает руки, как бы убеждая покупающего не только в точности требуемого количества, но и в «большом походе». После этого ловкий торговец от-

резает из лежащих на прилавке обрезков еще маленький кусочек продукта, дополняет его, быстро срывает покупаемое с чашки весов и, с выражениями готовности к услугам, поспешно завертывает в бумагу. В этом приеме обычно скрывается самый значительный недовес.

Обвес «на бумажку» или «на пакет».

Продаваемое упаковывается или в двойной пакет, или в толстую, тяжелую бумагу, отнимающую при небольших порциях покупаемого значительную часть веса.

Обвес «на бросок».

Продаваемое быстро, с силой бросают на весы, отчего последние идут вниз. Не дав им выровняться, быстро снимают взвешиваемое, упаковывают и выдают покупателю.

Обвес «на пушку», «с пушки».

Вывешивая тару, отвлекают чем-либо внимание покупателя и, по надобности, то быстро сбрасывают, то вновь кладут мелкую гирю на противоположную взвешиваемому чашку. Для удобства такие гири держат привязанными на шнурок, который также, при изменении приема, может давать вес.

Обвес «втемную», «по-темному».

Взвешивают на весах, поставленных таким образом, что покупатель видит часть их. Обычно продавец закрывает стрелку и желаемую чашку своей фигурой.

Обвес «на путешествие».

Продавец взвешивает без присутствия покупателя, вежливо направляя его в кассу для расчета или для получения чека.

Обвес «на нахальство».

Продавец, пользуясь незнанием и ненаблюдательностью покупателя, ставит неверные гири — меньшего веса.

Обвес «с подначкой».

Практикуется чаще всего уличными торговцами на ручных неверных весах. Прием заключается в отклонении пальцами, в момент взвешивания, головки прибора в желаемую сторону.

Обвес «на время».

Обвес, рассчитанный на скорость наложения и быстроту снимания с весов продаваемого.

«Сделать пиротехнику», или «радугу».

Подменить один сорт товара другим. Способ, широко практиковавшийся у мясников.

«Дать ассортимент» — отпустить товар высшего сорта, а довесить низшим.

Обвес «семь радостей».

Продавец одновременно старается использовать и вес бумаги, и неверные гири, и сбрасывание последних, и все прочие приемы.

Обмер «внатяжку» при продаже материи.

Продаваемое ловко натягивается на меру и незаметно спускается с ее конца. Последнее широко практиковалось при продаже плотных шерстяных тканей.

Отдельные слова и выражения

Шмук — тайно выгадываемый портными отрез материала.

Слоник — бывалый, солидный покупатель.

Давать в честную — честно взвешивать.

С *тебя вешаю* — тебя обвешиваю.

Видеть сквозь огонь — иметь проницательный взгляд.

Змеиный глаз — тонкий, хитрый глаз.

О семи пальцах — очень хитрый, бывалый.

В своем секрете — имеет свои тайны.

Дело поставлено на глянец — дело поставлено блестяще.

Жеребцовый доильщик — обидное прозвище вроде «вор», нечистый на руку.

КУРЬЕЗНЫЕ ТЕКСТЫ ВЫВЕСОК

Насколько сама дореволюционная жизнь и ее бытовые внешние формы давали обильный материал для острословиц, можно еще видеть хотя бы из нескольких курьезных текстов вывесок, которые на окраинах Москвы и в провинции записаны мной и лицами, содействовавшими пополнению моих записей в период 1909—1915 годов:

Буфетчик кондитер —
с накрышкой зала под скатерти, мельхивор и всякую посуду на своих столах под двести и боле персон гостей. Справляет купеческия уважаемые свадьбы су-

варе балы и почтенные поминки. Здесь же спросить тапера, военного генерала и оркестру скрипок господина Брабанца. Люди во фраках, чулках и по всякому положению. Имеются бронзовыя люстры на 100 свечей.

Прошу оказать внимание с благодарностью.

Съ почтением к вам в ожидании уважаемых заказов имею честь пребывать покорным слугою.

Петр Ефимович Козырев с С-ми.

Доставлен мне этот текст провинциальной многословной, стоявшей на нескольких столбах вывески кондитера и буфетчика, в числе многих других материалов, уже упоминаемым мной П. С. Кузнецовым. Относится к 70-м гг. прошлого столетия.

«Мельхивор» — несомненно мельхиор.

«Суваре» — суаре, sovrée.

«Люди во фраках» — обслуживающий персонал, официанты.

«Военный генерал» — отставной генерал, обычно в мундире и орденах, приглашавшийся тщеславными людьми на различные торжества за плату, как манекен. Присутствие его под видом гостя подчеркивало влиятельное знакомство, общественный вес и солидность устроителя торжества. Таких генералов купцы обычно усаживали за столом на почетное место, старательно угощали, выдавали за близких знакомых и щедро за прокат оплачивали. Иногда эти же генералы играли роль посаженых отцов, на крестинах записывались в восприемники, ехали впереди свадебной процессии в ландо с шаферами, а на похоронах выстаивали панихиды и вытирали глаза платком, как бы плача.

Где не было генералов, заменяли их «второсортными» старыми мундирными чиновниками. Чем важнее держали себя эти люди, тем дороже оплачивался их оригинальный труд. Не обходилось, несомненно, и без маскарада, когда за неимением настоящих генералов и чиновников рядили в их форму особых статистов или отставных поручиков, державших тон под «превосходительного» посетителя. Мой отец, П. П. Иванов, помнил в молодые годы * богатую купеческую свадьбу в Иваново-Вознесенске, на которой присутствовал «родственник-генерал», украшенный пятью блестящими звездами персидского ордена

«Льва и Солнца» и несколькими лентами. Рядом с ним на подушке, лежавшей на особом столе, были наколоты еще какие-то регалии котильонного характера. «Генерала» этого поили из особой серебряной стопы, прислуживали ему камердинер в ливрее и несколько лакеев. Ему первому подавали кушанья, он же произносил тост за молодых. Тост за него самого пел хор «с многолетием». Говорили, что «генерал» якобы был выписан на гастроли из столицы и ему помимо иного внешнего почета были устроены помпезные встреча и проводы на вокзале с участием делегации с иконой и хлебом-солью, военного оркестра, нарядов полиции, пожарных и бенгальского огня. Смотреть на «генерала» сбежалось полгорода, а купцы — конкуренты устроителя свадьбы «потеряли от досады головы». На этой же свадьбе за обеденным столом сидел местный брандмейстер в медалях, не снимавший с головы ярко начищенной каски.

С приглашением столичного гостя не обошлось без курьезов: «генерал», войдя в роль, счел себя обиженным платой и письменно требовал с купца дополнительное вознаграждение, каковое и было ему впоследствии вручено из опасения скандала и огласки.

Еще вывески:

Шашлычный мастер из молодого карачаевского барашка с кахетинским вином.
Соломон.

Трактир Приют весны
с крипкими напитками.

Трактир Свидание друзей
с арганом и от дельными кабинетами.

Трахтир Голубка с низком для проезжих.

На верху вывески изображен херувим, летящий с зажженным факелом. Летит он над гробом. Внизу надпись:

Гробовых дел мастер. Архипов.

Парижский парикмахир Пьер Мусатов из Лондона
Стрижка, брижка и завивка.

Кролики, белки, куры и прочия певчия птицы.

Оккультист, очки, пенснэ, лорнеты Ш. Б. Гуревич.

Кислощевое заведение с газировкой фрухтовой воды
К. Панкратов.

Моды и десу
Адель Карловна.

Набойка матроссов и полуперин.
И. Ф. Федорова.

Бальные и национальные танцы в собственном
зале с духовой музыкой.
Обучение в 2-х недельный срок
Артист Горбачев — «Стрелковский».

Профессор шансонетнаго искусства
Андрей Захаровичъ Серполетти.

Банки и пиявки
на дому и в бани.

Рудометчик Нефед Шлепенко
он же по помозолю с корнем.

Мед и лимонад-Газес
Филиппа Байкова.

Духовитые трубочные и иныя табаки.

Фотографические снимки для холостых и не
женатых!
(плакат в окне).

Бюро похоронных и свадебных процессий
Ядрейкин средний.

Выгребной и ретирадный обоз В. Н. Розова
Исполнение аккуратное и срочное.

Парикмахер Мусью Жорис-Панкратов.

Мадам Донэ,
Моды, платья и фризюр.

Повивальная бабка
сприютом для секретных.
А. Мухова.

(Надпись на двери):
Ольга Павловна Козова.
Гадает по системе мадам Ленорманы,
Здесь же по кофейной гущи и ногтю.

Шлыков
Мастер по обувке и подбойке подмет.

Тапёр Петр Емельянович Сивкин
Играет старую и новую музыку:
балы, обеды, свадьбы и семейныя события.

Стригу и брею
Баранов.

Бани римския
семейныя
дворянския
и вобщия.

Покупка лому золота и серебра.
Здесь же специалист по ставке банок и пиявек.

Партниха и ажурная строчка.

Спасатель крыс, мышей, клопов, тараканов —
выводит морит с пользой.
Безвредно и доступно страдающим нашествием!
Тиф! мор! погибель! Смерть!
Изобретатель
Иван Савельич Сапогов.

Вывески и названия кавказских духанов:

Не уезжай, голубчик мой.

Свежий воздух.

Пускай пойдет.

Цакул здесь.

Ле полотер
дер полотер
здесь живет полотер.
(Кимры. Записано от А. И. Картель.)

Анонс:
Кабарэ с участием каскад-певицы
Зининой-Нильской
Будут исполнены
«Маленький, малюсенький
Вот такой...»
и «На то
испанец он» *.
Фурор! Сенсация!

Пришлось мне видеть оригинальные плакаты, висевшие в одной из пивных в 1916 г. в Москве, заслуживающие, по моему мнению, помещения в перечень курьезных оповещений:

В нетрезвом виде пиво не подается. Зарубьянц.

Просят не выражаться.

II. СЛОВО, ЮМОР И БЫТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПРОФЕССИЙ

МОСКОВСКИЕ ИЗВОЗЧИКИ

Извозчик — чаще всего местный, пригородный крестьянин.

Когда-то заработок его был выгодным и, по сравнению с другими профессиями, довольно значительным. Но мало-помалу трамвай, автомобиль и автобус вытеснили его из города, заставили уехать в провинцию, вернуться к земле или к крестьянству. Только не совсем еще победили они ломовика, продолжающего в незначительных размерах свое дело. Но и его дни сочтены, и ему существовать

недолго. «Грузовик-машина» не уступит «коннику» своей дороги.

Извозчиков следует разделить прежде всего по социальному признаку: на хозяев и работников, а по достоинству, квалификации и разрядам — на одноконных лихачей, на обыкновенных «ночных», или ванек — с плохим выездом, на зимних «парников», или на «голубей со звоном»; на «троечников», т. е. занимающихся катанием на тройках; на «колясочников», т. е. возивших «парой в дышло» в колясках и стоявших чаще всего у вокзалов; на «шаферных», или «свадебных», т. е. обслуживавших многочисленными каретами и иными экипажами свадебные процессии, и, наконец, на ломовых. Все первые разряды имели дело только с легким грузом, т. е. с пассажирами, почему и назывались вообще «легковыми», а самые последние перевозили тяжести, громоздкие предметы, «ломали», т. е. носили их на себе и всегда известны были под определением «ломовых».

У легкого извозчика длинная бытовая история, ожидающая своего исследователя. Сколько форм экипажа пережил его промысел, сколько образцов одежды переносил он на своих терпеливых плечах, сколько старых «обязательных» полицейских и управских постановлений так и сыпались на его голову. А сколько его штрафовали, морили в участках за ничтожную провинность! Если он согласится рассказать про былое, то его стоит послушать. Он один из тех тружеников, которые настойчиво боролись за кусок своего хлеба.

Многие не любили рядовых извозчиков за их грубость, запрашивание непомерных цен и за приставания с предложением услуг, а лихачей за развязность и за слишком свободное обращение с проходившими мимо биржи женщинами. Но первое вытекало из неожиданного смешения двух разнотипных культур, деревенской, провинциальной, и городской, уличной, а второе — из специальности служить всякого рода прожигателям жизни, ночным кутилам и ресторанным завсегдатаям. При этом лихачи исполняли за особое вознаграждение навязанные им обстановкой труда даже обязанности сводников, могущих всегда и во всякое время

устроить желающему быстрое и интересное знакомство «под веселую и пьяную руку».

Каждая определенная стоянка, или биржа извозчиков, управлялась выбиравшимся ими самими и обязательно из их среды старостой. Получая определенное вознаграждение, последний часто находился «без выезда», т. е. занимался только наблюдением за порядком, а от себя имел на экипаж работника. Обычно роль эту исполнял старик, пользовавшийся общим уважением и доверием. Как осуществлял он свои права, можно заключить из следующего факта. На театральной (т. е. при театре) бирже много лет подряд старшинствовал очень добродушный на вид легковой извозчик по имени Никанор. Никанор стоял всегда в чапане и опирался на длинную толстую палку. Чуть кто нарушал в чем-либо установленный порядок — «подавал» вне очереди седоку, теснил соседей экипажем или просто «выражался при господах», староста спокойно поднимал свой жезл и увесисто опускал его на шею провинившегося. При этом проделывал процедуру невозмутимо, с сознанием собственного достоинства, не обращая никакого внимания на протесты. Видимо, так и полагалось, ибо выбирали его много лет подряд и ценили. Я застал его еще в 1907 г. и любил, зазвав к себе, подолгу с ним беседовать.

Главным врагом извозчиков была полиция. При системе непролазного взяточничества извозчика обращали в источник служебных доходов. Придирались к каждой мелочи: худому кафтану, к плохой полости, к поцарапанному экипажу, к неприбитому на соответствующее место номерному знаку, к случайной остановке и т. п. И за все «хабарили», т. е. брали в свой карман гривенники, двугривенные, полтинники и даже рубли. Протестовавших отправляли в участок, сажали на сутки в каталажку, не давая даже возможности накормить и напоить брошенную на дворе лошадь. Особенно изощрялись в этом городовые, или «фараоны», и околодочные, или «околодыри».

Хозяин и работник — два, как я упоминал, классовых расслоения извозчиков. Хозяин был человеком «с капиталом», владевшим несколькими экипажами и лошадьми, или «выездами». Работник,

занятый на личном иждивении, за пять-шесть рублей в месяц, односельчанин, пользовавшийся только квартирой. Исключение в смысле «харчей» предоставлялось немногим, и то большей частью среди ломовых, содержавших «про нанятой народ стряпуху». Каждый работник обязывался ежедневно привозить к известному часу определенную сумму выручки, недостача в которой вычиталась из его заработка. Если перерабатывал, то хозяин смотрел «спустя рукава» на небольшое присвоение излишков, причем угадывал их приблизительную сумму по состоянию возвратившейся «на двор» лошади. «Конь в мы́лу», «потный» — значит, много пробежал за день, сухой — все в порядке. Следили еще, как «за корма» возьмется, не ляжет ли и т. п.

У ломовых существовали на бирже свои обычаи. Одним из них надо считать «выканать черёд», т. е. установить право на выполнение той или иной работы в известную очередь. Делалось это для того, чтобы не перебивалась одним у другого цена. Процесс «канань» происходил так. У каждого имелась трех- или пятикопеечная монета с его личным знаком. Некоторые подпилком снимали края, насекали по орлу или решке крест, «писали» звездочку, иные же гнули в середине, делали гвоздем сквозной свищ и т. п. Все эти «амулеты» бросались, с приплевыванием на них, в снятую с головы шапку или картуз, который начинающий обязывался трясти. Чей знак первым он вынимал, тот и брал «дело».

Местами постоянных сборищ извозчиков бывали особые трактиры «с дворам», т. е. с местом, где стояли деревянные колоды, возле которых отдыхали и ели лошади. Сами извозчики нежились в «низке», т. е. в особом, отведенном для них зале. Здесь они пили жидкий чай и закусывали, покупая со стойки, т. е. из буфета, калачи, сайки, весовой хлеб, баранки, дешевую колбасу, щековину, т. е. вареное мясо с воловьей головы, студень или холодный навар с ног, печенку, сердце или рубец, т. е. скатанный и обвязанный веревкой желудок животного, и т. п. Здесь имелись и другие яства: соленая вобла, севрюжья голова, капуста, огурцы и т. п. В этих-то местах и интересно было слушать их разговоры, новости и жалобы на условия труда.

Костюмы извозчиков устанавливались распоряжениями городской управы. Они носили неуклюжий кафтан «на фантах», т. е. на двух сборках сзади, подпоясанный наборным поясом, и поярковую шляпу с пряжкой, доставшуюся им от старых цеховых фасонов начала девятнадцатого века. Лихачи любили франтить, отделывая свою форму выпушками из дорогого лисьего меха и наряжаясь в зимнее время взамен обычной для профессии барашковой шапки в настоящую «бобровую». Ломовые имели летом русские рубахи, жилеты, большие фартуки и картузы, а зимой те же шапки и «спинжаки», или ватные пиджаки. Самый старый костюм, который я помню у «легковых» с детского возраста, был кафтан, но с неимоверно набитым пенькой и «простланным» пушными продольными бороздами задом. От такого наряда сошедший с козел извозчик представлял собой какой-то феномен готтентотского сложения.

Номерной знак носили ранее на спине, возле ворота, и только позднее стали прибивать к облучку и задку экипажа.

Некоторые дополнительные подробности быта извозчиков и их отдельные характеристики рисуются из приведенных записей профессиональной речи цеха. Разговоры их иногда не совсем пристойные, поэтому я вынужден обнародовать лишь часть своих записей.

На кошке тебе катать, а не на хорошей лошади! Где у тебя чересседельник? Работничек на хозяина, сворачивай...

Какое хочешь животное запрячь в тарантас можно... Хошь петуха! Вон Анатолий Дуров в шарабане на свинье по всем городам ездил...

Тпру, тпру, тпру!.. Ваше благородие, господин околодочный, за что же штрафуете? Воз на меня, а не я на воз!.. Помилуйте, ваше благородие, ублаго-

творите... В таком деле и вы сами вожжей бы не справили. Не поворот здесь, а чертов приворот!..

На смотр завтра едем, на зад пломбу ставить! Больше и некуда! На шляпе — есть, на кафтане — есть, на полости — четыре, в передке — восемь. Чего гоняют людей? Они в управе соскучились деньги за службу получать, так давай извозчиков на копейки метить!..

Сын за штраф при Пятницкой сидит. Человека ушиб... А какой человек, если он под извозчика сам лезет? Зря страдает Вася!..

Сворачивай, рваная сволочь! Держи вправо!.. Лошади морду сбил!.. Ах, мать твою так, тебе ночью по глухим переулкам стоять. Сам я рваный? Может, и рваный, да справный!..

Я ему, как барину, подаю, а он мне, холерный, говорит: «Извозчик, вокруг фонарного столба и обратно, два часа подождать!» Я осерчал и отвечаю: «Почему нет, положишь мне серебряну полтину, вокруг тумбы прокачу тебя, скотину!» Хорошо отработал? Он и номера-то записать не успел. Перед барыней ему больно стыдно было. А она: «хи-хи» да «ха-ха»... Вот как бывает в езде!..

Уважь, почтенный служивый, возьми тридцать... Право, не сработал! Завсегда я к городовым уважителен, я и стою в переулке. В другой раз больше попользуешься!..

Я раз попал в Марьину рощу и все пропил. Коня у меня угнали, а самого в овраг завезли и раздели. По нашенской линии иной раз опасно тоже бывает. Пришел к жене босиком, а она меня заслоном

по головешке и водой из ведра облила. Потом бабку приводила наговаривать. Что ты думаешь, бросил я вовсе пить. Вот дела какие, голова...

Ах, остолбенение какое!..

На три — шесть гривен в день с конем не управишься. Овес, сено... В трактире калачик съешь и колбаски возьмешь, чай — на одново, половому — пятак, на дворе за коня — пятак, фатера, еще трактир, когда смерзнешь... Куда тут!.. Работник теперь три с полтиной хозяину везет. Да кажинный день на городового расход. Вот статуй еще небесный!..

Держи за хвост, а вожжи брось!.. Легче так править!..

Не отбивай, Петя, харчей у воробьев! Жадный, дьявол!..

Первейшая стоянка у ресторациий. Ночное дело! Кому вожжа под хвост попала, без лихача не обойтись. С вас деньги берем, да сами шибко дорого плотим за права. У ресторации — всем подай и место еще откупи!

Что станешь делать, рупь фараон лекспроприировал...

Прокатил бы я и ету барыню, уж и прокатил бы с поднятым верхом! Есть любительницы до нас, завези подале и открой верх. Промеж больше лихачей на дутых... И чего им в мужике? Мне сказывал один про таку мужню стерву!

Куды, куды, сукин сын, лезешь? Тоже извозчик!.. Ванька ты, портной, а не извозчик! Тебе на катке сидеть, а не лошадью править! Всю Москву обошел, а дурней дурака не сыскал!..

Я ему с уважением, он меня сволочью, я по-матерну и брыкнулся!

У их коня хвост подвязной, на крючках. В магазине такой двенадцать рублей!..

До чего цыгане по коням мастера. Мому деду слепого мерина за жеребца у вечеру продали!..

Я Москву, как свою бабицу, по статьям всю знаю. Ночью, что надо, найду — без фонарей. Это, сударь-с, Афанасьевский переулок, а не Серебряный!.. У меня в Серебряном дочка прислугой у адвоката!..

Купи веник и помаши твоей под хвостом для воздуха. Кобыла это дело, вентиляцию, ох как обожает!..

Дурошлеп, не кнутом корми животное, а евонным кушаньем! Ну-ка тебя так похлещи; ты што говорить будешь? А!.. Попроси кого поучить тебя. За это нашего брата покровители животных тягают!..

Семьдесят девятый мне! Не веришь? И не верь, все едино не смолодишь... Крепость барскую помню во как... Теперь городовых фараонами зовут, а я еще бударей на краях помню. Так оловянной пуговицей дразнили, а он ничего не мог. Штрафа права не имел накладать, только рази пьяного в квартал, а я трезвый. За шутку — ничего, только плюнет

вслед. А еще звали их — «дай понюхать»... Табак они делали и продавали. Ликтричества мы и в глаз не видали, везде фонари на масле и карасине. Карасин и то в диковину многим был. Я семи лет, сироткой при конях в мальчиках на постоялом еще жил... Медведей по Тверской танцевать водили. Вот как помню! Пожарные вручную качали. Э-эх, помирать мне скоро! Бога нечего гневить, пожил, хлебца пожевал, с винцом погулял... Смолоду питущий был... Девок проворил, а жена померла — больше не женился... Дрожжей новых не хотел разводить! Детьми бог не благословил, николи не было, как с ими и быть не знаю. Ну, теперь вы живите за нас! Вам который годок? Кабы мне такой теперь!.. Куда вас, к воротам или во двор? Дом в пять етажей, громадный!..

Кудрявый мех, а кудрявый мех, в горнишках служишь? Позови чайку спить!..

Пыльным мешком бит...

Нам без ругани нельзя, ругань у нас заместо покурить!..

Поп с дьяконом — замок в два ключа! Я не брался в шестой этаж ихни портки таскать. Не так рядились!..

Посторонись! Загавкал, псина.., Ты бы лошади-то под брюхо еще подлез, а потом жалился. Прощай, прощай, катись, откуда выкатился!..

Ай-ай! Иван Иваныч, видно, харчи дешевы стали — рыло сростил!

Девки, с дороги уходи, женихи с бабьей радостью едут!..

Меня и наняли! Пошлите вы их, господин, куда сами сможете!

Не чертыхайся, барин, что конь шибко понес, тута спуск с Рождественской горки... Держись, барин, за что легче!..

Перевезли аккуратно, прибавить бы надо, господин! Всего и не хватает-то на троих с закуской полтинника!

Чего ты грозишь, я сам дорогу в полицию к околодырю знаю! Пятнадцать годов по этой дорожке хожу... Всего и разговору-то на один целковый!

(Записано в период 1906—1917 гг. от извозчиков Москвы.)

ЦИРЮЛЬНИКИ И ПАРИКМАХЕРЫ

Московские «холодные» парикмахеры и цирюльники, стоявшие в Зарядье, часто повторяли обращенную в каламбур одну и ту же фразу:

— С пальцем девять, с огурцом пятнадцать!

Писатель А. М. Пазухин* объяснил мне ее значение. За девять грошей брили цирюльники самым примитивным приемом, засовывая для оттягивания щеки в рот палец, за пятнадцать же предоставляли клиентам удобства пользоваться для той же цели огурцом.

В конце XIX в. от времен глубокой старины еще

сохранялись и встречались бродячие цирюльники и парикмахеры, ходившие по квартирам своих клиентов, а в свободное время по улицам, базарам и дворам. Они носили в одной руке ящик с инструментом и кое-какой парфюмерией, а на шею надевали через отверстие спинки деревянный стул. Придя на место, где предполагалась работа, эти мастера начинали скоморошьим присказом собирать вокруг себя толпу. Цирюльник был почти то же, что и парикмахер, но вместе с тем лекарь, исполнявший фельдшерские и даже докторские операции. Нижеприводимый текст в молодые годы был мне записан и подарен моим частым спутником по ружейной охоте парикмахером Владимиром Лукичом Лукиным.

— Шла барышня по дорожке, на ней новые полсапожки, да запнулась за тумбочку, уронила сумочку, подняла юбочку, упала на дорожку, поломала ножку! Бреем, стрижем, бобриком-ежом, лечим паршивых, из лысых делаем плешивых, кудри завиваем, гофре направляем, локоны начесываем, на пробор причесываем, парик промоем, кровь откроем, фризюр наколем, тайну любви скроем, мозоль подрежем, косу купим и срежем, мушки клеим, стрижем да бреем! Начески, наколки, шьем наклад в три иголки, мушку приставим, ревматизм растираем, бородавки сводим, по домам к почтенным людям ходим. Цирюльники-щелкачи, запляшет, кто пять лет лежит на печи! Банки, пиявки, набор грудной степной травки. Зубы рвем — деньги вперед берем! Бритвы вóстры, ножницы остры! Белила, румяна, щеголям награда — из мозгов пахучая помада!.. Шла барышня по дорожке и т. д.

В. Л. Лукин был парикмахером, славившимся своим искусством, и прошлое цирюльничье вспоминал с шутками и иронией. Он неоднократно демонстрировал мне прибор-ящик, с которым объезжал провинцию и работал по вызову, при номерных банях. В ящике длиною более метра и шириной вполовину, в строгом порядке размещались «козьи ножки», ланцеты, ножницы нескольких видов, широкие бритвы, кровососные банки, крючки, сосуд для хранения живых пиявок, инструменты, напоминавшие своим видом плотничье долото, механи-

ческие заводные машинки-«просечки», коробочка с корпией (расщипанной на нитки полотняной тканью-рваниной), загадочные медикаменты в темно-синих флаконах, помада собственного изготовления, настой из пареного розмарина и березового веника — для мытья головы, ращения волос и пр. Старые нижегородские парикмахеры Гусев и Ковалев, которым я прочитывал приведенный приговор, сообщали мне, что бывали тексты и иного содержания. В одном таком приговоре цирюльник рассказывал о выдергивании зубов, об установке «фонтанели» и о другом лечении, но подлинного текста его восстановить не могли. Искусствовед доктор Н. П. Каменев передавал мне, что эти доморощенные лекари помимо кровопускания и удаления зубов действительно брали на себя более сложные операции, как, например, упомянутые «фонтанель» и «заволоку». Между прочим, «фонтанелью» назывался глубокий надрез на коже, в который вкладывалась обыкновенная горошина, «заволокой» же — два параллельных надреза, находившихся на некотором расстоянии один от другого, соединенные между собой продернутой под толщу кожи полотняной тряпочкой. В первом случае горошина сама по себе вызывала процесс нагноения, а во втором то же самое явление достигалось путем периодического передергивания ткани из стороны в сторону. Такие хирургические операции считались «полирующими» кровь и способствующими в некоторых случаях выздоровлению, а в других даже продлению жизни. Оба эти приема Н. П. Каменев застал еще в 80-х гг. прошлого столетия в Тульской губернии.

«Щелкачи» — народное прозвище парикмахеров и цирюльников, с особой ловкостью во время работы щелкавших своими ножницами. Многие из парикмахеров сохранили до сих пор эту манеру и, даже просто держа ножницы в руке, без надобности, как бы для особого шика, постукивают, сводя и разводя пальцы, одним кольцом о другое перед носом клиента.

От В. Л. Лукина же мне удалось получить следующие острословицы из лексикона парикмахерских подмастерьев, отнесенные им к 80-м гг. прошлого столетия:

По модной картинке причесываем господ кавалеров: с пробривкой пробора вкось — у кого глаза врозь, прямо — кому желательно быть без изъяна, на валик и поперек — кто умом не прыток; всех красавцами сделаем, и за то клиенты нам много благодарны!

Наш, парикмахерский, они красавец! — зазывал Иван Сидоров-орала, а Марья Кондратьевна щипцы на углях держала. За такого жениха сваха пять тысяч накинуть в силе!..

На резине полсапожки — с бараньей ножки, сюртучок до пят, попросить покурить у кого рад, поет на высоких нотах, сидят в папильотах, да Сидорову Ивану денег не плотит за старанье — болвану!

Бродячие, а за ними работавшие в специальных помещениях цирюльники и парикмахеры имели, как видно по приводимым примерам, свой особый многогранный лексикон.

Мне удалось собрать и записать отдельные слова и выражения.

Картонка — прозвище клиента, который сверх условленной платы не давал «на чай». С появлением авиации таких злосчастных клиентов парикмахеры стали называть еще «ероплан».

Обрить в щетку — т. е. умышленно причинить клиенту неприятность, заключавшуюся в том, чтобы во время процесса бритья держать бритву как можно прямее. От такого приема через несколько часов после операции воспалялись луковицы срезанных волос, появлялись красные пятна, мелкие опухоли в виде прыщей, и кожа покрывалась как бы сыпью. Уличный парикмахер-старичок Иван Трефилович Рогаткин из Зарядья рассказывал мне, что они любили применять этот прием для урока бесплатным клиентам, к числу которых относились

в первую очередь околоточные надзиратели и городовые.

Коровий язык — прическа на пробор с торчащими вперед прядями волос на висках, для которой применяли смачивание «секретной» жидкостью — из ржаного кваса, сахарного сиропа и клея-смолы с вишневого дерева или отвара льняного семени.

Комильфотная брижка — процесс бритья с соблюдением всех правил парикмахерского искусства и с обязательным натиранием обритого места пудрой, тальком или просто мелом.

Барина прикончить — выдавить прыщ или чирий с обязательным прижиганием накаленной на огне шляпкой гвоздя.

Флеру пустить — надушить.

Обчекрыжить — плохо остричь.

Божий дар убрать — закрыть лысину густо намасленным фиксатуаром, помадой, деревянным маслом или просто салом, специально выращенными с боков волосами.

Подметку подшить — починить старый парик.

Усы наколенкорить — нафабрить усы, придать им ухарский вид.

Козья нога — крючок для выдергивания зубов.

Блоха — машинка для просечки кожи в том случае, когда ставят банки.

Кисейные штаны — девушка, барышня.

Пиголка — горничная при барских домах, домашняя работница.

Товар в расход пустить — причесать невесту к свадьбе.

Девью косу пригладить — причесать духовное лицо.

На ладони кудри растить — делать плешивому втирания репейного масла или березового настоя для ращения волос.

Сыграть — постричь или побрить.

Двадцать четыре радости совершить — проделать за один раз над клиентом ради увеличения платы как можно больше процедур, например: остричь, обрить голову, вымыть, припудрить, надушить, вежиталью опрыснуть, щипцами волосы просушить, завить, усы «направить», брови причесать и т. п. Каждая процедура оплачивалась по таксе.

Жениха пристадить — завить жениха к свадьбе.
Из отдушки душу выгонять — париться в бане.
Руду метать — пускать кровь.
Помолодить — постричь, обрить и т. п.
Облегчить — поставить банки.
Овин намять — растереть живот.
Округлить — постричь в кружок.
Урыльник — умывальник.
Плоскуша — парша, чесотка.
Гостью приветить — поставить пиявку.
Копыта сравнять — срезать мозоли на ногах.
Обкорнать — наспех, плохо постричь.
Палую суку за хвост тянуть — долго и безрезультатно лечить кого-нибудь.
Раку в нору воды налить — поставить клизму.
Фунт дыма продать — сделать мало процедур, но хорошо получить за это.
Тупички — ножницы.
Личная вакса — черная помада (обычно, в старину, сало с голландской сажей).
Душу в покаяние пустить — вызвать искусственную рвоту.
Родителей за здравие поминать — икать.
Комета — хорошо одетый, но нещедрый на расплату клиент.
Ах, ах, ах, комплимент в стихах — франт.
Подзорную трубу на звезды прописывать — ходить к кому-нибудь на дом для лечения.
Шаечничать — ходить для совершения цирюльничьих и парикмахерских процедур в бани.
Бурмитки — перхоть (видимо, от «бурмитское зерно» — жемчуг из Бурмышского, или Персидского, моря — древнее название Персидского залива).
Гнидняк — запущенный, нечистоплотный человек.
Хозяина обездолить — вывести из головы паразитов.
Склад хозяйский потрепать — размять, при вздутии, живот.
Походку бабе наладить — срезать женщине мозоли.
Бабьей спины друг — банный веник.
Хлебный дух — запах печеного хлеба, который получался в бане, когда любители этого своеобраз-

ного аромата «поддавали на каменку» (плескали на каменную печь) баварский квас.

Наша заплатка, наша шляпа волосяная — нашей работы парик.

Городской бульвар — редкие волосы.

Проспект на свалку — спина.

Нищий аптекарь — доктор, объезжающий по квартирам пациентов.

Дармовое зеркало — бесплатный клиент-городовой, околоточный, «рядской» староста и т. п.

Дыхание вскрыть, душе выход дать — прочистить горло.

Кишки лудить — лечить боли в кишечнике.

Козьего копыта лягун — пациент, который дерется от боли при вырывании зуба «козьей ножкой».

Меченый мастер — цирюльник, который испытал за свои операции побои клиентов.

«Козьей ногой» в салазке колупнуть — вырвать зуб.

На ветряное гумно заплатку наложить — наклеить волосяную накладку на лысину.

Скворешник — прыщ, родинка на носу.

Солонка — губа.

«Козьей ноги» недоимщик — человек, которому надо вырвать зуб.

На вольном духу потеть — париться на полке в горячо натопленной бане.

Вольный дух пользовать — заставлять до боли бить себя березовым веником в хорошо натопленной бане.

Храпесидии — ягодицы.

(Приведенные слова, выражения и каламбуры записаны в период 1903—1912 гг. от следующих лиц: цирюльника и парикмахера Нижнего Новгорода Владимира Лукича Лукина, холодного парикмахера, встреченного у Устьинского моста в Москве Ивана Севастьяныча — фамилия не названа,— холодного парикмахера Хитрова рынка в Москве Власа Степановича Сидоркина, холодного парикмахера, встреченного во Владимире, Петра Никаноровича Шутихина, холодных парикмахеров, встреченных на Нижегородской ярмарке у «Самокатов»: Ивана Трубникова, Павла Сергеевича Кокурина, Панкратия Ильича Власова (прозвище «Сыграй назад!»), Саве-

лия Матвеича Грошева, Арсения Васильевича Пырьева, Сергея Васильевича Пырьева, Ивана Павлыча — без фамилии, специалиста по ставке банок и пиявок, Исаака Самойловича Голубь, «безместного» подмастерья Никанора Николаевича Максимова, специалиста «по сводке мозолей и бородавок», торговца патентованной жидкостью Василия Петровича Дужкина, холодных парикмахеров, встреченных на летней конной ярмарке в Нижнем Новгороде, Петра Сидякина, Ивана Нестерова, бывшего служителя при цирюльниках и номерных банях, встреченного в Муроме Ивана Ильича Сударкина (семидесятивосьмилетнего нищего) и встреченного мною в Москве в Зарядье холодного парикмахера Ивана Трефиловича Рогаткина.)

К цирюльникам относились как к людям мудрым, усвоившим себе высокое знание лекарской науки. Им доверяли, пожалуй, больше, чем врачам, приписывая чуть не силу колдунов и «наговорщиков». Мне приходилось слышать:

— Ну его ко псам твоего дохтура,— завтра запрягу коня и отвезу бабу к цирюльнику Петровичу. Есть такая добрая душа. Сорок верст от нас... А уж как лечит, как лечит! Иван Назарыч совсем от живота отходил, а он его справил. Три слова сказал и воду дал пить... Дохтора при Баранове * холеру разводили!

Сообщавший мне это крестьянин находился с женой в губернском городе Нижнем Новгороде, где было рукой подать и до больницы, и до частной врачебной помощи.

Говорили также:

Нашему кузнецу Павлу земский дохтор жилу не туды завернул на локте, без руки человека оставил, а цирульник потянул, и все, как не бывало. Вот те и дохторье! Дым с худой трубы от елоховой шишки!

(Записано в 1907 г. в селе Городце на Волге от неизвестного.)

Портило, а не лекарь! Были ране фершала-цирульники...

(Записано в 1916 г. в подмосковной деревне Новая Лужа ст. Химки от неизвестной.)

Покойникам кровь отворять твоя докторица годится!

(Записано в 1905 г. в местности Великий враг на Волге от неизвестного.)

Скажи дохтуру моей кобыле в хвосту волосы нарастить!..

(Записано в 1906 г. в местности Работки на Волге от неизвестного.)

Мутила меня, мутила твоя фершалша, аль дохтурша с бабой. Порошков давала горьких-нагорьких. Лопала их, лопала моя Анка — с души от горечи тянет. Пищу жрать не могла! Повел к бабке Маланье... Та ее на горячий полок да березовым веником с солью нахлестала — и как рукой прочь. Возня одна с вашими учеными лекарями... Глянь-ка на Анку — ровно жеребец, одна бревно на воз валит! Даром на шестом месяце брюхатая...

(Записано в 1905 г. в местности Котово на Волге от неизвестного.)

Веником березовым, пареным — по лысинам обваренными... кудри завьются!

(Записано от упоминавшегося крестьянина села Городец Нижегородской губернии П. С. Кузнецова.)

Необходимо пояснить, что по рецептуре цирюльников практиковался оригинальный способ лечения головы от выпадения волос и выращивания их у плешивых. Пациента приглашали в баню на горячий полок и заваривали в деревянной шайке (т. е. лохани) «крутым варом» обыкновенный березовый веник с листьями. Прикладывание распаренного веника к лысине или к голове с редкой растительностью, по уверению лекарей, способствовало вырастанию новых волос.

В некоторых острословицах упоминались и знахари:

Лошадьим пометом его полечить...

(Записано в 1906 г. в Васильсурске от неизвестной.)

Шутка эта относилась к нетрезвым людям. У деревенских знахарей существовал оригинальный метод лечения спившихся. В таких случаях по их указанию разжимали находившемуся в бесчувственном состоянии рот кочедыком (т. е. железным крючком для плетения лаптей) и клали на язык лошадиный навоз, куриный помет, вызывавшие рвоту.

Хмельна брага — из Великого врага, да квас с малины от мудрой старицы Акулины.

(Записано в 1910 г. от того же П. С. Кузнецова.)

Великий враг — село в Поволжье, верстах в шестидесяти от Нижнего Новогорода. Видимо, в этой местности когда-то процветало изготовление упоминаемого хмельного напитка. Акулина — имя одной из поволжских лекарок, пользовавшей особым малиновым квасом от «кумохи», т. е. от лихорадки.

Нижеприводимое записано мной в 1908 г. от старого заезжего провинциального парикмахера Павла Ивановича Попова, ходившего с предложением работы по «номерам для приезжающих» на Нижегородской ярмарке.

— Красавица без волос, и румянец во вес нос. Как ни отделывай мою Марью Ивановну — краше черта не будет. А красоточка Гризель — первый сорт мамзель, волан и гофре в бок — за ней женишки «скок да скок». Извольте видеть, по моей модной парижской картинке можем в порядок и в первый разряд привести! Госпожу Папкову и то чешем... Другую — что надо отделаем! Корсаж на вате — семь аршин в обхвате, розан на грудь — сердца нашего не забудь, незабудочка цветочек — не забудь меня, дружочек, а я сама не забуду, твоей навек буду. А на иной, сказать, сюжет: затянется в корсет, ходит как пава — папеньке с маменькой забава... Для полного лица одна история с географией, а худое причесывать должно вовсе иначе. Сударыня-барыня, козьи ножки, подойди-полюби, а потом наставит вам рожки. В абонемент когда чесали и для торжественных событий по особому заказу,— накормят обедом, за галстук дадут пропустить, кроме всего, примут с уважением. От нас ведь много зависело: и совет от нас был, и помощь. Теперь не

так стало... Сунут в руку полтинник, и иди на здоровье. Прическу подбирать приходил в дом на целый день — с утра. Раз по восемь причесывали — и опять назад. Какая к лицу подойдет, на той и остановимся. Неустойчивость во вкусе женская: одну расчешем, другая не подошла, опять за прежнюю беремся. Нас весьма уважали, на свадьбах парикмахера за стол в людской сажали, угощали как надо, одаривали, а к жениху мы с поздравлением ходили, за невесту они нас также ощедряли. А другой не поскупится ни на что, особенно если приданое сурьезное берет.

Кавалеры стихи хорошие дамам сочиняли, только припомнить стыжусь какие...

Ангел, Аничка, прелестный,
Вам стишочек я пишу,
С сувенирцем чудесным
Вам его преподношу.
Ах, возьмите эту розу
И идите в чудный сад,
Я из сердца вырвал занозу
И весьма свободе рад.
Осень поздняя настала,
Я тоскую, как всегда,
Слеза горькая упала —
Не прощу вас никогда.

Очень нежные... Конец, извините, не хочу повторять и ничем меня не заставите... Бесстыдно... Что было, то прошло! Очень желательно? Ну, извольте, только для одного вас. Право, только для одного... Жена просила, и ей не подтвердил желание.

Вы изменщица-кокетка,
Вам я тем же отплачу —
Поломалась у девушки ветка,
И я к цыганам кутить качу!..

Видите, как нехорошо? Ну уж извините... Сами просили... Тьфу, тьфу, забыть это навеки — ведь шестьдесят четвертый на плечах, а болтаю нескладно...

Вот на локоны мода теперь отошла, а весьма выгодно нам было. Все сословия локоны носили, купчихи и те привешивали. Красота была какая! Все клиентки красавицами рядились, к курносым и то шло, только мы им длинных не делали. Посудите — нос кверху, а локоны до грудей? Не годится!.. Для

курносых — в две петли, а для прочих — по желаниям.

Упал локон золотистый
На красавицы грудь,
Перстенечек аметистный
Дарю в память — не забудь!

Больше, право же, ничего не знаю. Как хотите!..

Эспаньолочка твоя
Свела меня с ума...
А гитары звонкой пенье
Всем кунавинцам на удивленье!

Про кавалеров тоже складно сочиняли. Теперь все, все кончено. Вас побрить?..

(Кунавино — слобода близ Нижнего Новгорода, «кунавинец», или «канавинец»,— житель Кунавина. «Госпожу Папкову и то причесываем» — характерная для парикмахеров похвальба со ссылкой на имя клиентки. «Мамзель» — очень часто встречающееся в разговоре старых парикмахеров слово. Про мужчин обычно говорили: «жених», «кавалер». Позднее, в подражание заезжим французским мастерам, заменили его на «мусье» и «клиент».)

Мне удалось сохранить в записях нижеследующие мещанские стихотворения и романсы, слышанные от цирюльников и парикмахеров:

Вчера на почте был,
Письмо ваше читал
И со слезой горячей
Святым словам внимал...
Я вас люблю, вам это все известно,
Но сердце пылкое разбить вам нипочем.
Ах, для чего вы так прелестны?
Ах, для чего не сплю я по ночам?
Зачем для вас страдания немые,
К чему в устах молчания печать,
Зачем жгут сердце очи голубые
И не в силах я признания начать?!.

(Записано в 1906 г. от упоминавшегося уже В. Л. Лукина.)

Вот еще несколько стихотворений, записанных в том же году от того же.

Голубочек сел на ветку,
Начал ворковать,
И его поймать я в клетку
Хочу испытать.

Голубочек — вы, Нинета,
Клетка — к вам моя любовь,
Моя песня вся пропета,
Но ее начну я вновь...

Ах, позвольте удалиться
И вам не докучать,
Хоть уверен, без сомненья,
Буду очень тосковать.
О, не будьте же жестоки,
Не гоните прочь любовь,
И певцу вы подарите
Надежду на покой!

Извините, если стансы (или стоны)
Ваш нарушили покой,
Извините, если волны
Скроют труп мой под рекой...

Вы позвольте изумиться
Вашей милой красоте
И откровенно вам открыться
В душевной простоте.
Любя вас, готов на жертвы...
И несу к ногам я вновь
Со смирением душевным
Сердце, пламень и любовь.

(Записано в Москве в 1909 г. от холодного парикмахера Ивана Трефиловича Рогаткина.)

Фиалки цветут в полуденной тиши,
Овечки идут в зелены камыши.
В кустах на берегу трели льет соловей,
Луна бледный свет ло́жит средь полей.
Розы нежно маня́т ароматом меня,
Две гитары звенят — я пою для тебя.
Серенады привет в свое сердце прими
И поэту ответ с лобызаньем пошли.
Меня острой стрелой сильно ранил амур,
Я певец молодой и твой навсегда.
Ах, раздивная ночь, ты терзаешь, томишь
И в любовные сети мою душу ловишь.
Согласитесь, Мари, навсегда быть моей,
На любви алтари я склонюсь головой...

Посвятил на добрую память сей романс Марье Ивановне Потопаевой.

(Списано в 1907 г. в Нижнем Новгороде из альбома для стихов дамского парикмахера Петра Ивановича Свешникова, работавшего в салоне Шнейдерова для стрижки и завивки волос.)

Романс «Он не красив, но очень симпатичен...»

Он не красив, но очень симпатичен,
В его устах сквозит любви привет...
В речах всегда был Поль нигилистичен,
Дарил Марьете из цветов букет.

Припев:

Ах, прошли эти чудные ночи,
Когда жгли меня карие очи,
Когда с неба светила луна —
Тра-ла-ла, тра-ла-ла!

Он объяснить страданий не был в мотивах,
А в день один он порешил с собой —
В висок наставил дуло револьвера,
И кончилася жизнь, разбитая карьера!

Припев:

Ах, прошли эти чудные ночи,
Когда жгли меня карие очи,
Когда с неба светила луна —
Тра-ла-ла, тра-ла-ла!

(Записано в 1907 г. от бродячего цирюльника Ивана Ивановича Седова, на пароходе по пути в Казань. По объяснению И. И. Седова, романс этот был сочинен неким казанским парикмахером Касаткиным.)

Романс «Удалитесь к себе и оставьте меня на покое...»

Удалитесь к себе и оставьте меня на покое,
Здесь святая обитель, божий здесь монастырь...
Розы в клумбах, цветы и левкои
Не зовут меня в жизненный пир.
Удалитесь, прошу!
Тишину я ищу...

(Записано от того же И. И. Седова.)

Несомненно, из подобной серии стихотворений:

На вашем пальчике колечко — драгоценнейший супир,
А я страдаю без надежды, проклинаю весь мир...
Ваш папаша гонит прочь меня,
Мне все едино, когда хрюкает свинья.

(Списано в 1909 г. во Владимире с садовой скамьи.)

Большой популярностью пользовались в парикмахерской среде еще следующие, распевавшиеся под гитару, романсы:

АНДАЛУЗКА

Про Барцелону вы знавали?
Там андалузка есть одна...
Так смугловатого лица
Ужель ее не замечали?
Как вечер осени прекрасной,
На небе рдеющий, бледна,
Вы не заметили — напрасно!
Та андалузка-то моя,
Моя красавица царица,
Моя подруга, моя львица,
Моя наперстница любви,
Сама маркиза Амегви.

МАРКИЗА АМЕГВИ

Когда твои волшебные глаза,
Под сеткою воздушного покрова,
Пылают, меркнут и пылают снова,—
Ты знаешь ли, какие чудеса
Совершаются в Кастилии тогда?
Все юноши послушною толпою
Бегут, о, андалузка, за тобою,
Но счастлив тот, кому наедине
Дано с тобой беседовать, как мне,
Делить мечты и утром в час свободный
Твоей красе дивиться благородной,
И с милой не сводя очей,
Любить ее все больше, все сильней
И лобызать у ней края одежды!
И в сладком сне, с пленительной надеждой,
Склонясь к тебе, я таю и пою
Страсть юную и тихо говорю:
«За стройный стан, за локон твой единый,
За чудный взор, за голос лебединый,
За поцелуй, за миг твоей любви
Отдам всю жизнь, все радости мои».

МЕРСЕДА

Зачем глядишь так жадно вдаль
И руки жмешь себе напрасно,
Ужель узнала ты печаль,
Ужель ты любишь сладострастно?

Нет, этого не может быть!..
Ведь ты чужда для упоений,
Кого же можешь ты любить,
Не зная здешних наслаждений.
Я слышал верное преданье:
Что есть волшебница одна —
Дано Мерседа ей названье,
А жизнь ее для нас темна!

(Слышал их исполнение неоднократно на свадебных вечеринках у парикмахеров и портных в 1905—1909 гг.)

Делая попытку записывать беглый разговор старых парикмахеров, которые часто еще встречались в период 1905—1912 гг. (производившийся с целью занять, развлечь клиента, вызвать его особые симпатии к себе и получить, благодаря этому чаевые), я убедился, как и во многих других случаях, что задача эта не из легких. Приходилось заниматься записью во время какой-нибудь процедуры: бритья, стрижки и т. п., причем мастер, стоявший за спиной, при первом появлении в моих руках блокнота, увидев его, настораживался, старался прочитать заметки и делался «аккуратным» в разговоре. Волей-неволей многое восстанавливалось при выходе из магазина-парикмахерской просто на память, и этим объясняется некоторая неполнота, неточность и отрывочность части материала, сохраняющего все же свой типовой колорит.

Зовут-с меня Андре-иси, с клиента на чай не проси,— сам за невероятное совершенство даст!

Стрижем — бреем, воду греем, усы завиваем, банки наставляем!

Кому за гривенник, кому за пятиалтынный, а почтенным и хорошим господам за рубль!

(Сходное встречал и у других профессий.)

Он вам, не умеючи, господин хороший, головку не завьет... После не размочите и в бане кудрей.

Можно из ваших, мадам, волос сделать перину пуховую для супружеского спанья. Все не надивуются! Весьма красивую прическу — в подъем спере-

ди, на волну с итальянским пучком взад и бочка попышнее, как будто растрепаны от негляже. На ночь в салфеточку обернете, а с утра опять поправим!

По-французски я не говорю, а есть у меня знакомый из французской парикмахерской Бодэ. Он тоже не говорит, а понимает, если к слову знак показать...

Сюпрефуа, как вышло. Можно к кавалеру с таким причесом без стыда ехать!

Зазевался в приятной беседе с клиентом, и можно ай какого вреда наделать. Был случай клиенту ухо ножницами надрезали. Кончик правда, а большая была обида от них...

Ему не людей, а свиньям щетину брить на копытах!

Ах какое усовершенство природы и искусства их в натуре декольте. Могу назвать — безмятежная грусть для нас, глазами видящих и не могущих примыкать. Сплошное колебание всех семи чувств натуры... Можно за показ деньги брать! Когда их чешем, то рядом мамаша сидят и распоряжаются, глаза и то боимся опускать куда не следует. Ясновидение невозможное! Парикмахер у них нипочем: за человека его не считают, а как кресло или ломберный стол. Вот невеста для такого, как вы!

Если парикмахер французские слова или говорить знает, большая ему цена в хороших купеческих домах. Зовут даже на балы и велят в передней громко с прислугой разговоры произносить, чтобы все слышали. И не о чем, а говори... Очень удобно, если два промеж себя по-французски спорят. Можно что и приврать, понимающих-то нет! У нас Степан бормотать целый час может, а кто его знает что? Один сладит и в два голоса. Его у нас французом зовут. Сегодня его нет — с похмелья поправляется. Очень сердится, если его «куриный потрох» назвать. Его на свадьбе раз — неудобно назвать фамилию

кто — в насмешку куриными потрохами под соусом башамель накормили до того, что человек чуть на тот свет на пошел. Чего-чего не было, чуть не вывернулся, как кулек. Объелся, а его все потчуют и потчуют, просят хозяева с поклонами и гости по очереди. На свадьбу двести человек звано было, и каждому в расход по курице. Степка-то от всех, надо сообразить, и съел пупки-печенки с головами. Нарочно велели варить ему! Ешь, говорят, по-французски это «кок» называется. Если ему про курицу или петуха что сказать, плюется — слышать и видеть птицу не в состоянии. Вот до чего довели! За это ему от молодого тройку пиджачную справили из отреза в серую клетку и пальто с своего плеча сдали... Деньгами только пятнадцать рублей! Советовали к мировому подать, да высудить ничего нельзя, а знакомство потеряешь! Жена плачет: «Степана,— говорит,— моего с его французским разговором скокали, а теперь и вовсе с дороги сведут!» Потеха-с!..

Вам, господин, надо поберечь волосики, а то женщины теперь на волос первое дело смотрят. Давайте головку вымоем?

Я вас десять лет стригу и моложу, пора бы и юбилей мне справить... Устроили бы небольшой водоворот с белой головкой * и с хорошим сервиром!

Невероятие в обороте, а не мастер!

Атансьен, не торопе́!..

Иси́ компа́с!

Леже́ бомбе́, займёмся в основание!..

Васька, голая сволочь, почисть пальто клиенту! Заснул или с дурью разбился?

Хавроньин дядя, хрюкалка — вот кто мой хозяин!

На китовом усе самая приятная семейная дамская прическа!

Усики сделает с поджарочкой на ангруазе!

Василия Ляпунцова школа — все красавицами уходят. Другую муж дома признать за свою не в состоянии без свидетелей!..

Спросите его, как они ломового извоза промышленника в бане зарезали ошибкой, когда банки ставили. Очень сердятся!

«В вашем юном совершенстве я нашел свою любовь, ах как больно мому сердцу загораться от любви вновь!» Это был у нас «парикмахер на дома» Василий Попов, дерзал мадамам такие стишки в глаза говорить. Смеются, и больше ничего... Работу его очень высоко ценили, мастер был первый!

Такое-то лепепе́ и наш мальчик сочинит. Это не прическа для приличной дамы, а растрепка — на смех!

Модные теперь пошли — никуды мастера. С рук, бывало, зад на стрижке снимали, а они норовят машинкой. Через день-два волос прорастет, и фасону опять нет. Им бы поскорее, да с благодарностью... Учиться нет желания, а все: фик-фок на один бок, да шерсти, с кого можно, клок...

Недостаток у Ивана Трофимыча в дамской работе: перед вытянет, а зад спрячет. Манера уж, что ли, такая, сколько раз ему говорили, а без толку. И сердились тоже клиентки. На глазомере, видится, у него бельмо от отцовского для материного брюха кулака!

Чем стриг — не знаем-с, а брил их, видно-с, тупицей, или лошадиным скребком!

Я не какой-нибудь с улицы, я ихнево папочку к свадьбе с мамочкой причесывал и клал им волосы на кок... Как сейчас помню — чуть не тридцать лет прошло,— а они мне комфорку вставляют...

Брекосе́, или брике́, называлось волосы на лоб спустить. Забыл! Если овцу паршивую стричь, то, известно, перхоти с нее не оберешься.

Они головку тоже позапустили. Неловко — чешешь, а по пальцам убиваешь, на щипцах от жара щелкают...

Гнида-с тоже вошью беспременно будет... Первый дамский она враг в прическе... Никак ее не выбрать!

Мы в отдельном зале таких справляем и волос от стрижки бросаем на двор — в яму. Пчелиный улей, а не голова у другого, только и разницы, что меду нет!

Отчего и не почесать головку, если чешется только ручкой — это для гостей неприлично, и прическу собьешь. Надо лопаточку выстрогать на длинной ручке. Гусев такое для продажи по секрету делал, заказывал столяру...

Вошь убить можно керосинным обращением... Запах держится долго, ничего не поделаешь.

Вошка в головке даже к богатству... Примета такая!

Вошка и гнида — даже людям хорошим не обида. Без них ни один человек не обходится!

Целовать их может сам Пепко, и даже крепко — волос не растреплется!

Обламонище! Ему по баням баб завивать ходить, а не в салоне куафре работать. Сам в баню идет, а башку себе помадит и усы на папильот берет...

Старый тоже будет наш мастер... Он из Ноева ковчега в потоп всемирный, вместо голубя, на землю летал!

Что Марью Паловну чесать — льву американскому можно гриву в порядок произвести! А ведь при самом — во какая тихая!.. Сидит, губки прижмет, будто ангел в бархате. Надо полагать, что укротитель не из плохих...

Рук хороших нашему брату не покупать!

Ах какие бесстыжие, ах какие бесстыжие! При горничной в ванне зовут и в разговор вступают. Точно мы истуканы или вообще никакая вещь. Чеши им, в таком неловком положении, волос. Велели раз при мне спину даже протереть уксусом — от прыщей...

Натура природы живого существа ваша прическа...

Они сами из себя при красоте фризюра выходят и всех с ума сводят...

Я многочисленный отец семейства, и приходится всех в дому не только питать-кушать, а и стричь...

Он и сейчас еще лечит. К нему, по старой памяти, от геморроя обращаются, от пота ног и чтобы волос не падал с головы. Очень уважаемый мастер! Заговор знает — как руде не течь...

Ваша любознательность приводит в приятное состояние. Заинтересованность какая от нашего рассказа! Из нашей жизни роман можно выписать...

В носе у Маргариты Петровны некоторое увеличение от природы. Никакой наколкой его не спрячешь. Я им под Клеопатру делал пробор — спереди...

Мозоли дело большое — от них походка зависит!

Фонтанель? Как же, помню-с, только не видал. А вот пластырь ставили из красного перцу с горчицей на родинку. Это как сейчас... Нарвет от него, и волос лезть начнет, а после пятнышко...

Гарсон, апорте ло́!.. Живее, дурак, черт!.. Вытаращил глаза!..

Нас вот как делу учили: заставят мальчишку по пустой болванке ножницами хлопать, а мастер по рукам тоже чем попало хлопает. Три месяца так, по-

том в пятачковые бани гонят кого попало стричь и в магазине клиентов попроще. Кормили всяко... Ученику много жрать не полагается, ученье в голову не пойдет, а в брюхо... Меня раз в наказанье хозяин, выпивши, кошке хвост заставил остричь. Она черябается когтями, а ты — стриги...

У Ивана Степаныча на шее родинка — точно мышь, и с шерстью. Это их секрет, они галстуком закрывают от взоров. Мы ее брить пробовали — хуже делается и чувствительно прорастает. Вы никому только не скажите, обидеть можно человека!

Лукич — он охотник. Набьет галок с мартышками и кормит мастеров. Кто этого не знает! И вы знаете? А очень в разговоре рассудительный человек. Как на охоту — так мастера три дня после в харчевню есть ходят. Брезгают поганью! На охоту он больше водку, я полагаю, пить ходит. Дома жена не дает. Уж какая парикмахеру охота! Магазин у него, чего говорить, хороший и при месте...

Ах какой был обходительный с клиентами! Ночью ему позвонят, сам встанет в халате и в порядок приладит. Прямо из ресторана или трактира и к нему. Этим и брал! Домой-то нельзя в безобразном виде к супруге прийти. Сперва голову освежит, спрыснет на нее тройного одеколона, причешет, щипчиками пройдет... Потом тазик велит подать и свои два пальца им в рот. Право же... Он как доктор был, по-ученому... Выпростает все лишнее, побреет, попудрит и иди домой, говорит, в полной исправности. Пилюли какие-то давал еще глотать, сам их и катал из хлеба с порошком. От этих пилюль-с человек, простите меня за выражение, как лошадь, ржал и супругу со страстью к сердцу был прижать готов. За такой визит не меньше пяти рублей! У него мальчики с тазом по трешке получали благодарности. Тем и вышел! И по красненькой, бывали случаи, платили. Только прими! Домик нажил и второй магазин...

Ах какое событие у них в Иваново-Вознесенске было! К ним господин Кудрявцев, лет двадцать назад, с оркестром в магазин приехали и стриглись под музыку. Всех угощали, а потом просили банки музыкантам ставить. Только не все соглашались, и то за деньги. Ставили ведь... Ах какие чудаки бывают! Двух подмастерьев заставили, без уменья, в медные трубы дуть и зонтик в комнате раскрытый над головой держать. Реклама фирме большая!

Кто помирает, тому червячков водяных хозяин, бывало, и поставит. Многие отходили, а кто и успокаивался...

Просечки при банках ошибались — тоже было. Возьмем, бывало дело, да прямой бритвой и прорежем отдувку до мяса, а потом банку...

Завивка разная: можно завить круто, волос прогнуть и конец в кольцо, можно волну положить. Что хочешь — все в руках у специалиста и в добром пожелании...

Одной госпоже он кровь ходил, по совету немецкого дохтора, пускать на дом, ко вдове. И гитару к тому для упоения брал... Вот магазинчик и приобрел. Не то-с от крови, не то-с от гитарной музыки-с, а мы знаем-с от чево-с. Интальянцкий музыкант!

Из уважения к усопшему покойникам усы, бороду чесали и волосы клали, как в жизни...

У нас был один мастер, очень ученый и солидный человек-с. Хорошо пел романсы и приятно управлял танцами-котильоном. Звали его и на прическу и на вечеринки в дирижеры как бы. У них голос был, по названию — благородный тенор. Лансье знал там польку-грацию, и все... Да-с! Панкратий Ильич Но-

восельский, из духовного звания происходил. Сын священника, сам был в двух классах семинарии, но восхотел светский путь совершить... Городской голова Петр Семеныч у них всегда брились...

Священников стричь нельзя по положению и брить неловко. Они дома, как бы никто не знал, сами через матушку делают... Молодые даже завиваются против совести!

Чай у нас два раза в день с хлебом и обед от хозяина — что сам ест, только похуже. На второе каша-размазея с салом, а себе что жарят!

Кто, говорит, я? Я третьего твоего отца от второй матери седьмой сын! Так и выразился! Не седьмой, говорят ему, ты, пьяница и вор, сын, а материный сукин сын. Ловко ответили?

За такую работу полагается в три места: в харю, в спину и в двери.

Вот он работник какой! Чудо чудес! Танцует у клиента на голове, а не стрижет... В польской, варшавской, парикмахерской учился! Двадцать пальцев на одной правой руке! Вот что могу выразиться...

Пьяный он лучше тверезого работает. Его напоить вначале надо...

Табак нюхать мастеру грешно. Из носу капает, того и гляди клиенту причинишь беспокойство!

У нас деликатное положение: при дамской работе к стулу не прижиматься!

Раньше цирюльники в банях и парили сами с хлебным духом. Банщики у них из рук это выбили.

Ларькин совершенствователь! По пьянке тоже от них не отстанет...

С мозолями чудно случилось... Одному свели их с корнем с семи пальцев и от подошв две, а он пришел — и в сердце. Так, грит, вашу распростак, делай сызнова мне мозоль на всех пальцах! Мы инда в уме все не сообразим, чего человек хочет. Думали — пьяный! Вывели, ослобонили, а он просит. Походка, грит, у меня через край легкая стала, без солидности. Не то хожу, не то пляшу, ровно не в себе! Двадцать два года их носил, а теперь — на вот, как мальчишка. Заверяю вас, что правда была, если не верите! Ему наш Петр Семеныч угадал и посоветовал каблуки тяжелей сделать и подметки тройные для весу. Послушал... Чудаки люди бывали. Спасли от страданья, накрик кричал, благодарил чуть не в слезах, а потом посади опять... Глупому и по́мочь во вред!

Иван-цирюльник, по секрету вам, двадцать три года к одной ходил. От детей ее опоражнивал... Такое свойство знал! Вот в какие секреты проникал! Умер лет десять назад. Уж как его все жалели — слов нет! В богатый дом детей на воспитание взяли, а супругу экономкой во вдовью палату...

Из непригожего, поганого места волосы тебе выдирать, а не брить! Пошел вон из магазина, дуралей! Расчет на получи!

Бородавку пустяк один свести! Сало свиное с солью, сочек от цветка подорожника желтого. Вот и все! Никакая бородавка не устоит. И за это деньги наживали...

Москва, наша столица,
Всем-то хороша,
Любая в ней девица
Знает антраша.
Магазинов весьма много,
Что хотите здесь найдем —
У парикмахера француза
Себе волосы завьем...

Так про нас куплетист один пел у Черепанова, а я запомнил.

Турка все нам дамские дела сбил.

Ах-с, марси вас, марси за похвалу, много раз марси! Приятно, что угодил!

Мальшик, шипсы́ апорте́ дусма́нс иси́!

Сервье́т иси́, воды горячей! Апорте́ вит пур месье́, кана́йль!

Эх, сударь, Волга-то пятится или нет? Нет ведь? Так и мы молодыми мастерами не будем. Помогло бы честными помереть! Новые науки нашей всей не превзошли. Мы и ногти на ногах с мозолями при банях стричь учились, и банки становить, и пиявок к делу применять, а побрить и постричь, и попричесать, и где опять же кому как полечить. А к тому и обращение с клиентом нам внушалось. Многие науки знали. Зубы доводилось рвать и иметь благодарствие... Мальчишкой я в бане, сударь-господин, мозоль неловко человеку, ремонтеру * Ивану Павлычу Порфилову, порезал, так меня, извольте знать, били. Иван Павлыч стукнули два раза, потом пожалели и пяточок на калач даже подарили, банщик поприбил, по снисхождению, не прытко, хозяин, а еще папаше нажаловался. А папаша строгонек был, ручку имел фунтов пять — без бумаги оберточной. Теперь-то и пошутить можно. Вот какое учение проходили, вот как-с в люди стремились! Цветущей сиренью воло-

сики вам спрыснуть? По рукам еще очень били, кто ножницами нащелку не знал и не скоро способствовался... А без нащелки клиент заскучает — нет в мастере колеру! Усики подровнять? Сирени цветущей — духов и одеколона тогда и не было вовсе. Предпочитали мужчины-господа «мускус-амбре» и «настой пачулей» или «китайской розы». Называлась «Розалия супе́р» или «супер», точно не могу высказать. Дамы шли на «Фиалку горных альп» и на «Виолет де парм» — лунная ночь. Дорого стоили! В хороших магазинах курили «монашками» и смолой с берестой. Многие очень запах этот любили. В костюм войдет и никак его после дня три... Ах, забыл, совсем забыл! Были еще духи, извольте видеть, «ласточка» с надеждой. Картиночка: пичужка летит над морем с волной, а в клюве ее якорь с цепью. На свадьбах дарили молодой. Два двадцать пузыречек — так себе... Сам крепостного права был до тридцати годов, при барине исполнял мальцом услуги, а потом отдали учиться на мастера. Шесть лет был в обучении, и домой не пускали, раз всего пешком гулял сорок верст в два конца и гостил дома неделю... Папаша были в столярах на оброке...

Иван Иванович Посо́шек
Сегодня очень не здоров —
Не спал он ночь от разных мошек
И от укусов комаров...

Хороши стишки?.. Хе-хе... хе... Это один клиент про нашего старшего преподавателя, мастера-чеха, сочинил. Мы все себе записали. Он, видите, вечером пьет один на один, а утром на работе всенепременно. Только очень сердитый, под руку не попадайся... Летом Иван Иванович очень на мух смешно сердятся! Гоняют их, а они липнут. Один мастер придумал крылья им обрывать да на шею и лысину бросать. Так Иван Иванович всего себя исколотил, ловивши!

Ах какие полосаточки в Петербурге были! Чудо одно! За одну такую меня один фершал чуть шнипером не убил, а я ему таску задал.

Простудились? Хорошо бы вас в баньку на горячий полок и баночками сухими прососать. А еще лучше — кровь повытянуть с просечкой...

Владимир Ильич сами им ключом дергали, а Петька, их помощник, «козью ножку» подковыривали. Они дело делают, а Федот Иваныч их бьет. Вот какая работа была — тебя бьют, а ты терпи и пользуй без ошибки от боли!

Подгулял, сударь, ваш шиньон — полысели!

«Амбрэ́ виолет» всем духам изволю предпочитать — у меня пиджак ими по полмесяца пах, даже тошнило жену! До того сильный дух, что тошнило. Вывешивали на мороз, бывало дело, по семейной истории, костюм. От кого чем пахнет: от повара флитюром, от мастера-парикмахера — приятностью...

Он из николаевских солдат, хозяин мой, был. Бывало, скажет: «Фортификацию тебе показать за твою лень?» И покажет! Шею два дня не согнешь. А то еще плеска называл «картечь на россыпь». Мальчишкой я тогда был в тринадцатом году и картечей этих наглотался досыта... С двух сторон, злодей, норовит. А, дай ему царствия небесного, в люди вывел, рекомендацию на Москву дал и при расставании угощал дреймадерой...

От твоего, говорю им, почтения пятки к сапогам примерзают! Вот оно как нам нужно... На чай или к празднику разу не было дал бы... А три дома своих двухэтажных, один — в три, в банке — не сосчитаешь сколько... Это их алчная скупость съела!

Лучшие мастера пили больше «ого-лафит», «кларет» и «лисабонское» — при выручке. А перед началом «долговки» с колбаской и огурцов «подновских»... Это называлось — погулять по воде...

Пятнадцатый год я их при бане полосую — и здравствуют!

Они, Семен Потапыч, из своих рук на своей свадьбе нашего мастера Порфирия Иваныча двойным кумиль-дупелем даже угощали... Очень крепко и сладко!

Рано тебе в мастера — шпильки потаскай годика с три, прыткач!

Жакель его в Леоне, вот что я, господин добрый, придумал! Не дал он мне, Жакель Леоне, у себя послужить. Говорит: вид у тебя не комильфо. А чем вид? Вам что не нравится во мне?

Хорошо насосали Павлу Николаичу пиявки... Под залог домов стал деньги давать. Вот какие дела!

Я тебе, сукину сыну, что велел подать? Апланте́! А ты, дурья башка, косу женскую из шкафа снял? Новый у нас ученик, ничего еще понять не может. Придется самому вам показать, что за апланте́.

«Бель-де-меф» — фиксатуар из копытного клея считали лучшим! Другую щетину никак без него не приложить!

Павел Николаич Артемьев у нас до того большой человек был, что из розового мундштука янтарного сигару курил!

Вывесочка у них замечательно искусственная была — художественная дама в шиньоне и с нежной улыбкой...

Могу вам перечислить из причесок женских: «с локонами», «восьмерки», «греческие» — сам первый их ввел, «ампир» и завивку «андулясьон», изобретения французского парикмахера Марселя. Была очень выгодна для нас и спрос на работу подняла — ни одна сама не причешется! «Постижи» еще были...

Эй-х!.. Пролетел! (Про не дающих на чай.)

Обдери его, жаднюгу, побрей, черта, до зубов!

Василий Иваныч все норовит с пудреными париками к Шварцу поехать. Мастер по двум статьям!

Вот ты и поспевай, было дело,— сегодня тебе локоны с «Люсьен комо» все требуют, навострил руку на них, а через год, гляди, на «итальянку» опять тянет. А опосля «итальянки» валик на перед вкладывать. Искусство немалое, всю жизнь в новом совершенствуемся!

Брали мы: в магазине даму причесать — рубль, в войну с немцами — два, а на дому — три и пять рублей... Выгоднее всех были невесты: на дому десять, а по соглашению и сто рублей, если провожающих к венцу много. За счет невесты они шли и сами в этот день, женихам старались понравиться. Тонкое было дело!..

Персидская пиявка злее и чище нашей — конской. Бабе своей приставь к языку — вежливей станет...

Ларька у них был в Питербурхе, пьяный — и то о банках и пиявке имел здравое рассуждение!

На прислугах учиться девиц благородных причесывать!

Ящичек, извольте знать, самое для клиента оплетистое дело. С него в кармане лысина делается, а волосы к хозяину на голову идут!

До чего французы-с народ хитрый! Из лошадиных копыт «Бель-де-меф» готовят и для головы за цену продают. Вот у кого поучиться-с!

Эх, глиняная крышка к худой банке! Фиксатуару наложил, что только пудрой смыть... Вежеталем его не снять. Навертка вшивая!

Крутись не крутись, а в картонку сядешь!

Как купца ни величай, а всего пятак на чай. Хочешь и кофий на него пей — твое рассуждение и дело...

И очки наш Иван Петров! Пришел плешивый, а он говорит «позвольте щипцами волосики завить»? И, что думаете, подвил бока! Мы со смеху чуть не перемерли. Вот вертушка!

Раньше чесали еще круглой щеткой на ременном приводе под потолком. Только это запретили, говорят, для волос не здорово. У других и впрямь, у кого лезут, начешешь цельную горсть; и ресницы, бывали случаи, обдирали. Это, можно сказать, испытание из тысячи и одной ночи. Все хозяева для кармана старались... Хозяин — к деньгам, а деньги к карману, а карман всякому хозяину хозяин!

Щипцы, дурак, холодные подаешь! Такими щипцами мотню тебе на штанах пригладить... Избаловался мальчишка от посетителей...

На твоей болванной башке стричь учиться — больше никуда она! Какой ты такой будешь мастер? Овец стричь?

(Записано в период 1905—1915 гг. от разных лиц в Москве, Казани, Нижнем Новгороде, С.-Петербурге, Арзамасе, Иваново-Вознесенске, Владимире и Балахне.)

Пояснение отдельных слов и выражений

Водоворот — выпивка.

Сервир — закуска.

Иси — в понятии старых мастеров-парикмахеров поспешай.

В подъем спереди — женская прическа на валик.

Итальянский пучок — женская прическа из заплетенной и уложенной сзади особым фасоном косы.

Негляже — небрежно (negligé).

Сюпрефуа — великолепно.

Причес — прическа.

Щетину брить на копытах — не уметь исполнить самой простой и несложной работы.

Колебание всех семи чувств — общее сильное волнение.

С похмелья поправляться — пьянствовать.

Каждому в расход по курице — на каждую порцию курица.

Сдать пальто с своего плеча — подарить свое поношенное пальто.

Укокать — довести до крайне тяжелого положения, иногда убить.

Свести с дороги — сбить человека с работы.

Мотня в штанах — зад.

Болванная башка — деревянная форма, на которой учатся стричь.

Смыть пудрой — густо напудрить жирные волосы и тереть их руками до тех пор, пока не скатаются сухие шарики из жира.

Навертка вшивая — бранная оценка работы мастера.

Сесть в картонку — не получить на чай.

Крутиться — стараться.

При устьинских банях гнид на аркане ловить — цирюльничать при московских дешевых банях близ Устьинского моста.

Очки — плут, насмешник.

Вертушка — чудак.

Невероятие в обороте — очень расторопный, или умеющий дать доход магазину.

Атанъсъен, не тороне (не торопите) — подражание языку французских мастеров-парикмахеров.

Компас — щипцы для завивки.

Иси компас — подай поскорей щипцы.

Леже-бомбе — особый вид завивки.

Заняться в основание — приложить все старания.

Голая сволочь — несчастное, дрянное существо.

С дурью разбился — одурел.

Хавроньин дядя — боров; *хрюкалкин* — то же.

Семейная прическа на китовом усе — женская прическа с подкладыванием, вместо валика, согнутого китового уса (считалась удобной, прочно державшейся и легко поправляемой своими силами).

Усики с поджарочкой на ангруазе — усы, закрученные с помощью специальной помады «ангруаз» и завитые сверх того для придания твердости щипцами.

Зарезать во время ставки банок — сделать при ставке банок неправильные, вредные порезы кожи просечкой.

Мастер на дома — мастер, ходивший по приглашению на дом.

Лепепе — плохая, наскоро сделанная прическа; *растрепка* — то же.

С рук на стрижке зад снимать — стричь затылок руками, ножницами, а не машинкой.

С благодарностью — с чаевыми.

Фик-фок — выражение без определенного значения.

Бельмо от отцовского для материного брюха кулака — окривел еще тогда, когда был в утробе матери, битой отцом по животу.

Глазомер — глаз.

Тупица или *косарь* — железный нож для колки лучины.

Комфорку вставить — расхаять работу.

По пальцам убивать — убивать ползущих по пальцам вшей.

Керосинное обращение — смачивание от паразитов головы керосином.

Лопаточка на ручке — длинная палочка с расширением на конце, служившая для почесывания при укусах паразитами головы, украшенной замысловатой парикмахерской прической.

Обламон — бранное слово, нечто вроде неуклюжий.

Куафре — неправильно произносимое «куафюр», т. е. прическа.

По баням баб завивать — ходить по номерным баням для поправления причесок после мытья (считалось делом позорным и не всегда соответствовавшим прямой специальности).

Брать усы на папильот — завертывать для фасона усы на закрученную бумажку.

Руда — кровь.

Прическа под Клеопатру — тип женской восточной прически с пробором посередине.

Ло — французское l'ean — вода.

Красненькая — десятирублевый государственный кредитный билет красного цвета.

Водяные червячки — пиявки.

Матушка — жена священника.

Двадцать пальцев на одной руке — высшее определение ловкости и умения мастера.

Танцевать на голове у клиента — стричь с исключительной ловкостью.

Парить с хлебным духом — парить, поливая на каменку для запаха хлебный квас.

Турка все нам дамские дела сбил — воспоминание о падении, ввиду безденежья, парикмахерского дела после турецкой кампании.

Мальшик, шипси апорте дусманс иси — исковерканная французская фраза, смешанная с русскими словами, «мальшик» — мальчик; «шипси» — щипцы; «дусманс» — французское doucemans; «апорте дусманс иси» — неси сюда осторожно. Подобные фразы произносились по шаблону для шика русскими ма-

стерами, работавшими при французских магазинах, например apportez vite — живо принесите *(франц.)*.

Пур — с французского pour — для.

Канайль (canaille) — понималось в значении русского «каналья», хитрец, плут.

Нащелка — щелканье ножницами, которое некоторые парикмахеры доводили до степени жонглерского совершенства.

Способствоваться — совершенствоваться.

Колер — исковерканное французское couleur — цвет, в данном случае — искусство.

Шнипер — особой формы нож, которым цирюльники пускали кровь.

Полосатки — особое прозвище работниц старого Смольного института.

Таска — трепание за волосы.

Сухими баночками пососать — поставить сухие банки.

Кровь повытянуть с просечкой — надсечь кожу особой машинкой и поставить кровососные банки.

Шиньон — искусственная наколка из волос на женскую прическу, в шутку шиньоном называли иногда и просто волосы.

«Амбрэ виолет» — название вышедших из употребления духов.

Плеска — пощечина.

Дрей — мадера.

Ого-лафит, лиссабонское — сорта вин.

Кларет — игристое красное вино.

Долговка — водка завода А. В. Долгова в Нижнем Новгороде.

Подновские огурцы — огурцы из слободы Подновье близ Нижнего Новгорода, где население сплошь занималось солкой капусты, яблок и огурцов в выдолбленных тыквах.

Полосовать — просекать кожу для кровососных банок.

Ключ — «козья ножка», инструменты для выдергивания зубов.

Шпильки таскать — подавать шпильки во время работы над прической женщин.

Шварц — владелец публичных домов в Москве и Нижнем Новгороде.

Люсьен комо — прожиренная вода для волос.

С локонами, восьмерка, бант, греческая, крокиньоль, ампир, a'la Tatiana — разные типы женских причесок.

Постиж — искусственная женская прическа.

Апланте — мужская накладка на лысеющие части головы.

Парфенис, ром окенкина, прис, бель-де-меф, обиганы, ангруаз, крем саво, или савон,— названия заграничной парфюмерии, обычно произносимые на русский лад.

Пьер Иманс — поставщик восковых кукол для витрин.

Пелерай — поставщик парикмахерских инструментов.

Лятуш — поставщик локонов.

Эйх — брань, перенятая от немецких мастеров, по адресу клиентов, не дающих чаевых.

Ободрать — плохо выбрить.

Побрить до зубов — побрить так крепко, чтобы зубам было больно.

Феан — электрический прибор для сушки волос, фен.

Доставить двадцать четыре удовольствия — использовать всевозможные процедуры и тем увеличить доход магазинов.

Сделать кассу — то же.

Выставить — заставить произвести расход.

Болванки — манекен для хранения и натягивания париков.

Кум иль дупель, Дюппель Куммель — сорт ликера.

Павел Николаич — московский цирюльник Павел Николаевич Артемьев, разбогатевший от своего дела.

О быте старых столичных цирюльников и парикмахеров я получил интересные материалы в 1933 г. от одного из их представителей — маститого Павла Петровича Кожина-Дмитриева (по вывеске — Поля). Воспоминания его касаются 70-х гг. прошлого столетия и связаны с С.-Петербургом и Москвой.

Большой популярностью в те времена пользовался в С.-Петербурге фельдшер (цирюльник) Никандр Иванович Олимпиев, приехавший из Севастополя и открывший свое заведение близ Смольного института. К нему направляли для учения мальчиков-под-

ростков, которые, пройдя тяжелую школу своего преподавателя, разбредались впоследствии по различным городам. Занимался Олимпиев преимущественно оперативным цирюльничеством: ставил сухие и кровососные банки, пускал шнипером кровь, пользовал пиявками, рвал зубы. Об этих лечебных процедурах нужно сказать несколько слов. Цирюльничьи банки были стаканчиками с выпуклым, округленным дном, в котором имелось отверстие с краями, плотно затянутыми лайкой, которая снималась и, при надобности, вновь натягивалась. Сухие банки ставились просто: прикладывался стаканчик к телу, снималась лайка и цирюльник с силой губами втягивал в нее кожу, после чего вновь плотно прикрывал отверстие. «Отдув» наливался кровью, синел, и это считалось, как и сейчас, средством от простуды. Ставили такие банки чаще всего на спину — от десяти до двадцати пяти штук.

Кровососные банки представляли более сложную процедуру. Сначала наставлялась сухая банка, срывалась и на опухшее место накладывался «штуцер» с двенадцатью топориками, ударявшими одновременно при нажимании кнопки. Штуцером называлась металлическая квадратная коробка с пружиной внутри, механически приводившей в движение ряд острых ножичков, быстро появлявшихся и исчезавших в специальных отверстиях. На надрезы вновь наводилась банка, воздух из которой опять вытягивал или, как говорил Павел Петрович, насасывал губами цирюльник. Когда банка наполовину заполнялась кровью, операция считалась законченной. Были особые любители этой операции, лишенной основных правил гигиены, за исключением, впрочем, прикладывания водки или спирта к порезам.

Постоянными клиентами парикмахеров-фельдшеров были грузчики хлебоссыпных элеваторов, расположенных в С.-Петербурге на Калашниковой набережной, резиденции богатого купечества. Рабочие, изнурявшиеся от непосильной, тяжелой работы, когда не разгибалась от продолжительного ношения кулей поясница, обязательно заходили к цирюльнику и просили «пустить кровь». Банки не удовлетворяли их, и специалист прибегал к казавшемуся ему наиболее радикальным приему. Пациенту туго затяги-

вали жгутом руку повыше локтя и ударом ножичка, так же как и в «штуцере», имевшем вид топорика, но носившем название «шнипера», надрезали сосуд. Из последнего била фонтаном струя крови, «принимавшаяся» помощником оператора в таз. В руку пациента давалась еще палка, которую он, усиленно шевеля большим пальцем, сжимал и тем увеличивал кровопускание. Весной, перед началом горячих сезонных работ, в цирюльнях обязательно появлялись почти все грузчики. Каждому из них выпускали от одного до трех фунтов крови, причем оператор брал каплю на ноготь и проверял на глазок ее клейкость и чистоту. Жидкая, прозрачная кровь давала основание прекратить операцию, густая и темная — продолжать. Цирюльники уверяли при этом, что от ношения тяжестей в пояснице образуются сгустки, которые они и удаляют описанным способом перед началом сезонного дела. После очищения на надрез накладывалась намоченная в воде тряпица и делалась примитивная перевязка. Брали за это лечение до шестидесяти копеек с человека, что при пропускной способности магазина в день до семидесяти человек давало сравнительно крупный доход.

Старые грузчики уверяли меня, что после значительной потери своей крови они приобретали к работе особую легкость и как бы молодели. «Рванье», или вырывание зубов, также было специальностью цирюльников. Жутко вспомнить о тех мучениях, которые причиняли эти операции несчастным клиентам. Для вырывания существовали «ключ», «козья ножка» и «щипцы с носиком», или «клюв». Передние рвались щипцами, боковые — «ключом», в помощь которому применялась еще «козья ножка».

«Ключ» представлял собой металлический стержень с вращающимся на конце, прикрепленным к шарниру, лапообразным крючком. Стержень этот был утвержден перпендикулярно к деревянной ручке, служившей для держания. Крючок надевался на коронку зуба и, с силой, одним движением, поворачивался внутри рта. Челюсть трещала, раздавался хруст, и зуб, в лучшем случае, выходил из своего места, в худшем — ломалась коронка, пациент кричал не своим голосом, и операция повторялась. Для избежания

подобных неудач и применялась как универсальный прибор «козья ножка».

«Козья ножка» — крючок, загиб которого напоминал продолговатую выгнутую лопаточку. Вводился он между зубом и десной и движением руки цирюльника выковыривал первый. Соединение «ключа» с «ножкой» считалось универсальным методом. Тянули, нагибали и подковыривали в одно и то же время, изменяя в особо сложных случаях направление руки к внутренней стороне щеки.

Нечего говорить, что неудачных зубных операций было немало и в истории цирюльничьего лечения много страниц должно быть отведено вывихнутым челюстям, свернутым скулам и поломанным корням терпеливых пациентов.

Проще и чаще всего была «ставка пиявок». Ставили их и от запоя, и от сильного охмеления, и при ударе, и при приливе крови к голове, и при неспособности к учению. Чаще всего — за уши и к вискам, реже — к копчику и на спину. Лучшими пиявками, или, как называли их в провинции, «водяными червячками», считались персидские, откуда и доставлялись громадными партиями. Привозили их в больших сосудах, выдерживали в чистой проточной воде и заставляли голодать. Некоторые специалисты, доходя до виртуозности, для того чтобы пиявки были «злее», сажали их перед употреблением в кислый хлебный квас (один из старых цирюльников образно назвал мне эту операцию «монашку постным накормить»).

Пьяницам для вытрезвления ставили по одной пиявке за уши и к вискам, серьезно больным, по усмотрению врачевателя, до пятнадцати и более. Сама процедура производилась следующим образом: в уголочек платка или салфетки сажали исцелительницу, головку ее держали наружу и водили ею по тому месту, где требовался укус. Обычно проголодавшаяся пиявка не заставляла себя долго ждать и принималась за свою работу, если же капризничала, то прибегали к «квасному» способу, о котором я говорил выше. Когда пиявки досыта напивались и отваливались, из них выпускали кровь «для проверки» довольно жестоким способом: посыпали, в благодарность, солью или поливали уксусом.

Из популярных мастеров по «фельдшерской работе» был в С.-Петербурге еще Ларион Киприанович Киприанов, служивший почти тридцать лет у Олимпиева и стяжавший себе печальную славу склонностью к частым запоям. Знали его многие просто под именем «Ларька» или «цирюльник Ларька». Приходил он, как рассказывал мне П. П. Кожин-Дмитриев, к хозяину в разгар дела и заявлял:

— Никандр Иванович, я завтра не работаю, позвольте денег!

Олимпиев гнал его, кричал и бранился.

На другой день просьба повторялась, и, получив просимое, Ларион Киприанович аккуратно исчезал ровно на две недели. Возвращался чуть не босой, в рваном балахоне, мрачный на вид и снова принимался за работу, которая у него в руках кипела. Этот человек считался не только большим «мужским и фельдшерским» мастером, но и первоклассным преподавателем своего искусства. Проходя школу Олимпиева, все парикмахеры и цирюльники не миновали рук Лариона Киприановича, и ему так или иначе принадлежит большая роль в развитии русского цирюльничьего дела 60—70-х гг. прошлого столетия.

Крайне интересную форму договора на отдачу в обучение цирюльничьему мастерству находим во второй части «Всеобщего секретаря...» (М., Университетская типография, 1796):

Об отдаче мальчика в науку цирульному мастерству

1793 года, Маия... дня, мы, нижеподписавшиеся, цеховой мастер Захар Федоров и свободный человек Иван Федоров сын Рогов, учинили сие условие в том: «1) Что я, Рогов, отдал сына своего Василия, а я, Федоров, взял оного с сего числа впредь на полтора года для обучения цирульному мастерству, как-то: чесать или убирать на голове мужские и женские волосы разными манерами, делать парики и шиньоны, брить бороду, шлифовать и направлять бритвы, дергать зубы, пускать кровь шнипером, ланцетом, рожковую и пиявковую, с показанием мест, из которых когда и в каком случае из сих кровопусканий быть должно или прилично; словом, показать мне,

Федорову, ему, Василию, все выше описанное и к тому принадлежащее совершеннейшим образом, не скрывая от него ничего, как долг честного человека требует, и сделать его через сие настоящим мастером. А потому 2) и обязан я, Рогов, заплатить, а я, Федоров, от него получить за сие обучение денег двадцать рублей, из коих половинное число по прошествии года, а другую половину уже по обучении, которое не иначе должно быть окончено, как в течение означенного срочного времени. 3) Что ж принадлежит до платья верхнего и исподнего, то оное да будет от меня, Рогова, а впрочем, как обувью, так и пищею и всем содержанием довольствовать его, Василия, мне, Федорову, от себя собственно, не причиняя ему в том ни малейшей нужды, в чем и подписуюсь» (с. 433).

Ученикам «санкт-петербургского фельдшерского мастера» Н. И. Олимпиева, которых отдавали на «бесплатный» срок от двух до пяти лет, жилось нелегко — хозяин был суровый. Кормили плохо, и приходилось самим заботиться о пропитании. В числе обучавшихся был П. П. Кожин-Дмитриев, по рассказу которого я и вношу эти подробности. Выручало в магазине «после цирульничанья» абонементное бритье поваров Смольного института, на которое за два рубля в месяц посылали практикантов. За удачную операцию старались накормить до того, что многие не могли сладить со своей порцией и брали остатки в запас. Находились у наиболее смышленых и другие доходные статьи, в числе которых была игра в шашки с торговцами.

В то время владельцы палаток и растворов сидели в теплую погоду не в помещении, а на улице при входе, возле столов или опрокинутых ящиков и запоем играли в шашки. К числу их относились мучники, булочники, «мелочники-крошевники», мануфактуристы, или «мануфактурщики», продавцы сельдей и другие. Партия для выигравшего сопровождалась обычно наградой — колбасой, для проигравшего — «таской», т. е. трепанием за волосы. Так как П. П. Кожин-Дмитриев являлся особым виртуозом в этой игре, а партнеры были в спросе, то занятие это в ученические годы оказывалось выгодным и прибыльным.

Тех, кто избрал своей специальностью женские

прически, посылали пробовать парикмахерские силы на прислугах Смольного института, как на подбор отличавшихся приятной внешностью и носивших особые костюмы из полосатой материи, за что мастера именовали их «полосатками». Ходили к ним на квартиры, которые были тут же при Смольном, и брали за это треть нормальной цены. Говорилось про эту работу: «На прислугах учиться девиц благородных причесывать».

Профессия цирюльника, имевшего не только магазин, но и отделение в банях, была особенно прибыльной. Там работали мастера без надзора, а хозяин появлялся четыре-пять раз в день за выручкой, которая в будни равнялась шести — восьми рублям на мастера, а в субботу, когда было особенно много мывшихся, от десяти до пятнадцати рублей. Жалованья получали мастера рублей двадцать в месяц и, конечно, оставляли кое-что из выручки в своем личном кармане. Бесплатные ученики довольствовались колотушками старших, медными трехкопеечными и пятаками щедрых посетителей. В общем, работа при банях сводилась к обычным цирульничьим операциям: ставке банок, пиявок, рванью зубов, снятию мозолей «с корнем», стрижке, бритью и причесыванию.

Не любили хозяева платить мастерам деньги. В этом отношении пальму первенства следует признать за цирульником Матягиным. Как начнет у него кто-нибудь денег просить, так обязательно получит зуботычину. Некоторые считали это явление непременным и готовились к нему, как к роковому и неизбежному. Помещалась парикмахерская-магазин Матягина около Сенной площади, на углу Сенной и Гороховой улиц С.-Петербурга.

В 90-х гг. прошлого столетия цирульничье дело стало умирать и встречать административные запреты.

К эпохе 60—70-х гг. относится расцвет моды на женские прически и искусственные накладки. Каждая женщина старалась в то время появиться в театре, клубе или местах общественных собраний непременно в «парикмахерской куафюре». Про замысловатые прически острили:

— В голове у ней сорок сороков наверчено... Чего-чего не торчит! Гребнев одних с вюерами не сочтешь по пальцам... На то и графиня была!

(Записано в Москве от П. П. Кожина-Дмитриева.)

В 1877—1878 гг. особым спросом пользовались так называемые шиньоны. Это были готовые прически, в большом количестве оформлявшиеся парикмахерами и дававшиеся напрокат. Надеть шиньон стоило всего семьдесят пять копеек, и пятьдесят копеек вносили дополнительно за его укладку. Розданные и прикрепленные к волосам шиньоны после их употребления собирали на другой день ученики из магазина по адресам, разбросанным по всему городу.

Постоянной, продолжительной моды на прически все же не было, и менялась она ежегодно. Начинался парикмахерский сезон с октября и кончался почти летом. Особенно пользовались магазиновладельцы от свадеб, обыкновенно устраивавшихся по воскресеньям, понедельникам и пятницам. Выгода заключалась в том, что мастер причесывал не одну только невесту, а и всех провожавших ее девушек.

По абонементу магазины причесывали даже женщин в домах терпимости, куда требовались пудреные парики XVIII в. и костюмно-театральные всех видов. Ученики-парикмахеры поэтому рано знакомились с жизнью притонов и веселых бесшабашных уголков.

После шиньонов шли прически с локонами, «восьмерки», «банты», «греческие» (пионером которых был П. П. Кожин-Дмитриев, вязавший из кос или прядей особого типа высокие узлы), «ампир», a'la Tatiana из «Евгения Онегина», «крокиньоль», «андулясьон» (состоявшая из завивки особыми щипцами по системе французского парикмахера Марселя, создавшая большой спрос на умевших ее делать специалистов). Были и другие, требующие продолжительного перечисления, «постижи» — прически искусственные, накладывавшиеся поверх собственных волос.

Мужчины не отставали от женщин, и 60—70-е гг. принесли с собой большую моду на мужские парики и «апланте», т. е. накладки на лысеющие части головы. Чтобы последние не сваливались, их подклеивали лаком или пластырем.

В разговорах и острословии цирюльников и парикмахеров часто встречаются названия вышедшей сейчас из употребления парфюмерии. Приведу пояснения к отдельным словам и выражениям. Вот некоторые из них, относящиеся к концу прошлого и началу

нынешнего столетия: «Люсьен комо» — прожиренная вода для волос, «Парфенис», «ром Окенкина» — хинная вода, «Ирис» Роже и Гале-фиксатуар, фиксатуар фабрики Бодло из «бель-де-меф», т. е. из копытного клея, «Обиган» — одеколон и вода, «ангруаз» — венгерская помада для усов, «крем саво», или «савон»,— крем для бритья (название их и произношение названий точно копирую со слов П. П. Кожина-Дмитриева).

В инструментах и принадлежностях, доставлявшихся парикмахерскими фирмами, также мною собраны сведения: восковые фигуры «обольстительных красавиц, следующих последнему крику моды», выписывались по особому заказу из-за границы от мастера Пьера Иманса; ножницы, бритвы и машинки — от Пелерой; фризюры и «крокиньоли» (локончики) — от Лятуша и Бурсье. Парфюмерия, как видно из ее описания, покупалась в магазинах повсеместно или от специальных представителей — коммивояжеров.

Одно время (см. выше) был введен обычай причесывания мужчин особыми круглыми щетками, приводившимися в движение приводным ремнем, прикрепленным к механизму под потолком. Обычай этот имел, однако, много отрицательных сторон. Хватавшимся за оригинальную моду клиентам нетрезвые мастера царапали лбы, а у людей, страдающих выпадением волос, вырывали и последние их остатки. Приборы эти, видимо, были введены только для увеличения доходности и повода к взиманию лишней платы. Работали приводные щетки для сушки волос и в лучшем магазине «Теодор» в Москве, где пользование ими закончилось, однако, крупным скандалом: один из мастеров умудрился не только оборвать волосы, но и пробить аппаратом лоб некоему господину Дитенпрейсу. Фамилия мастера была Ломов. Историю впоследствии связали с рядом анекдотических рассказов и без того сопровождавших личность этого специалиста. Механизированных щеток стали бояться, и скоро они были совершенно изъяты из обращения. На смену им пришли современные электрические сушители — фены.

Интересны правила хорошего тона, внушавшиеся мастерам при работе и обращении с клиентом. Прежде всего требовался приличный костюм, отвечавший некоторым принципам своеобразного, иногда карика-

турного лоска. Пиджак, слегка помятая манишка и цветной галстук были основой высокого парикмахерского шика. Халаты стали носить всего лет шестьдесят тому назад. Прическа мастера должна была быть вывеской его высокого искусства. Любили больше всего пробор с задорным, подвитым вихром, закладывавшимся или назад, или вбок, или небрежно, «поученому», ниспадавшим на лоб.

Правила приема уважаемого клиента были таковы: издали приветствовать учтивым поклоном, стул подвинуть, чистой салфеткой плечи закрыть, засунуть ее за ворот вместе с кусочком ваты и спросить приятным голосом:

— Прикажете побрить, постричь, освежить головку?

В разговоре следовало еще проявить утонченную деликатность, завершая фразу словом с окончанием «-с». Выходило не «как прикажете», а «как прикажете-с». Но деликатности было недостаточно, к ней присоединялось искусство занять приятной беседой, сопровождавшейся четким, ритмичным прищелкиванием ножницами. Пудрить, ради утонченности, старались «с воздуха», за нос во время бритья не брать и вообще ничем «не беспокоить». «Головку», «личико» и «волосики» вытирать мягко, осторожно и как бы с должной бережливостью к их высоким качествам. Во время всего процесса работы полагалось как можно дальше отставлять мизинцы обеих рук. Впечатление получалось такое, как будто мастер боится обжечься о «головку» клиента. С появлением французских парикмахеров появились в лексиконе и слова: «месье», «мусью́», «мадам», «парфетма́н», «иси́», «комса́» и пр. Некоторые просто «выворачивали» русские слова на все лады и способы. Кончалась операция, и мастер громко выкрикивал:

— Мальчик, почисти!

Последний набрасывался на омоложенного стрижкой с веником в руках и начинал усердно начищать его платье, а затем помогал при одевании, подавал трость и, согнувшись до пояса, распахивал дверь.

Хороший тон уступал, однако, место самой дерзкой демонстрации, если у дверей парикмахерского салона появлялся скупой, не тороватый на чаевые, клиент. Старались всячески отучать его от посещений.

Для этого, заметив «картонку», как называли их парикмахеры, кто-нибудь из мастеров становился спиной к двери и, делая вид, что не ощущает толчков, препятствовал тому, чтоб ее открыли.

Ценилось еще в мастере умение «выставить» клиента, наделать побольше процедур, взять за каждую отдельную плату, «сделать кассу» или, выражаясь специальным языком, «доставить двадцать четыре удовольствия». Некоторые хозяева платили за это искусство процентные отчисления.

В столичных парикмахерских велась особая игра на тщеславии посетителей. Первый придумал ее московский Теодор, организатор при своих залах и салоне торговли парфюмерией. У этого ловкого человека, а за ним и у других, практиковался способ заводить за особую плату отдельный ящик каждому желающему. Из парфюмерного отделения по высокой стоимости продавались духи, одеколон, пудра, бриолин, вежетали, помады и пр. до отказа. Чем полнее была коллекция, тем считалось шикарнее. На ящик набивалась специально отпечатанная крупным шрифтом карточка с именем, отчеством, а иногда и званием постоянного клиента. Едва успевал он, входя, сбросить шубу, как швейцар обычно выкрикивал на все помещение:

— Выдать ящик Петра Петровича Павлова! К мастеру Ивану Степанычу!

Все невольно оборачивались на вошедшего и узнавали, кто он такой. Это нравилось, находило своих ценителей и привилось в быту ловких дельцов парикмахерского дела. Создавалась вереница постоянных клиентов, торговало парфюмерное отделение и укреплялось реноме фирмы.

Существовали еще парикмахеры-гримеры, работавшие при театрах и имевшие, ввиду общения с работниками сцены, особую форму речи, особые говоры и острословицы. У гримеров, державших прокат париков, совершенно отпадали выражения типичной мещанской речи, язык делался чище и острословие ограничивалось воспоминаниями и анекдотами из жизни деятелей искусства. Например:

— Судьба превратности в наших знаниях: час назад в пивной за мои деньги сидели, а сейчас короля из них в короне делаю. Жизнь-с!

(Записано в 1907 г. от мастера-гримера П. С. Шапкина.)

Из имен владельцев старых московских «зал для стрижки и бритья» мне удалось сохранить в записях следующие имена: «Жакель Леоне» — в Постниковском пассаже, Иван Андреевич Андреев — на Петровке, Теодор Гюо — на Кузнецком, Арсений Александрович Орлов — на Тверской, Василий Петрович Ляпунцов — на Никитской, Николай Иванович Миронов — на Страстной, Теофиль — в Камергерском, Базиль — преемник Теофиля (славившийся умением доставать билеты на редкие театральные представления) и Поль — на Тверской и Петровке. Эти фирмы были в особом почете и чаще всего служили основой воспоминаний у старых беседовавших со мной парикмахеров. Из среды же последних московских цирюльников до 1930 г. занимался «ставкой банок и пиявок» Павел Николаевич Артемьев, в годы своего расцвета ездивший в русской поддевке на тройке лихих лошадей и обращавший внимание блеском крупных бриллиантов на выхоленных пальцах. От пиявок и держания в крепком кулаке мастеров имел он и собственный дом, и шляпные магазины, и даже торговал ювелирными ценностями.

Памятен еще многим упоминавшийся мною выше в связи с историей о повреждении лба господину Дитенпрейсу мастер Теодора — Михаил Косьмич Ломов, большой любитель кутежей, весельчак и балагур, остроты которого повторялись и входили в разговорную речь москвичей.

Остается, для заключения краткого очерка, посвященного цирюльникам и парикмахерам, сказать несколько слов о вывесках. На них изображались чаще всего начесанный, с блестевшими от помады волосами, изящный парикмахер, держащий в руках открытую бритву, болванка с надетым париком, восковой бюст живописной красавицы, ножницы и, наконец, завитые кавалеры, сорванные со страниц модных картинок. У Теодора Гюо при входе вместо кронштейнов к фонарям были также прикреплены большие деревянные бритвы и ножницы.

Своеобразие парикмахерской работы создавало, конечно, особый быт, отражение которого и находим в острословии.

В Москве был владелец небольшого магазина-парикмахерской Петр Перфильев — кустарь-одиночка «с обзаведением». В трезвом виде он был скромным человеком, иное — в дни загула. Растратив все деньги, взволнованный и разговорчивый, ходил он по знакомым, по пивным и по ресторанам, предлагая за угощение рассказать историю своей жизни. История эта была многим хорошо известна, но желавшему выпить старику из личных симпатий редко отказывали. Окончив период запоя или гуляния, Перфильев возвращался к роли солидного владельца магазина и замыкался в себя. Если ему напоминали о его чудачествах и выступлениях в роли рассказчика, он отмалчивался или говорил кротко и просто: «по грехам ходил!» — и при этом боязливо косился в ту сторону, где за ситцевой занавеской, отгораживавшей парикмахерскую от квартиры, находилась его жена, существо, по рассказам знавших ее, сварливое, дерзкое и пренебрегавшее всякими этикетами в объяснениях с мужем. Язык мещанского типа, которым говорил Перфильев, был настолько своеобразен, что я решил поймать случай записать его «личную жизнь» или, вернее, «событие» из нее, тем более рассказчик фактически являлся периодически чудачествовавшим обывателем и притом оригинально-типичным. Мне посчастливилось с трех раз отрывочно внести его повествование в блокнот.

Однажды в 1917 г. мне дали знать, что П. Перфильев за какой-то незначительный скандал доставлен в комиссариат Арбатской части. Я немедля, по обыкновению, отправился, и вот при каких обстоятельствах произошла наша встреча.

Комната для буйных и нетрезвых посетителей участка. Душно, накурено и сумрачно. Перед столиком дежурного протоколиста-студента стоит щупленькая серая личность с взъерошенными седыми волосами, глазками в виде круглых выпуклых пуговиц модного дамского пальто и с лицом, напоминающим печеное яблоко, сильно перестоявшее в жаркой печке. От дыхания личности пахнет скверным спиртным перегаром, политурой и спелым луком. Это и был частый посетитель участка — местный парикмахер и ярый оппозиционер городским обязательным постановлениям — Петр Перфильев.

— Господин дежурный,— говорил он при моем появлении,— а господин дежурный, нельзя ли протокола не составлять и гражданину нового правительства протекцию и уважение предоставить? Слава богу-с я не кто-нибудь, и всяческий человек меня очень даже знать может. И вы знакомство имеете со мной... Парикмахер и дамского куафрэ специалист — Петр Перфильев. Не слыхали? Ну, вот... Могу даже вас и господина комиссара обрить. Собственный магазин имею и заведение для завивки. Пять лет у придворного парикмахера Демерле жил! Специалист по завивке... Французы, изволите знать, народ чистоплотный и не всякого в подмастерья себе примут. А я, можно сказать, был в первом у них ряде и положении. Иначе как мусью Пьер не звали... Потому мое дело деликатное, дело наше на комплименте и амитации держится. Мусью Пьер, иди сюда, мусью Пьер, букли дамские поправь и раскрути! И на все поспевал... От протокольной истории и недоразумения освободить по всему этому прошу вас и надежду на исполнение просьбы моей в душе сохраню. Родона * настоящего завивал, Андрея Бурлака ** работал. Хороший очень был человек и по двадцать одной рюмке коньяку выпивать мог. Не верите? Мне люди уважительные передавали. А «Записки сумасшедшего» как рассказывал? А может, и другое что, могу в ошибку впасть... Слезы в публике, рыдание и прочее. Лентовский тоже — Михаил Валентиныч...*** Важный был господин, преважный. Дверь если кто отворит им — три рубля, иное что — пять целковых, красненькую. И Адамьяна-трагика помню, человек был владеющий на всех языках... И антрепренера Медведева...**** Образованный тоже человек-с, усы и бороду обривал начисто. Я-с имел контрамарку и на почетном приставном стуле сидел. Только погибаю я как личность и мастер из-за жены-с, из-за бабы, сказать можно, необразованной. Когда, не затруднитесь припомнить, у Демерле состоял я мастером Пьером, женское сословие манерность большую имело в любовную связь со мной закрутиться. В молодые годы и я красавцем был. Не смейтесь, пожалуйста... Жена господина действительного тайного советника из губернского правления очень даже у меня завиваться любила. Головку набок всегда откидывала и в груди

меня затылком, будто нечаянно, притыкала. Нравился через край и не в меру наружностью привлекателен был. Почему же замолчать?..

Вторая запись:

— Слушаю вас... Видеть меня желание имеют? Почему и нет? Меня, образованного человека, приятно видеть... Господин, вы на меня-с? Вы что, тоже протокол пишете в книжку? Как?.. Ах, виноват, для антиресу?.. Историю жизни?.. Хе-хе-с! Могу, отчего нет?.. А кэк-вок за ворот будет? Мерси! За это я всегда кэк-вок беру, и люди хорошие платят. За рассказ — половинка с ветчиной, на закуску две бутылки пива. Идет, идет... Хе-хе-с! Вот только от протокольной кляузы освобождение получу. Я не кто-нибудь, мастер дела своего, в банке книжку имею на три тысячи — у жены в комоде, под замком лежит... Специальность моя — завивка... У французского парикмахера Демерле жил, имели они гран-при с парижской выставки, особую бумагу и аттестат. Улитку живую — черепаху кушали к завтраку для кофея. Не смейтесь... Ей-богу-с, поверьте старому человеку! Я тоже пробовал, но сильно меня тошнило. Горло узкое... Даже нарочно они мне давали для расстройства органов пищеварения и чтоб в хороших людях мог себя вести... Начинаю-с, прошу слушать. Кого толкнул? Хорошо, могу отойти вот сюда — не сбегу. Я вас локтем, а вы меня норовите в бок кулаком. Ай-ай, мадам, я вам не муж, чтобы бить меня, свое дома озверение, как вы, имеется. Пришли вы в государственное учреждение и толкаете прочих посетителей-клиентов. Я и не разговариваю... Меня ожидают человек — господин-гражданин, которые мной антирисуются по книжному делу. Я вот здесь встаю, а вы, не знаю как вас величать, господин-гражданин, облокотитесь к бальерам. Ну, вот-с... История жизни Пьера Перфильева для людей честных и всяческое положение сознательно одобряющих. Я всех так вначале опреждаю... Иду я, извольте видеть, в праздничное воскресение по бульвару. Пальто на мне серое, с крапинкой, брючка полосатая, галстук розовый — словом-с, обличие, позвольте выразиться, редкостное! Сам-с молодой и юный, в расцвете положения... Иду и музыку слушаю — из Александровского училища оркестр с капельмейстером. И при-

глянулась мне горнишоночка одна, скромная такая на вид, сирота и глаза вниз. Главное, господин-гражданин, глаза вниз. Вон куда! Ну, думаю, Петруша, Пьер, я сам себя Пьером привык звать, будет купаться — вода холодная, партию себе пора подыскивать. Познакомился, сочувствие характеру своему вызвал и через неделю предложение руки для сердца сделал. Повенчались мы у попа Кирилла приходского, винца выпили. От радости я даже бал-паре устроил: гармониста позвал и в водку для веселья «буравец» пустил, то есть корки лимонной и рябины вяленой намешал. И в какую историю я тут попал, что и сказать тошно... Не на сироте женился, а на нечистом духе. Во-первых, с кавалерами до меня гулялась и прикосновение имела, а во-вторых — на пятый день глазную впадину пузырьком мне выбила. Туда-сюда, дело сделанное, батюшкой заверенное! Терпеть и пришлось. Зверь — не баба! И утюгами она меня била, и кастрюлями, и ножницами по головной кости. Двадцатый год тому назад, и редкий день у меня без излияния слез... Повадился это ко мне в то самое время от старого правительства околоточный из участка в магазин ходить. Вертлявый такой, ухватистый, из себя ловкий, кляпатура[1] громадная. Придет, а сам за занавеску через зеркало глаза пялит. А квартира моя в соседней комнате помещалась, и баба обыкновение имела на стуле сидеть около и в щель посматривать. Себе ничего была в лице... Раз улыбнулась ему, два, три-с... А глаза, как и мне, вниз. Ну, думаю, понимаю я, в чем дело у вас. Тут решил отомстить соблазнителю и союз их ревностью расстроить. Борода у господина околоточного, господин-гражданин, росла жесткая-прежесткая, на манер щетины свиной, и брил он ее под актерское обличие.

Как-то, знаете, дверь парадная, со стеклом и надписью, распахивается, сабель — трень-брень, и соперник мой, дозвольте выразиться, в магазин вваливается...

Третья запись:

— Пьер, кричит, брей, по делам поспешность имею! Живо!..— А сам глаза в занавеску. И баба тут как тут — из печки горшок с кипятком, будто помочь

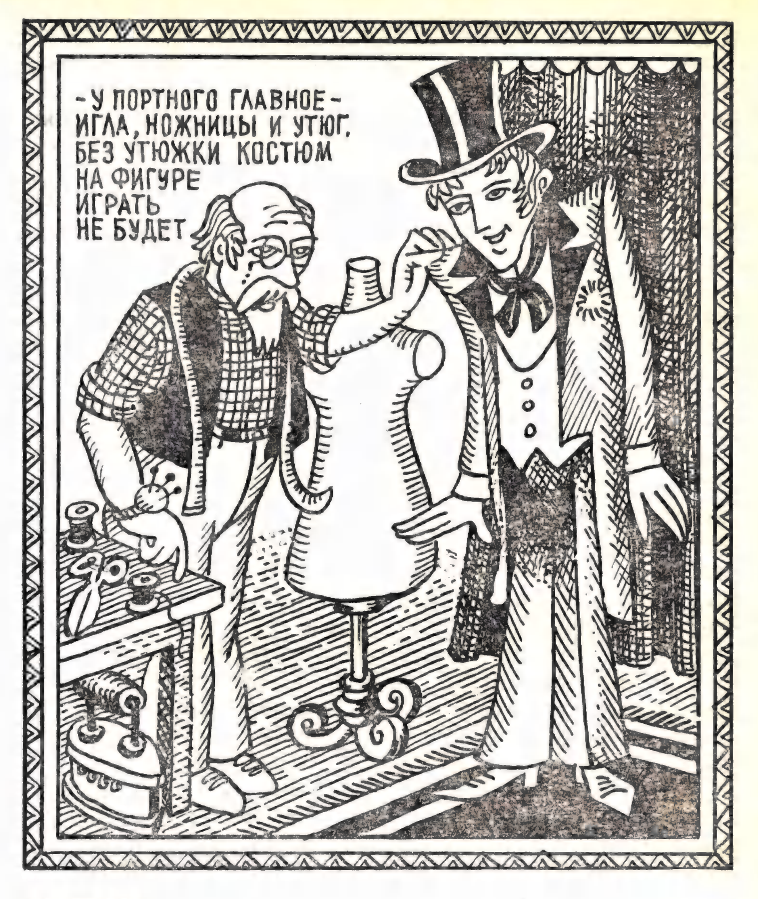
[1] Кляпатура — видимо, комплекция. *(Прим. авт.)*

мне, на ухвате вытаскивает. Верите богу истинному или нет, жилы у меня в суставах заходили и коленки ныть, точно перед погодой, принялись. Главное дело — почтение к начальству сохранялось и протокола я санитарского опасался, потому отхожее место у меня под окном стояло, а еще месть я ему задумал самую ужасную. Бр-р, сейчас еще мороз в кожу! Посадил, как сейчас это все перед глазами, за ноздрю его деликатно пальцем подковырнул, голову приподнял, мылом обмазал и занялся, как повар с картошкой. И так я его выбрил, что небу жарко стало, что ни сесть, ни лечь, с корнями и с всей пенькой. Бритву держу напоперек и не режу волос, а сцарапываю. Пока бреешь — ничего, а когда отрастать начнет, так морда покраснеет вся, лишай мокрый пойдет и из корня с кровью колючка вылезет. Секрет в этом парикмахерский, называется по-нашему «оттяжкой-с». Только и оттяжка эта ума требует! Делать ее надобно умеючи. Лицо чистое-начистое вначале делается, а потом, на другой день,— кипятком точно кто в рыло плеснул.

С той поры отвадил я его от магазина. Только раз заходил с повесткой и словом не удостоил милостивым. С месяц, почитай, морда-то болела. Честь свою супружескую завсегда сберегать умел, только самому житья в доме не было. Как мак махровый в синяках ходил! Что делать станешь? Есть на это пословица даже: «Милый туго наворочал, был хозяин — стал рабочий». Вот и сегодня ночь прогулял, как и быть, не знаю. Какие объяснения представить? Так и чувствую — скалкой. А на днях в личность чаем стеганула.

Виноват, что, говорите, протокол подписать? Извольте, могу... Не читаю даже, вполне вам верю. Пусть мировой посмотрит, как мусью Пьер писать умеет. Рука моя писала, не знаю для кого, но сердце подсказало — для друга своего! Так-с... Не свыше как на пятерочку оштрафует, или рублей на восемь. А за что? Поднят в состоянии бесчувствия из грязи и дворнику публичное название произнес. Когда человек вещественные доказательства из себя представляет, зачем их трогать и поднимать?.. Только господин мировой человек очень даже хороший и с умственным пониманием, бороду буланже́ и кауфюру

капу́ль носит, одеколоном «Цветущая сирень» прыскается. Всех знаем-с, всех работали! Больше как рублей на восемь ни-ни... Потому фирма наша старая, знакомая и казне доходы большие приносящая. Что ни месяц, штрафов этих рублей не менее пятнадцати. А может, и три возьмет... Слабость у нас и доброта такая. Капнул я... ничего кажется, бумажкой чернильной приложить извольте. На росчерк обратите внимание. Диковинный... с крючком и с хвостами... Не гляди, миляга, что седой — за то пахну резедой! Все, окончательно все! Завел машину, и поезд тронулся... Домой пора! Ухожу! До свидания! Прощения прошу! Оревуар, мусью, как Домерле говорил. Бонжур... Повторить? Не успели все в сочинение внести? Быстро пишете, быстрей господина дежурного... А сами вы не пьете-с? С удовольствием хочу видеть, чтоб и вы со мной выпили. Жаль, что нет... Спасибо, через край благодарю-с! Только в газетах имя мое не пропечатывайте, очень не удобно станет из-за трех рублей... Приходите, я вас совсем бесплатно обрею и постригу. Бородки вы не носите, а к вам пошло-с бы... Годами уважаемые клиенты бывают и со спасибо. Движимое знакомство и сейчас сохраняем... А теперь мастер какой пошел, сами знаете... Ножниц в руках держать не могут! Срам смотреть! Мизинец у них в отлет, а ножницы в потолок смотрят. Нас за это по рукам, бывало, били и на болванке по два часа через пустое место щелкать ставили. Потому и выходили в линию. Запечатлелся рассказ мой? Поразительно вам? Сочувствуете? За сочувствие мерси... Неправда-с, что только гулять могу, в жизни многое еще перевариваю... Первое понятие наше друг друга записали? Расформируйте как надо, по правилу... Вы в меня тоже запечатлелись... Больше всего мозгует у меня голова от одной темы, описываю все изложение мыслей. Еще раз благодарность вам за излишнее! Я по знакомым только историю жизни рассказываю, меня в пивной Трехгорного знают, у Козлова в ресторан хожу. Везде считают за удовольствие и за честь угощения. Карьерой своей везде соответствую... Еще день гуляю, «гуляю... по мукам», борю в себе — и работать, к жене-с. На домашнее обзаведение и на принципиальную лекспротацию себя!

ПОРТНЫЕ

Для того чтобы уяснить себе содержание и смысл приводимых далее в этом разделе кратких острословиц, необходимо знать, хотя бы поверхностно, быт московских портных. Мне кажется, что в этом помогут помещаемые ниже краткие сведения, получением которых я в значительной степени обязан мастеру-пошивщику Василию Ивановичу Романову, встреченному мною в Москве.

Главные поселения мастеров портновского производства, связанных с Москвой, были в Можайском уезде Московской губернии (где около девяноста пя-

ти процентов всего населения, целыми семьями, занимались этой работой, четыре процента — починкой и выработкой обуви и один процент — кузнечным ремеслом), в Белоомуте (где несколько тысяч дворов принадлежали сплошь мастерам-пошивщикам и где поэтому концентрировались крупнейшие для Москвы фабрики готового платья: Мандля, Петухова, Геляссена, Розенцвейга, Конкина и др.), в Бронницком уезде, меньше других — в Серпуховском уезде и, наконец, в Тверской губернии, преимущественно по Почетовской волости. В самой Москве оседали портные чаще всего по 5-й Тверской-Ямской улице, носившей среди них шутливое прозвище «Котяшкиной деревни», по Косому переулку, на Живодерке, в Чухинском переулке, по Козихинским переулкам, на Бронной улице, на Сухаревском рынке — по различным квартирам, и так называемые «раки» — на Хитровом рынке и в Зарядье. Последние жили в квартирах, напоминавших норы, и занимались перешивкой «темных», т. е. краденых, вещей. Прозвали их «раками» за безвыходную нетрезвую жизнь в трущобах и за постоянную работу в скрюченном положении. Заказы для них состояли в экстренной перешивке одного фасона носильного платья на другой, что требовалось для удобной и безопасной перепродажи похищенного на рынке ворами.

Были еще «портные-бесквартирники», жившие только в помещениях своих временных хозяев.

Воспоминания о бытовой стороне у опрошенных мною мастеров прочно связаны с именами и характеристиками хозяев. Приводить подробно пестрые пересказы, к сожалению, по объему материала, почти невозможно, и поэтому я ограничусь краткими, особо припоминающимися сведениями.

Славились в Москве несколько крупных портновских фирм.

«Жорж» — под отелем «Дрезден», против дома бывшего генерал-губернатора на Тверской. Владелец этой фирмы был популярен как выдающийся брючник-закройщик. Его искусный покрой мастера портные узнавали по первому взгляду. Ошибок, какихлибо неточностей в его искусстве не допускалось. «Выкроит Жорж,— говорили,— так, что художнику не нарисовать». И действительно, всю жизнь — с мо-

лодых лет до старости владелец фирмы занимался только этим видом работы, отказываясь от всего другого и передавая всю более крупную заготовку помощникам. Это был какой-то фанатик брюк, профессиональный укрыватель кривых ног столичных щеголей.

Самая старая французская фирма «Айе» была на бывшей Тверской улице. Расцвет этой фирмы относится к 60-м гг. прошлого столетия. «Айе», являясь как бы историком и законодателем московской моды, одевал всех щеголей и любителей выделяться костюмом. У него одно время одевался Лев Николаевич Толстой, считая его лучшим портным Москвы.

«Сиже» помещался на углу Малого Гнездниковского переулка, имел громадный выбор заграничных материалов, новых по рисунку и «единственных» для покупателей. Одной и той же ткани, купленной у Сиже, нельзя было увидеть на двоих, тем более на нескольких лицах.

Но чаще всего вспоминают мастера в своих острословицах «московского француза» Оттэна, обосновавшегося на углу Тверской улицы и Леонтьевского переулка. Мастерская Оттэна существовала более пятидесяти лет и считалась самой богатой. Владели ею два поколения хозяев. Мастера приходили к Оттэну подростками тянуть свою тяжелую лямку, учились у него, росли, женились, старились и доживали свой век. Последний из Оттэнов — Леопольд Карлович окончил русский университет и ездил специализироваться в парижскую Академию кройки. Владея тремя языками, одетый с иголочки, по последней моде, разъезжая на собственных лошадях, этот мастер-хозяин производил впечатление столичного избалованного барина. И как-то не вязалась с его фигурой та слава, которая пережила Оттэна. О Леопольде Карловиче портные рассказывали как об удивительном, талантливом «ругателе». Знал он это дело, как и свое портновское, на высший балл. Ругался площадной бранью так, что мастеровые — специалисты такого жанра — вставали в тупик, почесывали в затылках и не знали, что ответить.

— Не скажет, а кипятком ошпарит,— поясняли мне,— черт его знает, откуда что только берется! И слов таких ни от кого не слыхивали! Не только

мать вспомнит, а и бабку, дедушку, жену, тещу, всех в доме — иной раз в стихах. Тьфу ты!.. Куда ораторственный человек и с народом хорошо говорить умел.

Любил иногда этот самодур и безобразник и «пошутить». Увидит, что в магазин пришла за заказом или с сдачей готового какая-нибудь молодая женщина — жена или родственница мастера, сделает вид, что не замечает ее, повернется к ней спиной, позовет кого-нибудь из пошивочной, подмигнет глазом и начнет нарочно распекать, пересыпая речь смачными словечками. Пустит в ход, желая щегольнуть, весь свой богатый лексикон. Несчастная женщина краснеет и не знает, что ей делать. А потом, истощив запас брани, Оттэн повернется и подчеркнуто вежливо скажет:

— Ах, мадам, извините, не видал вас! Пожалуйста, извините, я нечаянно... Чем могу вам служить?

Унижая своих подчиненных, издеваясь над материально зависевшими от него людьми, Леопольд Карлович особенно любил тех мастеров, которые из угождения своему принципалу или по природному «таланту» могли «соответствовать» ему в словоизвержении, отличал их, награждал и всячески выдвигал.

Об остальных владельцах более или менее крупных фирм и магазинов готового платья, как о не связанных с слышанным мной острословием, не упоминаю.

Быт портных был колоритен и своеобразен.

Придет мастер к хозяину в теплое время в нижнем белье и «калижках» (кожаная обувь, опорки) и скажет:

— Хозяин, посадишь работать?

— А где раньше-то работал? — спросит его владелец пошивочной.

— У Филимонова на сюртуках сидел...

— Ну, иди...

И сделка совершена. Цена за работу была почти у всех одинакова — о ней и не говорили. Работает мастер до субботы, а в субботу идет испытывать хозяина:

— Заплати, хозяин, за две вещи! Не докончил одну — дай вперед на чайную...

Если даст хозяин денег, довольный мастер идет «отдохнуть» в чайную. Не даст — другой диалог:

— Ты на мои деньги не хозяйствуй, свои имей... Давай расчет!

А если к тому же хозяин сделает выговор за плохую работу и упрекнет, что его подвели перед заказчиком, то добавит:

— Что, я к тебе учиться, что ли, пришел? Садись сам да шей!..

Бросит материал, недоконченную работу и пойдет жаловаться сначала товарищам, а потом мировому судье. В последнем случае предъявит иск в рубль-два, а то и в копейках.

Спали все мастера в пошивочной на «катке», т. е. на деревянном помосте или нарах для работы. Пьяные по традиции забирались под катки, где валялись груды тряпок, обрезков материи и рваные опорки. Другой раз хозяин и не знал, кто спит у него под катком: свои или захожие. Забраться под каток считалось даже некоторым правилом приличия: не показываться в нетрезвом виде на глаза посторонним и владельцу мастерской.

Некоторые мастерские считались своего рода постоялыми дворами. У Оттэна, например, образовались свои многолетние порядки. Приходить мог всякий, кто хотел, и когда ему заблагорассудится. Харчи там были артельные — от хозяина, готовила особая прислуга. Отворяется дверь, и вместе с зимним паром вваливается, одетая по-летнему, покрытая инеем и снегом фигура какого-нибудь «фрачника».

— Ребята,— вопрошает он,— щи у вас сегодня мясные?..

— Мясные,— отвечает старший.

— Ну, так я остаюсь обедать, водку с собой принес.

И остается без всякой платы за еду на неделю, на две. Пьянствует и живет под катком громадного размера.

Иногда у Оттэна не хватит рук и полезут, по распоряжению хозяина, посмотреть, кто имеется в «нижнем этаже».

— Эй, кто там спит, отзовись?..

А потом доложат:

— Два крупняка, человек семь жилетников, на

починки и штуковку сколько надо, пятеро непонятных, три пальтовщика... кого будить? Растолкают «пальтовщика» или «крупняка»-сюртучника, вытянут его за ноги, дадут пожевать табаку или чаю, «приведут в себя», иногда «сгоняют» в баню, и через некоторое время как ни в чем не бывало сидит он уже в «бельэтаже» на катке и энергично помахивает иглой.

— Отошел! — острят товарищи.

Нужен жилетник, ищут опять под катком и т. д. Только жилетника сговорить можно было не сразу. Почему-то отличались они самым буйным нравом, и требовалось предварительно их «успокоить».

Сильно пьяных специалисты быстро приводили в порядок: «лечили ушами» — оттирали уши. Способ этот заключался в том, что голову охмелевшего с обеих сторон прижимали ладонями и энергично приводили их в движение. От такого «массажа» хрустели хрящи и боль быстро возвращала «пациента» к сознанию. «Хирургический» метод этот, видимо привитый полицейским участком, где широко практиковался, считался рациональным.

Создание и поощрение такой своеобразной «богемы» было, конечно, выгодным для предпринимательских расчетов. Опустившийся, нетрезвый пошивщик, при отсутствии нормальных бытовых условий, легче допускал неизбежную для старого времени широкую эксплуатацию себя хозяином. Таким путем Оттэн в своей мастерской имел как бы собственную рабовладельческую колонию дошедших до полной нищеты и безвыходности людей. На слабости-то их он богател и создавал торговое имя.

Пропавших с недошитой вещью из других мастерских посылали искать также к Оттэну. Бывали такие разговоры. Входит посланный из какой-либо мастерской и находит исчезнувшего.

— Василий Степанович, хозяин за рукавом к тебе прислал... Отдавай!

— Скажи хозяину, что рукав в двух рублях заложил Петру Прохорову в чайной, пусть выкупает за свой долг!

— А штафирка (т. е. верхняя часть воротника) где?

— У Степана-дворника в шести гривнах!

— А подрезка (т. е. мелкие отрезки на карманы, лацканы и т. п.)?

— У Маньки-поденщицы в сорока копейках!

Спросит еще посланный:

— Что же ты нашего-то хозяина бросил, деньги хорошие платил?

И получит неизменный ответ:

— Товарищи здесь понравились!

На том дело и кончится. Выкупят заложенное, и мастер остается на новом месте. Пропаж почти не бывало. Заложить и обернуться не считалось зазорным делом.

Хозяева всегда умели угадывать время запоя и ухода от них мастера.

— Набрал примерок, пятерку вперед взял, и пиши пропало,— говорили они.

И действительно, никакая сила не заставит богемного портного взяться при получении аванса за дело, гуляет, пока всего не пропьет.

Если хозяин или хозяйчик, т. е. некрупный предприниматель, брал работать «без е́жа», т. е. без стола, то питались в харчевнях и чайных. Последние были просто слабостью портных. Даже после сытного обеда и хорошего чая шли в чайную похлебать горячую жижицу. Там был цеховой клуб, сообщались новости, встречались со старыми товарищами и в складчину давили «половинки». Просиживая часы за разговорами, придя в мастерскую, сами потом распределяли время работы, проводя за шитьем ночи. Крепко загулявшие в чайной в теплую пору шли «погубернаторствовать» с гармоникой в «Котяшкину деревню», т. е. на 5-ю Тверскую-Ямскую. Там с песнями, в исподнем платье, т. е. одном белье, толкались из конца в конец, заводили драки, скандалы с городовыми. Покуролесив, шли вновь в хозяйскую кабалу и с особым тщанием за ничтожные гроши брались за дело «пока тоска и грусть не возьмут», т. е. до нового «ушиба».

Сроки пребывания в Москве портных, имевших в провинции хозяйство, были обычные: к покрову — приехать, к рождеству — на побывку домой, недели через три вернуться в Москву до масленой. К масленой — вновь на недельную побывку и потом, порабо-

тав до мая, уехать на летние работы «к хозяйству».

Приехав в Москву, обычно справляли благополучное прибытие: «слаживали половинку», т. е. покупали полбутылки водки или две. Кто не участвовал, считался «загордившимся», и на него смотрели как на отщепенца. После нескольких «слаживаний» с закуской — жареной колбасой, жареным рубцом или печенкой, «покрывали лачком», т. е. распивали основательное количество пива, с моченным в соленой воде горохом. На другой день — «поправлялись». «Поправка» затягивалась порой на довольно продолжительные сроки.

Иначе жили портные деревенские, не знавшие Москвы. Это были крестьяне с отхожим промыслом. Закладывали они лошадь в телегу или сани, смотря по сезону, взваливали на нее ножную зингеровскую машину, утюг, деревянную колодку и прихватывали «подсобника», т. е. помощника мастера. Ехали до знакомого дома в ближней деревне, снимали поклажу, останавливались или, как было принято говорить, «делали постой», а коня отсылали в обратный путь. Окончив работу в одном месте, передвигались в соседнее и т. д. Работали на харчах заказчика. Выручали таким путем чистых от тридцати до сорока рублей в месяц, не зная «московского разгула и безобразия». Описание разновидности такого типа портных я привожу в моих материалах о бродячих провинциальных кустарях и торговцах.

Среди портных были, конечно, свои цеховые убеждения и привычки. Считалось, например, большим конфузом для серьезного мастера сшить брюки так, чтобы их пришлось переделывать заново.

Брюки, говорили они, что фрак. Брючнику и фрачнику, по закрою, одна цена в месяц. Испортить брюки — скандал. Никак нельзя, лучше не выносить, коли не удались. Сшить новые, а плохие на Сушке (т. е. на Сухаревке) продать.

Были действительно среди мелких мастеров художники, от успехов которых значительно выигрывала фирма, при которой они за сравнительно невысокую плату работали. Вспоминали мне, например, можайского «пальтовщика» Василия Петрова, которого в трезвом виде встречали редкие удачники. Если пьет, говорили, Василий Петров можайский, то никак

не меньше двух недель — и то в лучшем случае... Шил Петров очень верно, «знаменито» и мог в любой срок исполнить заказ, только, при спешке, сдавая готовую вещь, просил: «В середину не смотрите, а снаружи все хорошо». И было понятно, почему. Отделывать внутри, под подкладкой не хватало времени. Пальто осеннее на вате заканчивал он менее чем в сутки. Возьмет на срок, в восемь вечера, а в восемь утра, без чьей-либо помощи, сдаст в таком виде, что «хоть без примерки надевай». И никто не знал секрета его скорой работы, а дивятся и говорят о ней до сих пор. Да и по виду этот мастер как-то мало был похож на портного.

Здоровенный, огромного роста, руки длинные, жилистые... Водки хлеще его никто пить не мог. «Точно молотобоец...» — вспоминал мне о нем В. И. Романов.

Славился еще один «крупняк», шивший также «на срок» фраки и сюртуки. Славился он как художник-мастер, как рыболов-любитель и как «конкурент по вину» Василию Петрову. Да и был, кстати, его однофамилец, только имя другое: Иван Петров. Выпивал он «для удовольствия» каждый день, а «для отдыха» по месяцу «без просыпа». А когда работал, то напоминал машину: в ночь на шелковой подкладке сюртук «справлял», с утюжкой и прометкой петель. Брал при такой спешке по одиннадцать-двенадцать рублей «за фасон». «По полочке», т. е. пополам с кем-нибудь, никогда не работал. «Мне одному,— говорил,— мало, время свободное!» Но когда нападал стих, уходил ловить рыбу на Москву-реку и за этим занятием просиживал дни и ночи. Присылают, бывало, за ним хозяева и просят срочно прийти за работой, а он ответит:

— Всего не перешьешь! У меня второй день такой клев плотвы, что ни до чего — червей и то некогда нарыть...

И ни за что удочек своих не оставит. Пользовались его услугами только тогда, когда рыбу не ловит и не отдыхает.

Для пояснения приводимых остословиц следует вспомнить еще о следующем. В Лодзи всегда было большое производство дешевых тканей, наружный вид которых напоминал дорогие английские. Вырабатывались они из бумаги с незначительной при-

месью оческов шерсти и добротного тряпья. Высылали их пошитыми «в костюм на любую мерку», без задатка, почтовой посылкой — всего за одиннадцать рублей восемнадцать копеек с почтовыми расходами. Все бросались на соблазнительную дешевку, получали и пробовали эти костюмы носить. Вначале все шло благополучно, но благополучие это тянулось только до первой сырой погоды или дождя. Материал обладал способностью от влаги садиться, съеживаться, стягиваться едва ли не вполовину.

Выйдет, острили портные, франт летом в Петровский парк погулять, тучка накроет, дождичком спрыснуло, и начнет костюм весь «сползаться», из себя хозяина выжимать. Жмет его со всех сторон, как живой человек. Брюки до колен делаются, рукава — по локоть, плечи в швы уходят, и нет на тебе ничего. Весь человек из костюма вылезет. Другой сядет, от срама, на извозчика, велит верх поднять и — айда домой. Смеху что у нас над такими.

Как анекдот рассказывали, что лодзинские поставщики шили костюмы из этих удивительных материалов особым приемом — «с молотком». Горячим молотком «выбивали» грубую ткань, придавая ей на время фасон.

Портные говорили:
Не закройщик он, а кузнец лошадевый...

Надень свое пальто и кричи «тпру!».

Подхватил ему брюки в промежках — он по-куриному, на ноготках потому ходит...

С мошкаря́ на Кутафьеву башню * перешить можно, только товаром не стесняй...

Из раков в жоржевские брючники. Вот какую мотню к штанам прибуцал! Карасей можно на Патриарших в нее загонять...

Штаны ваши на двоих: на тебя, на меня и на хозяина мово тоже...

Оттэновская матершина на гвозде с горохом...

Мастеров нет — в чайной, пошли сладить, сгадать...

Хороший портной неделю пьет, а в час все справит.

У нашего брата зато мозолев не бывает — круглый год босой иль в срезочках...

От хозяина пятак на баню с веником взял... Пропил! Очки — пропил! Вторую рубаху — пропил! Картуза из дому, ладно, не брал. В чайную ему, Степан Иваныч, и так выйти не в чем. Человек слепой, а с умением. Посватай его Ивану Никитичу на каток посадить. Страдает хороший мастер ни за что... Фарфорку себе во всем вставил!

Купи матерьяла на таракана, а прикладу дай что надо — без счету. Можем троих справить в пальтах на шелку...

Рядились вполовинке выпить, а ты чего суешь? Не донес?.. Дай это мухам на окне, а не честному товарищу. Проносное ведро без дна!

Больше нажрал, а не наработал!

Двадцать третий год на сосновом туфяке сижу...

Шмук с деньгами мне, а трубы — ветрогону!

Хозяин постричь волосы велел, а деньги он, даденные, все пропил у Петра Иванова с нашей бражкой. Как быть? В волосьях его всякая нечисть завелась. Нельзя работать — заказчики после обидятся! Мы его закройными ножницами взялись выручить. Семен Василич начал... Складно состригли, только кожу с одного бока в ладонь сорвали. Не совсем ловко вышло! Он у нас теперь зовется «гумном для воробьев». Вчерась Антона Петровича за это слово колодкой, смотри, едва не убил. В характере и обиде человек! Я многое такое рассказать могу, приходите еще завтра с восьми утра...

Нет, ты скрой брючину с клешем, и чтоб не болталась, а резонно висела. Вещь проста, а и не совсем проста. Знать, как проутюжить и в каком месте сырость на пар дать. Под штрипку тоже сузить книзу талант. Можно заказчика иль обрядить, иль в конфуз большой поставить... Я на господина Капканчикова потравлял, штрипочные все делал и угощение имел по три рубля. Они брюки «в бутылку» и вовсе делали... Чем чудней костюм, тем мастеру антиресней. Заказчик, как кот,— против шерсти его гладить неудобно!..

Дай бабе перебеситься, а то слюной изойдет. Ты ее потешь, хозяйка, мол, слушаю... Сопли себе под носом утюгом вытрите, не расстраивайтесь. И все тут... Нужно умение вежливо обойтись...

Спрыснуть под утюг сам мой, первый-напервый, хозяин не мог. Мастер прыскает, а он утюжит. Губа у него, как заячья, наружу вывернута. Мы и звали его «прыскун заячий». Сердится, когда услышит! А в деньгах жмотыга, закусай его блохи с тараканами! Вместо рубля норовит девять гривен хорошими дать, а гривенник со свищой. Где-то нарочно покупал их. А кабы все вам про мою жизнь рассказать, не такую

бы вы дуропля́сь еще записали. Это что... животики надорвать можно! Я раз костюм медведю в цирк для танцев шил и с примеркой. Вот настрахался! Не забыли про обещание — половинку натощак купить? Девять вечера, а я еще ничего не пил, окромя чая. Бла-бла-бла вам с поклоном! Надо и выпить, и в пиджак рукава идти поставить...

Целый клин выкатил. Ты что, душа, с парижской выставки * клинья-то режешь? Тогда полы у пиджаков дивствительно круглые были... Жене своей клин бы вырезал, чтоб она дурака такого до шестого десятка лет не выхаживала! Клиновщик!.. Косой тебе косить, а ножницы трогать подождь. Из закройной тебя под каток года на три. Мымра старая!..

У портного главное — игла, ножницы и утюг. Без утюжки костюм на фигуре играть не будет. Недоутюженный костюм — сырая вещь, недоделанная. Надо сухую сдавать!

Брюки отдыхать должны, день — надень, а на другой — повесь, поди и в иных покуралесь!

Гадина есть не человек, не хозяин. Из пятака под целковый смотрит. Обсчитал меня в шести гривнах! К другому хочу переехать, одно: наперсток на окне оставил — жалко, очень мне по пальцу. На мой ноготь не в раз подберешь... Скажи своему посадить меня на работу! Скажешь, что ль?.. Ах, он, Иван Семенов, яичница из костей с творогом! Право, яичница из костей! Подам на целкаш к мировому! Пойду прошение писать к адвокату Николаю Никитичу, я им сертук и верхнюю вещь перелицовывал. Половинку сладим?.. При мне учиться два игольных ушка посажено. Вот я какой мастер с наследством!

У Василия добро сейчас великое в деле...

С лица чайку испить придется...

Есть люди добряки: потрешь, поутюжишь, для вида расправишь, веничком стряхнешь, сам из мастерской вынесешь, ну и держи целковый в награду. А другой жилится, с хозяином торгуется, тебя будто не видит. Стрелки́ на дармовщинку, подешевле — больше чинушки или фартуны́!.. От такого фартуна с ветром, как с козла молока! Конфорки самоварные. Право говорю, учись у меня, малый, стрелу ловить!..

Твое дело — крант от порожнево самовара!

По складам, да верно читано...

Узнал меня?.. Экая сучья у тебя память!.. Помнишь выручил? Угощать ставишь?

Из этого жилета, что за «одиннадцать рублей восемнадцать», весь вылезешь. Вырез велик загнул!

Жулье лодзинское ты, а не швец!

В три молота костюмчик ковали...

Чьи калижки носишь?

Он от Зингера бегает...

Купи две катушки — от хозяина забытые!

Твоей иглой дыры в заборе сверлить, али по чужим дворам с ней ходить!

С ихова ха̀рча у меня игла на нитку не лезет.

Ты что, Петр Никитич, из Москвы в деревню брюха не везешь? Али с еды отощал? Переходи к нам от свово хозяйчика нитку тянуть.

Костюмчик сухаревский с молотка, как надо — на три дня!

Белоомутский муравей-брючник...

У него жена нитку вдевает, сын узел вяжет, мать расправляет, а он сам с иглой.

Губернатор «Котяшкиной деревни». Без мундира сегодня — в портках и рубахе. Не строгий!

От покрова до мая — московский гость с иглой!

Пусти его в лодзинском товаре в праздник под дождь погулять!

Его квартира под катком, где калижки с опорками на помойку просятся и свиньи там от грязи не поросятся.

Костюмчик как брошь... Прикалывать его булавкой надо! Право слово... У кого такую птицу шили?

Жилеточный Иван-художник!

Не знаю ево — новый... Из-под чьево катка вылез?

Ево Иван Ефимыч работать посадил, он ему за то штафирку посулил!

В субботу дай вперед, а не так, то прощай — в ученики ищи кого с руки...

Он мне: айе ля банте парсеке, а я его — к матери. Такого немца заказчика мне не надо...

От Оттэна портному дорога только на Ваганьково!

Ты на мои деньги не властвуй, не хозяйствуй и дома не строй!

Айе — всем портным портной, всем покроям закрой!

Подрезка — в двух рублях, а парень умный о двух головах...

Не пиджак-с, а господина Тришки кафтан из баснописателя Крылова...

С Козихинского свой человек — в любую мерку!..

Поди к Леопольду Карлычу Оттэну — он тебе даст оттяжку!

Был у Сижу, а теперь на своей сижу!

Надо Таньке норов объездить, ты ее к Оттэну, тень навести, пошли!

Его вчера еле вылечили ушами...

Оттэн тебе так скажет, что пузырь лопнет и мыло из ушей потечет. Второго по ругани нет, не было и до скончания века не будет!

Ну, какой ты хозяин, давай на половинку, пойду даром щи с говядиной хлебать!

Пролопали, промотали все миткали, пальто сшил и память запорошил...

Шью тебе штаны, а сам без штанов — в чужих заправляю...

Тверской ветер, а не портной!

Костюмчик на обмыжку — носить его вприпрыжку!

Вон он из костюма, как орех из скорлупы, и слез!

Купил Ерема корову, а ты ей, по фасону, фрак скроил. Куда рукав-то в плече дел? Видал, как бык корову бодал — сам того захотел? Роги не выросли, вместо рога плешь с шишкой и та сцарапана Аришкой. Принес бы ко мне-другу, я бы за бутылку покрой и сладил. Теперь, брат, поздно дело. Два клина вштуковать надо. Иди, говорю, грибы с еловыми шишками в лес собирать, рыжий никитинский, право! Я и не лаюсь, не в обиду говорю, сердце сдержать не могу, шутово добро!

У Ивана Петрова лещи заклевали — неделю не видать!

При спрыскивании во время утюжки вещи:

П-ф-рр, п-ф-рр, шипит с паром! Мы знаем: куда пар пустить, куда не надо... Коленки в брюках, если вытянулись, паром обратно втягиваем. Видите, как жилится, похоже — блоха на сковороде!

(Записано в Москве, в период 1910—1917 гг. в мастерских, трактирах, чайных, пивных и иных местах от разных мастеров-портных.)

Собранный мной материал из быта портных не велик.

Следует повторить о громадной трудности производства записей отдельных выражений беглого, неповторяемого разговора. Как собиратель их, я должен поэтому указать на то обстоятельство, что в приведенных острословных материалах легко допустимы небольшие неточности, не меняющие, однако, ни смысла, ни оборота фраз. Записывая на положении случайного наблюдателя беглый разговор, нельзя было также уточнить имен и происхождения разговаривавших. Появление человека с карандашом и записной книжкой в руках, о чем я упоминал уже, как бы пугало, заставляло беседующих быть сдержанными и осторожными к открыто интересующемуся не только самим разговором, но и подробными сведениями о их личности. У некоторых мастеров, видимо, были на то свои, не всякому ясные, но веские основания. Научная цель записей казалась им непонятной.

Считаю уместным привести характерный случай, доказывавший, с какими осложнениями и какой ценой собиралось иногда острословие. Поздно вечером пришел как-то я в маленькую чайную на Бронной улице. Сидели группами портные, несколько человек сапожников и легковые извозчики. За одним из столиков — высокого роста, рябой, захмелевший «жилетник», сильно жестикулируя, красноречиво рассказывал что-то товарищам, причем пересыпал свою речь остроумными прозвищами, фразами. Поместившись рядом, за пустым столиком, я вынул записную книжку и заработал карандашом. Неожиданно верзила обратился в мою сторону и заорал тоном, не терпящим возражения:

— А, вот где ты? Попался, сука... Бей меня в каталажке, а я тебя здесь... Василия Петухова разыски-

ваешь, мать твою так! Я за Ваську душу из тебя, сука, выну! Лучше не ходи сюда!..

И почти мгновенно я получил здоровенный удар по плечу, памятный даже спустя много лет. Видя неизбежность самозащиты, я ответил в свою очередь несколькими ударами, от которых «жилетник» всей своей тяжестью рухнул на стол с чайной посудой. Несколько человек половых быстро разняли нас и объяснили зачинщику, что я человек невредный, свой, хожу в чайную «хорошие, интересные разговоры для сочинений писать», выручаю иногда деньгами сильно прогулявшихся и никакого Петухова не ищу. Через четверть часа «жилетник» сидел уже за одним со мной столом и, уставив на меня мутные, пьяные глаза, говорил:

— Прости, право, меня прости, я тебя за сыщика Филиппова принял, сходство у тебя с ним великое — не брат он тебе? Очень схожи, мать вашу курицу... Ты мне жилет дай сшить, я тебя уважу, вот как уважу! А сейчас поставь мне половинку. Отслужу! В ухе звенит — рука у тебя тяжелая... Зуб подбил спереди... Хорошо меня отняли, то бы и тебе не снести меня. Ах, диковина какая вышла! Обознался... Шляпу я тебе поломал — меняй на мою! Думаю, пришел и записывает, что говорили меж себя. Я было за Ваську и хотел вступиться, приходили за ним в мастерскую взять... Отрез английский на пальто будто бы унес у хозяина. Меня свидетелем зовут... Васька первый мой задушевный друг и приятель, и свидетельствовать за него ложно не можно. По брюкам первый сорт! Ставь, что ли, с началом дружбы! Сам не пьешь?..

Таковы бывают приключения с собирателями бытового материала.

Отдельные слова и выражения, слышанные мною от портных

Нитку тянуть — шить.

Вылечить ушами — натереть до боли уши и этим путем вывести из бесчувственного состояния.

Миткали — материи.

Шмук — остаток от материала заказчика, обычно присваиваемый портными.

Трубы — узкий покрой.

Ветрогон — не дающий на чай, скупой, но требовательный заказчик.

Тверской ветер — прозвище тверских бродячих портных.

На облыжку — на обтяжку.

Губернаторствовать — пьянствовать, кричать, шуметь.

Работать по полочке — работать вдвоем над шитьем одной вещи.

От Зингера бегать — скрываться от платежа за проданную в рассрочку швейную машину фабрики Зингер, широко распространявшуюся среди портных.

Одиннадцать рублей восемнадцать — название готового костюма из Лодзи.

Швец — портной, пошивщик.

В три молота костюмчик ковать — ударами горячего молотка придавать фасон костюму, сшитому из грубой, боящейся сырости материи.

Мотня — напуск в костюме, образовавшийся от неумелого, плохого закроя или шитья.

Штаны на двоих — чрезмерно широкие брюки, сшитые не по фигуре заказчика.

Посолить — заложить.

Заправлять — ходить.

Можайская игла — портной из Можайского уезда.

Кораблекрушение — пьянство.

Узел на нитке — городовой.

Человек без дна — горький, непробудный пьяница.

Штуковщик — починщик.

Арбуз — нажившийся на работе мастеров хозяин.

Положить — поутюжить.

С блюдца хлебнуть — сходить в чайную.

Дым пустить — соврать.

Спать на перине — спать под катком на лоскутьях.

Темный двор — место под катком.

Палаты — то же.

Подпеть — получить с заказчика на чай.

Туз — важный заказчик.

Начинка — еда.

Смолоть — съесть, иногда сказать глупость.

Правильный мастер — хороший мастер.

Поделить — выпить пополам.

Машка — любовница мастера.

Кувыркалка — постель.

Хрящевина — твердая говядина.

Суп рататуй — плохая, невкусная похлебка.

Котлета — кость.

Гвоздь — удача.

Аршин — грубая на вкус большая селедка.

Весельчаки — деньги.

Подлетнуть — получить неожиданное вознаграждение за работу.

Никитинский рыжий — клоун, шут из московского цирка братьев Никитиных.

Птица — узкий, испорченный костюм.

Тень навести — нарочно кого-нибудь обругать с целью запугивания.

Запорошил память — постарался забыть.

Катушки от хозяина забытые — присвоение от хозяйской работы катушки ниток.

Твоей иглой дыры в заборе сверлить али по чужим дворам с ней ходить — твоя игла чересчур толста, напоминает шило, воровской лом.

Чьи калижки носишь? — в чьей обуви ходишь, у кого работаешь?

Срезочка — отрезанные от старых сапог головки, носимые на босую ногу, вместо туфель.

Вставить фарфорку — поставить в неловкое положение.

Справить — одеть.

На шелку — на шелковой подкладке.

Проносное ведро — выносное, грязное ведро или ведро, которое никак нельзя благодаря утечке наполнить. Отсюда: пьяница, не знающий меры.

Сосновый туфяк — доски катка.

Поставить рукава — вшить рукава.

Бла-бла-бла — благодарю.

Дуропляс — пустяк.

Мымра — брань непонятного значения, вроде урод, нескладный.

Наша бражка — наша компания.

Клеш — напуск, ширина.

Сырость на пар дать — спрыснуть изо рта водой во время утюжки.

Штрипка — перехват у военного покроя брюк, проходящий под пяткой возле каблука. Делался в узких брюках, чтобы не набегали морщины.

Половинку сладить — купить полбутылки водки.

Брюки в бутылку — брюки со штрипками, очень узкие внизу и постепенно расширяющиеся к бокам.

Мастер с наследством — мастер, от которого учатся.

Нитка — жизнь, судьба, иногда — жизненные обстоятельства.

Вещь — носильное платье.

Верхняя вещь — пальто, шуба.

Каталажка — полицейский участок.

Добро великое — полная удача.

С лица заказчика чай испить — угадать, с кого можно получить на чай, и взять эти чаевые.

Чинушка — мелкий чиновник.

Фартун — искатель счастья на дармовщинку.

С ветром — с пустым карманом.

Жилиться — прижиматься в цене.

Стрела — верный расчет, верное, удачное получение.

Конфорка самоварная — заказчик, не дающий на чай.

Крант от порожнего самовара — то же или просто неудачный расчет.

По складам, да верно читано — расчет, предположения, которые осуществлялись или могут осуществиться.

Грамотка — письмо.

Сучья память — хорошая память, память признательного, преданного за что-либо человека.

Сырая вещь — недоделанная или имеющая недостатки пошивка.

Сухая вещь — вещь законченная, хорошо выутюженная.

Вещь отдыхает — костюм, пошивка не носятся, висят.

Вещь играет — костюм хорошо, элегантно сидит.

САПОЖНИКИ, ИЛИ ПОДБОЙЩИКИ

Сапожник — это специалист, который требуется на каждом шагу. Нет местности, где бы вы не встретили представителей этой профессии. Есть московские, тверские, нижегородские, ленинградские, казанские... словом, перечислять их — это значит повторять полный список районов и округов всего государства. Производство этого мастера настолько известно, что не требует подробных описаний. «Подметки подкинуть», т. е. подбить, «каблучки справить», «носок приравнять», заплату подшить, дратвой (т. е. про-

смоленной бечевой) продернуть, на колодках потянуть, «футора (т. е. толстую кожаную подкладку под голенище сапог) вкрепить», деревянным гвоздком подбить, «поднаряд проверить», «стельги выкроить» и пр.— обычные термины сапожников. «Обувники», как принято еще называть их, народ непоседливый. То корпит он в родной деревенской «чеботарне», то встречаете вы его в мастерской хозяйчика большого города, то обращается он в «холодного», т. е. кочевого, уличного, не имеющего определенного помещения «стукача». Набив полный рот железных гвоздей, расправив на «собачьей ноге», т. е. на палке, имеющей железный загиб (носимой обычно на ремне через плечо), старый, истоптанный, с зияющими дырами, кажущийся на первый взгляд совершенно не пригодным, башмак бедняка-прохожего, набивает он на него бесконечные заплаты, вырезанные из обрезков, остатков кожи или из «овражины», т. е. из выброшенной в мусор обуви. И часто бросовую туфлю, ботинок или сапог он закрепит так ловко, что в пору сдать такую работу в музей реставрированных древностей. Он нужен каждому и горделиво сознает это. Посмотрите, с каким деловым, серьезным видом он уславливается о цене, как авторитетно советует и дает указания специалиста! Он уважает свое маленькое, «хлебное» ремесло. Сапожнику хорошо знакома власть хозяина — с детства, со времен ученичества он знает силу хозяйской руки; он привык жить и в недостатке, и в временном незначительном довольстве, и в совершенно безвыходных условиях. Про него говорили, что он злоупотребляет вином, любит полениться и «пошататься без дел». Посещая город, он набирал в свою речь разнообразные формы уличных выражений и, соприкасаясь с бытом, впитывал в себя его особенности.

Подробный производственный процесс шитья обыкновенных сапог представляется мне в следующем порядке.

Вначале кожу распаривали, «разрыхляли» в теплой воде и «тянули» гвоздями на «вытяжной доске». Высушенную на печке или на солнце кожу «заминали», мяли вручную с помощью «быков» и основательно «дегтярили», т. е. промазывали дегтем. Выкроив по «мере», «ладили», шили голенища, «поднаряд»,

«задники», «тянули» клещами на колодку, вшивали «стельгу», притачивали подошву, набивали подметки, строчили или «ладили» задники и «накрепляли» каблук. Для любителей ставили еще железную подковку. После этого следовали: «обряд», «зачистка», «выгон», отделка начисто, завершавшаяся «скоблением» рашпилем, полировкой и «покрышкой» лаком. Туфли, «щиблеты», «чахчуры», «поршни», «калижки», «уледи» и ботинки имели, конечно, каждый свою, несколько иную, промысловую историю.

Обычные, рядовые материалы сапожника были: «полувал», «яловка», «выросток однопарный», кожи которого хватало только на одну пару сапог, «выросток двухпарный» (на две пары), «выросток трехпарный» (на три пары) и «конка».

В месте моего наблюдения в 1907 г. работали без устали. Начинали «хозяйское дело» в три, полчетвертого утра, кончали в десять и даже в одиннадцать вечера. И на все время — час-два отдыха, включая обеденную пору. Вознаграждения были грошовые. В месяц, при «тугих» хозяйских харчах, хороший мастер получал восемь-девять рублей, практиковавшиеся же работали только за хлеб, т. е. бесплатно, при готовом содержании. А обычные харчи были: «Москва на воде», «брандахлыст», «щи — в них портки полощи», кисель из овса, квас с луком, хлебушко черный и каша с конопляным маслом. Спали где бог пошлет, а чаще всего на полу и «в заготовке», т. е. на выкроенных материалах.

Интересный обычай наблюдал я у нижегородских «чеботарей». Придет и подрядится на работу «с урока» новенький. Сядет он с утра и застучит молотком. В неделю должен сдать две-три пары готовых сапог, время терять не приходится. Стоит ему отлучиться на несколько минут (хотя бы, как говорит мастер, «до ветру сходить» или «посмотреть — конек не отпрягся ли?»), у него непременно исчезнут молоток или колодки. Неопытный начинает их безрезультатно искать. Исчезли — «точно скрозь землю провалились!».

— А ты выкупай работу-то! — осторожно советуют, бывало, старые мастера,— без выкупу дружбы нет!

Новичок начинал понимать, в чем дело, и терялся, ибо сплошь и рядом приходил к хозяину без гроша.

— Не велик конец, спинжак заложи, мы тее укажем кому,— продолжали убеждать его окружающие,— у нас от твово духу горчь (т. е. горечь) в глотку села!

И приходилось заложить за бутылку водки какую-либо часть костюма. В знак любезности бегал и исполнял это кто-нибудь из новых товарищей.

Выпьют, посидят немного, покурят, а потом снова пристанут:

— Ты чаво хозяина-то жалешь, братец, он что тебе? Проси вперед полтину, товарищей, мол, друзей, суседей угостить хочу. Ненасытные они утробы, я поднес, губу им раздуло, и еще просят!..

Просьба к хозяину, который, конечно, бывал в курсе всего события, обязательно и неизменно выполнялась. Да и сам он, как полагалось, присядет «на даровое угощение».

После этого вытаскивали откуда-нибудь с полатей спрятанное, подавали щедрому, кланялись и произносили:

— Будь наш, коль хлеб ваш!

На том и заканчивался церемониал посвящения.

Холодные тверские сапожники, прибывшие в Москву, стоя со своим несложным инструментом в местах скопления народа, всегда охотно чудили для привлечения заказчиков, но материалы о их говоре весьма скудны.

Нижеприводимый при́говор записан в 1914 г. в Москве от тверского сапожника семидесятидвухлетнего бодрого старика Сергея Сергеевича Тихонова.

— С ветром, с холодком чиним железным гвоздком, подметки новые подбиваем, старые обрываем, головки правим, голенища, кому надо, убавим, а кому надо — наставим! Тверские холодные, рваные, голодные, сегодня ценой на работу сходные! Тверской сапожник ма̀терный обложник, жену в кабаке пропил да козе башмаки на копыта купил... Вот как!

«В числе мастеров, работавших на лавку дешевую обувь,— пишет И. А. Слонов в книге «Из жизни торговой Москвы», вышедшей в 1914 г.,— были очень интересные, так называемые «кимряки» — деревенские башмачники, приезжавшие осенью из села Кимр Тверской губернии в Москву работать до Пасхи. Они всегда останавливались в грязных и сырых трущо-

бах на Болоте (так называлась местность, где летом происходил большой торг ягодами и фруктами). Кимряки были люди честные и трудолюбивые, но бедные, так как их работа (они большею частью шили дамские теплые плисовые сапоги на шленке) оплачивалась очень скудно, и поэтому они жили тесно и грязно.

Бывало, в шутку спросишь кимряка: «Где ты остановился?» Он серьезно отвечает: «На болоте».— «Сколько занимаешь?» — «Полсвета». Слово «полсвета» означало половину окна, для этого комната с одним окном перегораживалась тонкой деревянной перегородкой на две равные части, в каждой половине помещался хозяйчик с тремя — пятью мастеровыми».

Про кимрских сапожников существовали следующие острословицы, отмечающие качество их производства:

Кимряк из глины сапоги слепит!

Кимрские сапожки, что головки, что ушки — обрядные да нарядные. В гости за три версты в них пошел, обернулся, он босиком вернулся!

Береги сапог кимрский от воды — наживешь беды. А как так? Да на грамотках они, на бумагах шиты — от воды размокнет, а от солнышка усохнет!

Сапоги — политурка: в подметке штукатурка, сахарная бумажка и мучной глянец. Хорош товарец!

(Записано в 1914 г. от московских холодных сапожников — Ивана Павловича Кожухова и Сергея Ильича Панкратова.)

Сапожник — последний по деревням человек. Есть, правда, кто побогаче, а не мы только... Наше дело почитается за последнее рукоделие. «Дратвенники, подкидочники!» — вот как ругаются...

Сапоги белозерские, а портки отцовские. Малый, а малый!.. Не ходи так, неловко при людях! Гуляет...

Вчера портки в клочья сорвал, а мы теперь видеть все безобразие должны. Девчонки в избе... Бесстыдная харя, кошатник арзамасский!

Сносу нашей работе знать не будете, через пять годов благодарить приедете и еще угощать станете. Стельга, стельга и то выборная! Рукой потрогайте... Ну как?.. А подметочки? Хребтовые, хребтовые, я их молотком выбивал, от крепости не слушались!

Из яловки шито, а не двухпарный выросток! Брехун с сучьей петли!..

Конка твой матерьял, из жеребцовой матери!.. Хвост к ему пришей и ржи, черт!..

Эка милая гордится,
С сапожничком водится,
Не смотри, что я босой,—
Завлекаю всех красой!

Работаем, как взглянется. В два стаём, чайку изопьем, умоемся и до десяти вечера, час на обед. Все так! Рублев около двенадцати с своим харчем в месяц от хозяина получим. И то довольны! Полтора за пару сапог нам полагается — на своем харче. Живем, песни поем, табашничаем, девок в вечор гоняем, в вагинску гармонь играем!

Жил у меня из-за хлеба в ученье, а теперь справился в кобыльи строчникѝ. На вдове Марье женился, четыре сотни деньгами взял!

Пошлет, господь, счастье продать какому дураку, али назад привезешь?

Из-под моста — первый в горницу гость!

В хвост и в гриву такого лупцовать!

Струмент не больно велик: отводочка для строки, шильце на строчку, на стельгу, подборное на подошву, нож, клещи, молоток и стрекуны-подпилочки... Колодочки сами мастерим... Вот и клюем помалу! Заведеньице — по средствам, товарцем не обижены, денежку малу-малу видим, говядинкой балуемся, а винцо добрые люди подносят! Придумали нас воробьями звать. А нам што?.. Хошь кинарейкой зови, а жить давай.

Не товар!.. Задник, гляди, как прошит,— ровно пахал, а не тачал!

Нет, милый, заверни коня, постой! На колодку тянул? Потяни другое што!

Арзамасской кожи хуже нет!.. Трескается!.. Квасят ее не кожевники, а кошкодавы!

Чахчуры — для нашего брата... Свойская обувка!

У святого Егория с коня копыта срезал! То-то и оно...

Была дулька в подоле у Дуньки, ан червяк сточил!

Хозяин, давай денег, завтра на работу не выйду — давно башкой о сенки не стукался! (Т. е. давно не был пьян.) Поднесли сегодня, а я пошел дале гулять...

Прогул?.. Ну, зачти прогул за день, а по морде за что меня Васька бил? За приятное выражение личности?..

Ах, провал тея провали, сукин кот!..

На спину тебе, сволочь, туз бубей вшить!..

Эка жись-от хреновая! Хозяин товар свез и продàл, а деньги на вине пропил... Жена в голос орет, мастера не плочены третий срок... Вот ферт какой! Сами бы загуляли, а на загул нет. Сидим, ровно домовые, и в кулак свистим. Винцо-то и в пользу и во вред...

Чем пуля, говаривали, злей свистит, тем у турка брюхо боле болит...

С твово ума нас с Петром холера забрала!

Мне, сынок-господин, осемьдесят четвертый. Год не работаю, потому глаза плохуют. Ровно дым в их. Сынок кормит, не гонит со двора. Я в солдатской службе был, отставку чистую имею, пять ран в Севастополь принял... При мне скрозь строй в штрахной роте прогоняли. Знаешь как барабан выговаривал: «Бей, бей его, рви, рви его!» Хто провинен, тово руками к прикладу привяжут и ну тянуть, а с обеих сторон по спине палками. Вот как!.. Не делай чево не надобно. И я в строю бил, ослушаться ни-ни, самово погонят. У иново мяса прочь отлетают, кровь хлещет... Страшно и поминать! В конец тянут его, а по земле ровно куль. Спрыснут опосля спину винцом и в рот дадут, и придет в себя человек!.. Больно уж строго было, помянуть страшно. Мало ль солдат-от стерпливал? Я по своему мастерству после пошел и тем уберегся. Почитай даром на казну работал... Нас, чеботарей, «кислыми сапогами» звали, потому сол-

датска шинель шерстиной в нос от сырости отдает. Я сапог могу военный для ахвицера кроить...

(Записано в 1907 г. от сапожников, крестьян деревни Вармалеи и сел Белозерова и Богоявленья Нижегородской губернии и уезда.)

Отдельные слова и выражения.

Подкидочники — от «подкинуть», т. е. набить подметки.

Яловка — сорт кожи.

Двухпарный выросток — то же.

Конка — конская кожа.

Вагинская гармонь — дешевая гармоника для деревни фабрики мастера Вагина.

Чахчуры — тип ботинок.

Туз бубей — бубновый туз, *на спину туз бубей вшить* — нарядить в куртку старых арестантских рот, имевшую на спине квадратный знак.

ТРАКТИРНЫЕ ПОЛОВЫЕ И РЕСТОРАННЫЕ ОФИЦИАНТЫ

Про официантов, как про людей, с которыми часто сталкивались любители ресторанного или трактирного угощения, существовало не только много острословиц, но и анекдотических рассказов. С трактиром был тесно связан быт их посетителя или завсегдатая — купца, промышленника, прожигателя жизни и легко нажитых средств. Трактир был центром всякого вида коммерческих сделок, денежных комбинаций и даже преступной деятельности. Отсюда особый интерес к этим учреждениям. Сами по себе

трактирные половые и ресторанные официанты были ловкие, оборотистые, цветисто-разговорчивые люди.

Слышал в разное время от различных лиц:

От такой вашей темы весьма приятно работать. Тонкое вы меню-с себе сочинили...

С удовольствием хочу знать о вашем состоянии в здоровьи!

Соус провансаль повар сегодня постарался. Рекомендую! Упоение и магика с осетриной в галантире...

Карася живого из аквариума требуют в три рубля. Особый заказ! Развернитесь, холуи, гость расходится!

Посади ему на суседний стол девчонку, чтобы в кабинет зазвала и выставила. Деньги есть у них, они вынимали. Позови Марью Ивановну...

Георгий Иванович Мочалов считается у нас первым по накрышке столов и по вкусовой распорядительности. Никто, кроме его, так не в состоянии... И человек с нами очень любезный, обходительный и свой. Природный они от ресторана человек!

Экая нежинская вещь!

Теперь не пиво-с, не пиво, коли заячьей мочой не пахнет...

У нас Василия Петровича лечат регентом! (Т. е. рентгеном.)

Алкоголия у них — солнечный удар в затылок!

Икону Николы мазани́ мне, ты у нас планты сымаешь и заведение белишь. Не все тебе едино. Отец больно нового просит...

Служить тебе не гостям, а чертям!

Иван Петрович, швейцар! У окна человек, как вещество, лежит. Сдвиньте рядом к магазину...

Представляю как будто из себя, а сам себе думаю...

Дядичка, солидный дядичка, а на стол падаете и посуду бьете! Не удобно так! Буфетчик, пропишите им в счет наши разговоры...

Послужи ты им, Тихон Иваныч, они окурком в нос суются!

Журавлев неплохо гостей кормил... Приемистый был человек, ласковый по делу...

Тестов для поросят люльки подвесные заказывал... Ровно ребят нянчил, только кормилицы к ним не брал. Эй, Марья Ивановна, тебе бы за место Ликсандра Иваныча к Тестову в кормилки? Али пустое дело?.. Не дерись, не дерись, злющая какая, пошутить нельзя с такой... Сейчас и тряпкой в рыло...

Соус правансаль — им брюхо просаль...

Покорнейше вас благодарю на неоставлении и внимании!

Можно барышню пригласить, только лучше тогда в кабинет. Там пьянино имеется. Веселье большое можно устроить!

У Шольте все вместе соединено: и ресторан, и бильярдная, и кабинеты, и отдельные номера, будто для приезжих гостиница... Название всему «Белый медведь». Сподручно там с доходом!

Надо гостю потрафлять, а не в рот ему смотреть и ворон считать!

На жулика нам, хозяин, не переучиваться!

Не ливерье́ салат, а оливье, дурак, неуч!

Специальный человек был уху из стерлядей на шампанском варить и миндаль в соли жарить!

В нашем деле много есть большого секрета. По зале цветы продают цветочницы. Подойдет к вам и просит: «Купите, сударь, цветок, вон та барышня — Маруся из ложи — просит». Вы за три рубля и раз! А цветочек, извольте видеть, хе-хе-хе-с, тряпичный и подержанный очень сильно. Вам и в ручки его не дают, а прямо к той, к Марусе этой. Маруся вам споклонится, посидит с ним, будто нюхает, а потом — шасть в буфет. Там цветочек у нее взад примут и ей рубль пятьдесят выдадут. Половину, значит, буфет наживет, а половину ей за просьбу. Один цветочек раз по сто хозяин продаст, оттого они и сгрязнились. Раньше живые, в натуральности были, так невыгодно, на раз-два больше не продашь, непрочный товар! Еще у нас в кабинетах работа бывает. Как мадмазель кто приглашает с собой посидеть, она первое фрухты спрашивает. Они без прейскуранта и дороже

всего в счет пишутся. Позовут ее в кабинет, а она: «Я вам, как другу-знакомому, сколько лет вас знаю, говорю,— ничего, ах, кроме фрухтов, симпатичный купец, не могу!» Ровно дохтор ей прописал фрухты только есть! Приказывают фрухты... Мы и приносим цельную вазу — по виду, кто в кабине сидит. Если посолидней гость, то подороже ему, а попроще — подешевле. А она, сволочуга, начнет сейчас же от всего пробовать: виноград от всех веток отщипнет, яблоко укусит, да ей не понравится, грушу порежет или колупнет, персики пальцем потычет или горничной в уборную пошлет. А кто сидит, стыдно тому чево не позволишь и даму приятную обидеть. Попал и молчит! А потом и кушанья самые дорогие также заберет, хор тебе велит позвать, метрдотелю на чай подарить, ежели шаншонетка и режиссеру — ба̀ндору свому. Как липку сработает, особенно если пьяный попался. Ух какие они стервищи ловкие, им еще за весь счет пруценты с буфета заплотят... От пяти до десяти пруцентов! Во как заработает! Што тебе не счет — сто, да двести, да тысяча в компании бывает... Ну и мы, врать вам не стану, пользуемся... Приписку лишнего чего в счет-с кассиром, и, если гость серчает и распорядителя зовет, с распорядителем тоже на долях. Пустых бутылок в кабинет нанесем и тоже их в счет пишем. Бывает, што и шампанское — так по девять за бутылочку. Где кружка у всех, а где каждому по счастью. Потому-с и кафешантаны торгуют с прибылью. Хозяину тоже ублаготворить полицию и иных людей надо... По аренде расходы, право... Просите чего смешного вам рассказать. Смешное было... Я на своем деле сорок второй год, все ниверситеты в ресторациях произошел. У Омона Шарля, бывало, распорядитель-француз перед вечером всех, простите, девок, шаншонеток соберет и так скажет: «Девушки, маймазель, сегодня требуйте стерлядь и осетрину от гостей, у нас пять пуд протухло!» Те и требуют. Потеха-с, честное слово, потеха-с!.. Люди хорошие по вечерам съезжались, а девки все тухлятину спрашивают (по цене-с!), поковыряют ее вилочкой и велят со стола убрать. Так мы всякую дрянь продавали у Омошки. Жулик первый был, русских дураков приезжал учить! И учил-с... Мы ведь счета денежкам не знали! Засиделся у вас, мне на работу скоро пора,

еще домой зайти. Всего доброго! Покорно вас благодарю за предоставленное угощение с уважением. Посещайте и вы нас!..

— Половой, половой, где достал ты нос такой?
— У людей добрых гостил и в награду получил!

Друзья, прощайте,
Я умираю,
Кому я должен,
Тех всех прощаю!

Гость кобенится платить!

На второе нагретую тарелку надоть подать в салфетке. Учись делу нашему... С левой руки блюда заноси и трафь перед гостем промеж приборов. Что холодное, что горячее — нас спроси... Вот так! Это мы, господин посетитель, молодого к нашему делу учим. Антирес у него большой. Спички наизготове имей — закурить кому дать. Если гостю угодишь, то и приятность себе, при прощании, получишь...

Наше заведение — трактир чистый, хлебосольский, без девок и безобразия... Орган в нем музыку играет. Днем купечество и торговые люди промеж собой беседуют и дела делают. Вечером, правда, в кабинеты пускаем знакомого со знакомой посидеть. Без этого нельзя!

Барышню позвать можно... Вот, извольте приглядеть — Оля, в шляпке с букетом. Солидная в себе, на содержанье жила, недавно гуляет и по любви — характеру ищет. Может, Анну Николаевну — худящая брюнетка? Тоже нет?.. Позову вам распорядителя, они вас лучше убедят!..

Московская наша селянка на сковородке вам весьма поразительна по вкусу будет!

Упоение в веществе супа «потофе-с»!

Водочки какой графинчик — большой или малый? С маленького начнем? Похолодней? Что закусить прикажете? Горячее или из закусок?.. Почки в мадере готовы, московская селяночка с осетринкой, скобленочка на сковородке, почки «Брошед» — можно быстро... Селяночку? Слушаю!.. Из холодного икорки паюсной с свежим огурчиком, салат «Оливье», телятинка с салатом, есть семга высокая — из двинских? Селедочку? Слушаю! И селедочку подадим... К ней масло сливочное, картофель в мундире? Слушаю! У нас сегодня дежурит уха из налимов с печенкой, к ней расстегай, холодный поросенок... На второе можем подать куропатки на канапе, с салатом... Третье — пломбир и гурьевская каша... На гурьевской остановимся? Не задержу, сейчас же-с!.. Так графинчик маленький, с него начнем-с? Меню выбрали анжелик (т. е. angéligue)!

Одна нога у меня здесь, а другая на кухне. Я понимаю, что гости развеселились и потрафить надо...

Батюшки мои, запнулся и целый омлет на ковер брыкнул!

Где Калуцкая застава,
Там стоит трактир большой,
В отделении направо
Служил Ванька половой.
Ванька в деле был проворен,
Всем, бывало, угодит:
Чай подать, графин с закуской
И всем прочим заслужит.
Три копейки, пятачочек
Часто в пояс он совал
И с тарелки в рот кусочек
Он без промаха все клал.
Раз приехала купчиха,
Занимала кабинет,
А наш Ванька очень лихо
Угодил в один момент.
Зачастила она ездить,
Ваньку ловкого хваля,

А хозяин, видя прибыль,
Одобрял лишь холуя.
Вскоре Ваня бросил службу,
Бросил фартук, бросил таз,
И, с деньгами сведя дружбу,
Поступил в ее лабаз.
А теперь к нему с почтеньем,
Он хозяин и купец —
Иван Тихоныч Рябинин.
Вот и песенке конец!

(Приводится как образец вульгарно-мещанской обличительной песенной поэзии. И. Т. Рябинин, по произведенному мною опросу ряда лиц, действительное лицо. Слышал я хоровое исполнение этой песни в Москве в харчевне Брыкина на Хитровом рынке в 1908 г.)

Много воспоминаний старых официантов связывалось с личностью владельца московского загородного ресторана И. А. Скалкина. Из приводимых образцов песен видно, что личность этого предпринимателя своей популярностью едва ли не равнялась с пресловутым разбойником Чуркиным. Так его даже называли. Рассказывали, что будто бы подвыпивших гостей своего ресторана он заманивал в ночное время к себе на дачу, угощал наркотиками, обыгрывал в карты, иногда просто грабил и в бесчувственном состоянии или мертвых завозил на пустыри и в канавы, где и бросал на произвол судьбы. Полиция у этого субъекта была вся своя, как называли тогда, купленная, на месячном жаловании, а в прокуратуре помогали невидимые связи.

Так это было или нет, но молва настойчиво приписывала ему подобные проделки, и сложенные про него официантами бесхитростные песни заставляют в это поверить.

— Скалкин Илья Арефьич... Тот гостя сам спаивал, на малинку сажал, завозил к себе, в карты обыгрывал, а потом отвозил подале от дома в Петровском парке и в канаву кидал. Разбойник был! Сколь полиции платил! Про него и песня сложена.

Ай, белая поддевка,
Ухарь-молодец,

Илья Арефьич Скалкин,
Разудалый купец!
Выйдет на нашу сцену,
Ручками взмахнет,
И хор его боярский
Сразу запоет.
Ножкою притопнет,
Глазками прихлопнет,
Плечиком водит,
Гостей с ума сводит.
Сам сидит думу думает,
Думушку разбойничью,—
Кого сегодня разуть-раздеть,
Кого по миру пустить.
Первый петровский грабитель,
Карточник-губитель,
Шулерская душа,
Не боится грабежа.
Его пристав первый дружок,
Даром ест-пьет,
Девок гребет
И кажнюю неделю долю берет...

Это сочинение, только по секрету, нашего официанта Александра Павлыча Суркина, тоже у Скалкина служил. Тот его избил и с дела согнал, потому и сочинено. Бедовый Скалкин человек, чего и говорить, первый душегуб и в открытку за карман. Все ему с рук сходит! Знал, кого можно...

Как Скалкин-кот,
Нашим деньгам мот,
Гостей собирал,
У них деньги обирал,
На дачу к себе звал,
Картишками соблазнял,
Винищем поил
И малинкой кормил.
От малинки той
Шли на вечный покой.
Мертвых ограблял,
Себе богатство наживал.
Самый убойник,
Что Чуркин разбойник.
С виду ласков и прост,
Свозил мертвых и пьяных под мост.
Полицию деньгами засаривал,
Начальство задаривал,
Про такого человека
Слава пойдет на полвека,
От такой сволочи
Никому не было помочи!

Раз у Скалкина на даче
Купцы собралися,
Зверобою напилися —
Давай куролесить.
От радости сам не свой
Ручки потирает:
И девчонок им и хор,
Что душа желает!
Кто с ним в карты заиграл,
Так того и режет:
С пьяных глаз не разобрать,
Что краплены мечет.
Эй, купчина ты, купец,
Пей, гуляй, резвися,
А под утро, под конец,
Во рву отрезвися!
Из карманчиков твоих
Денежки уплыли,
И цепочки, и часы,
И колечки были...
Как проспишься — побредешь,
Не проспишься — ладно!
Полицейский отвезет —
С ними дело складно!

Отдельные слова и выражения

Гаврилочник — от «гаврилка», крахмальная манишка.

Тестовец — служивший или служащий в ресторане Тестова.

Подначка — мошенничество, плутовство.

Пульник — от «отливать пули», врать.

Подкоток — от «кот», сутенер, прихвостень.

Толокно из реки хлебал — прозвище уроженцев Ярославской губернии.

Полдюжину — подразумевается полдюжины пива.

Сажать на малинку — давать снотворное, одурманивать, отравлять.

Меню анжелик — ангельское, высокое меню.

Брыкнул — уронил.

В открытку — открыто.

(Записано в период 1909—1917 гг. в Москве, Казани и Нижнем Новгороде от старых официантов и половых.)

Официанты часто были предметом то злых, то шутливых издевательств. Их поддразнивали так:

В салфет высморкался!..
Комара убил!
Перевернись за гривенник!
Семь по семь — рубль сорок семь.
Две рюмочки по двадцать — рубль двадцать.
За что бьют?..
Чего прикажете?
Сам бы ел!
Почем бутылки?
Семь верст — в оборот!
Сам не пьет, а за ворот льет!
Пирожков объелся...
Как прикажете-с!
Большой или маленький?
Остатки — сладки.
Рубаха, порты хозяйские, штиблеты свои.
Не извольте сумлеваться!
Дозвольте получить!
Без сдачи!
Деньги ваши — будут наши, и с почтением!
Толокно из реки хлебал!

А называли:

шестерка, холуй, белые штаны, гаврилочник, белый кот, трактирный монах, тестовец, малый оборот, услуга, лакей с подначкой, артель, дымник, кот в сапогах, ярославский фартух, салфетка, стрела, пульник, подкоток, паголёнок, совесть, хлебосол, ярославский земляк, затычка, крючок, рубаха, угощение.

Пивком-лачком прикажете покрыть!

Мальчик в семьдесят лет!

Купец — вся торговля в ногах!

Поймай мышá!

Его мать бегом родила!

Объедки в салфете!

На каблучках вокруг три раза!

И это далеко не всё!

В прежнее время для службы избалованному, прихотливому обществу от официанта требовалась большая сноровка, выдержанность и особая ресторанная «техника», которую приобретали многими годами опыта. Главное, что ценили в них старые «кабаковладельцы» — это умение услужить гостю, посоветовать ему, при отсутствии распорядителя, самые дорогие кушанья и вина, хлебом-солью угодить и оставить наилучшее впечатление от посещения «радушного» заведения. Вот тут и поломай голову, как пьяного мягко сговорить, чем напотчевать, как деньги с него по счету принять и самому заработать. Служили тогда чаще всего без жалованья — «на доходе», да еще вносили ежемесячно от себя «за бой посуды» и «по неоплаченному посетителем счету». Впрочем, последний вычет производился путем предварительной покупки официантом из личных средств «марок» на всю сумму заказа, после чего касса не входила ни в какие взаимоотношения между слугой и посетителем. Рассчитывая на «чаевые», он должен был отвечать за все. Целая школа практического изучения человеческой психологии, школа, где вырабатывались терпение и изворотливость!

Чаще других встречались на работе официанты из ярославцев, которых почему-то считали коренными «шестерками», за ними шли официанты московские и казанские татары.

Приходилось официанту знать названия блюд сложной ресторанной кухни. Иной ярославец на первых порах язык с ними сломит. Легче иному по-английски выучиться говорить. Вот и зубрили: «ляншпиг глясé», «суп тортю́», «потофэ́», «горошек англéз», «тефтели а-ля сюпрéм», «эскаргó с рисом», «беф бризé» и т. п. Проходили таким путем специальное образование. «Старики» иногда экзаменовали молодых:

— Что на первое хорошему гостю подашь?

— Суп «потофэ» в горшке,— рапортовал новичок.

— Еще какой?

— Суп из тортю можно...

— А что за тортю?

— Ящерица с шелухой азиатская... (Ответ учени-

ка сопровождался гримасой ужаса и брезгливости, но плюнуть получавший «образование» боялся, зная, что за это дерут за вихры.)

— А еще чего?

— Перед супом салат ливельé...

— Дурак, оливье салат.

— Оливье я и хотел сказать...

— А какой соус к холодной осетрине?

— Паравансаль!

— Провансаль, дурак!

— А что такое бланманже?

— Белое пирожное, которое из молока с жарлатином и дрожит!

— Дурак, с жалатином, из пузыря рыбьего с клеем. А пломбир?

— Сладкое, на третье или пятое перед кофеем!

— А как поднос на пять персон с графином и закуской понесешь?

— На пять пальцев в левую и правой за край прихват. Салфет на плече, головку чуть назад, грудь выставить!

— Это так... А как за подарок благодарность выразишь?..

— Покорнейше вас благодарю на неоставлении и внимании!

И т. п.

За такую науку «стариков» было принято «честить», или угощать. Говорили: «Он меня в добрые люди производил, за то и я отвечаю...»

Старшими же официантами-распорядителями, или метрдотелями, служили и иностранцы, производившие в первоклассных ресторанах особый эффект не всем понятными разговорами и манерами. Они, не отказываясь от чаевых, получали еще дополнительное месячное вознаграждение.

Из рассказов распорядителей можно было черпать интересные материалы по быту. Специальностью распорядителей было: первый прием посетителя, нахождение ему удобного столика, составление меню, наблюдение на кухне и личное приготовление изысканных блюд, как, например, «ухи из крупной стерляди, варенной на заграничном шампанском». Правда, последнее успешно заменялось и отечественной продукцией, но в счете помечалось — по правилам

высокого ресторанного тона. Такой заказ обычно стоил до трехсот рублей золотом. И все же, невзирая на цену, находились прожигатели денег, любившие показать себя. «С жиру бесились!» — так характеризовали их потом официанты. Чаще всего это были заводчики, фабриканты, ростовщики и наследники крупных состояний.

Среди записанных мною материалов имеются еще следующие тексты.

— Шансонеточку с гарниром самолично в кабинет подавал. Подлинно-с, подлинно-с, так бывало — не выдумка никакая! Веселый, богатый народ чего не удумает! Для такого дела Марья Павловна Нитуш была очень удобна... Сейчас она в Петербурге за румынским скрипачом Матулеску замужем-с. Капитал приобрела без нарушения пола...

— Черт когда за ногу зацепит, и не то составляли... аквариу́м делали в рояле. На всякое безобразие мы насмотрелись.

Один из нижегородских метрдотелей, некий Ревальд, пояснял мне, с уверением в правдивости своих слов, значение «шансонетки с гарниром» и «аквариума». Не верить как ему, так и официанту, от которого мною записаны обе приведенные фразы, я оснований не имел и не имею.

Когда кончалась многодневная безобразная попойка приезжавших на Макарьевскую ярмарку богатых купцов и когда потерявшие голову моты не находили никаких новых ресторанных развлечений, считая, что все ими видено и испытано, то обращались к своеобразной «экзотике». Требовали особое блюдо, не входившее в обычное меню. Официанты и распорядитель вносили в отдельный кабинет, специально имевшийся для этой цели громадный поднос, на котором среди цветов, буфетной зелени и холодных гарниров лежала на салфетках обнаженная женщина. Когда ставили эту «экзотику» на стол, начиналась дикая вакханалия. Стриженные в кружок, длиннобородые «первогильдийцы» в сюртуках, почти достигавших пят, и в сапогах «бутылками», приходили в неистовый восторг, кричали «ура», пили шампанское и старались перещеголять друг друга в щедрости. Под гром оркестра они засыпали «Венеру» кредитками, поливали вином и т. п., наперебой закусывая окру-

жавшими ее яствами. Так продолжалось иногда час, два и более.

На мой вопрос, сколько стоило такое «угощение», Ревальд мне ответил:

— Барышне — пятьсот и сколько побросают, мне — пятьсот «на фрак и за уговор», официантам — сто и тысячи три хозяину. С кого, как не с них, заработать!

Разновидностью дикарских удовольствий был «аквариум». Выдвигали на середину комнаты рояль, лили в него несколько дюжин шампанского и пускали плавать сардинки или кильки. Во время процедуры тапер должен был играть бравурный марш. Неизвестно, что могло нравиться в подобном сумасбродстве. Значение его, смысл и интерес мне совершенно непонятны.

И такого вида сумасбродных упражнений в безобразиях было немало. Приходилось слышать, что любители устраивали и «живые римские качели», и «похороны русалки», и «хождение по тарелкам», или «по мукам», и «купание в шампанском».

«Живые римские качели» заключались, по объяснению, данному мне старым официантом ресторана «Повар» на Нижегородской ярмарке Иваном Петровичем Павловым, в том, что раздетую ресторанную «артистку» качали и подбрасывали на руках до потери ею сознания. При «похоронах русалки» заказывали срочно привезти гроб из ближнего похоронного бюро, клали в него согласившуюся на это эстрадную этуаль, заставляли цыганский хор петь погребальные песни, а организаторы безобразия, напившиеся до чертиков, искренне и от души рыдали. «Хождение по тарелкам», или «по мукам»,— тоже одно из излюбленных купеческих кабацких развлечений, при котором вся посуда со стола вместе с кушаньями перемещалась в один ряд на пол, и по этой импровизированной тропинке или фарфоровому мосту прогуливался под музыку какой-нибудь захмелевший любитель. «Купание в шампанском» требовало ванны, в которой должна была «плавать» среди волн вина какая-либо лишенная покровов женщина. Но и этим «озорничаньем», по выражению Павлова, не ограничивалась фантазия его организаторов. Были и другие, о которых неуместно говорить в печати.

— Денег-с много, девать-с некуда, дела-с большие, вот они по салату-с оливье и гуляют. Человек солидный, а нравилось им, что сапожки у них в соусе провансаль запачканы. В гроб они мадмазель танцовщицу Мулинэ-с клали... Очень приятственная была по комплекции и красоте-с. Салат-с пикан на красном перце всегда в кабинет спрашивала... Ей по-особому-с заказу вертели, шеф-с повар готовил. Всего туда наложит, а больше рябчика с душком, сырчик пармезан-с и телячьей печенки. А гробик-с от фирмы бюра процессий похоронения Полушкина им требовали и чтобы весь черный, пострашней-с... Свечи, люстры жгли еще для страху... У нас один гробик в зиму в подвале оставили, а в половодье, как ярмарку затопило, его водой-с, говорили, снесло. Уплыл-с... Все было-с, всякое видывали... Им хозяин господин Журавлев в счет за тарелочки, что передавят, и за все прочее крепко ставили. Не стеснялись... Поторгуются, а заплатят... А у них-с меж собой пари-с: кто пройдет и не посклизнется, того-с качать. Выходил за трезвое поведение, потому пьяному пройти не упасть-с и сертучок не испачкать нельзя-с!.. Как, спрашиваете, в шампанском купали? Это мы в ресторации «Германия» у Скалкина произошли. Ванну-с детскую из пассажа Бразильского брали и купали, как в воде-с, как будто-с в банях у Перлова или Наумова-с в купальне на Плашкаутном... Дюжины четыре вина лили... Не помню-с, извините, как мамзель звали-с... Да разве вам интересно-с?.. Ведь имечко-то у них не настоящее. На такое дело много их, барышень, просилось... В спор, в драку-с... Хорошо им платили... А кто закажут — это винцо пригоршнями пили-с. Другой, наклонимшись, и бородку себе для удовольствия мочит-с али ртом пузыри поверху сделает. Одна мамзель чуть на тот свет не убралась от простуды — винцо было с ледника. Хе-хе-хе... Вот, господин, какие дела были, вот как-с веселились!.. А люди все солидные-с, с положением, фабриканты-с: из сундучного ряда, самоварщики тульские, меховщики арзамасские... Распорядитель метрдотель выльет русской Донской шипучки-с, а в счет заграничное поставят-с. И бутылок еще порожних в кабинет велят принесть... Для счета-с! Пьяный за них, как за вино натуральное, уплатит-с... У гроба настоящей слезой рыдали,

и нам, на них глядючи, жалко-с... А кого и чего — сами-с не знаем-с!.. Жалко — и все... Может, чужих денег-с... Цыганы кого не разжалобят, коли им платить. То заорут, чтобы плясать, а то — горе мыкать... Вот какую географию сочиняли-с... прости, господи, согрешения наши, в аду нам за них, за греховные дела наши гореть...

(Записано в 1911 г. в Москве от престарелого ресторанного официанта, работавшего ряд лет на Нижегородской ярмарке, Ивана Петровича Павлова.)

Отдельные слова и выражения

Как ярмарку затопило — в весеннее время, в период половодья, построенные на низменности здания Нижегородской ярмарки заливало водой Оки и Волги. Любимым занятием нижегородцев в этот период было «катание по ярмарке на лодке». Вода иногда достигала до второго этажа зданий.

Бразильский пассаж — название одного из пассажей Нижегородской ярмарки.

Бани Перлова — бани в соседней с ярмаркой слободе Кунавино, пользовавшиеся дурной репутацией.

Купальня Наумова — купальня на реке Оке, прикреплявшаяся к деревянному плашкоутному мосту, соединявшему город с территорией ярмарки. Плашкоуты — пустотелые деревянные сооружения типа баржей, стоявшие на якорях, игравшие роль поплавков для временно утверждавшегося на них моста. В ночное время мост этот в средней части разводился для пропуска речных караванов.

Бюро процессий похоронения Полушкина — местное нижегородское бюро похоронных процессий, принадлежавшее братьям Полушкиным.

Хозяин Журавлев — содержатель вместе с братом ресторанов и трактиров на Нижегородской ярмарке.

Сундучный ряд — особый торговый ряд с лавками, где продавались сундуки и иные укладки.

Ясно, что во время таких оргий обязанности официантов были нелегки, приходилось играть роль не только слуг при столе, но и нянек, успокоителей или

просто отрезвителей дебоширов. При этом нередки были случаи грубых выходок кутил. Сплошь и рядом, платя на другой день после отрезвления по большому счету ресторана, купец по привычке торговался, «выжимал» и давал на чай, не учитывая всех официантских забот, незначительную сумму.

Все доходы официантов шли в общий котел, или кружку, делившуюся по два раза в месяц. Сюда же полагались и все «приписки», если они имели место, т. е. лишние, полученные по счету с посетителей деньги. С последних шел «ноготь», т. е. известная часть конторщику, содействовавшему в их изготовлении.

Работая в ненормальной и нездоровой обстановке, официанты сами подвергались ее влиянию. Много было любителей выпить и «за себя» покуролесить на стороне.

От этого страдало брошенное в деревне «на жену и сродственников» хозяйство, тщетно ожидавшее денежных пособий из города. А слуга ресторана умел пожить. Однажды случайно я оказался приглашенным на одну из пирушек, где стол был накрыт и сервирован по-господски — с хорошими закусками, со многими сортами вин и даже букетом цветов. Это было устроенное группой официантов прощальное собрание перед отъездом с ярмарки. За полтора месяца «услуг» некоторые увозили по тысяче и более рублей. Впрочем, многое, вероятно, до места назначения — до дома — и не сохранилось, а разошлось на месте.

Пиршество приобретало для меня с бытовой стороны особый интерес еще и тем, что на нем присутствовали два городовых с поста, околоточный надзиратель, несколько лихачей и артисты эстрады. Околоточного заставляли танцевать, что, не стесняясь присутствием низших чинов, он охотно и залихватски проделывал. Без отношений с начальством, говорили мне, нам тоже нельзя!..

Жили официанты на общих квартирах, оборудованных по коечной системе. Находилась какая-нибудь предпринимательница, «хозяйка», как величали ее, снимавшая помещения, уставлявшая их койками и сдававшая право пользования последними на определенный срок. На ее же обязанности лежало разбудить вовремя спавших, приготовить «крахмальное

белье», вскипятить самовар и т. п. Столовались официанты всегда на работе.

Основным костюмом официанта были фрак, смокинг, реже — белая рубаха и такие же брюки. Первая стягивалась красным пояском с кистями, за который лихо затыкались лакированный бумажник с пуговкой и штопор. На плечо полагалась еще небрежно брошенная чистая салфетка.

Быт официантов ресторанов первого и второго разрядов сильно разнился от быта трактирных и чайных работников той же специальности. Это были две разные квалификации. Для перехода из одной в другую требовались знакомства и протекции, или, как выражались, «протяже». В ресторане «гуляли» и питались «достаточники», толстосумы, а харчевни, трактиры посещали нуждавшиеся мастеровые, крестьяне и мелкие служащие. Для последних требовался просто быстрый и расторопный «подавальщик», «человек», или «подносчик», для первых — вышколенный делец. Ресторанные, обладая той насильственной шлифовкой, которую требовала от подчиненного буржуазная культура, зарабатывали несоизмеримо больше, чем их низшие сотоварищи. Первый ловил полтинники, рубли и «зелененькие». т. е. трешницы, второй довольствовался медными пятаками и, в лучшем случае, двугривенными от своего же брата рабочего.

У иных профессий, близко стоявших к ресторану, как, например, у кухонных мужиков и баб, у буфетчиков, водогрейщиков, поваров, я записывал совершенно иные формы речи, далеко уходившие от образцов официантского арго. Но совсем особо говорили повара. Приведу для образца образное и витиеватое объяснение со мной одного из них:

— Вы над телятиной, господин ваше благородие, имею честь назвать, не смейтесь... Телятина — невинность в обеде меню, и вкус у ней такой. В конверт с фаршем из кур с сыром пармезан ее положить, чего говорить, блюдо скушаете. Фрикандо́ а ля Сюзерм на вертеле со шпиком языковым, в полуглясе́... к ней гарнир — свиная ножка, трюфель в крепинете, томат а ля фарш, в бешамеле огурцы... И все под соусом! Можно на постаменте из риса подать... Еще фрикандо из телятины знаем «вонике англез». Чудно! У графа

Олсуфьева в доме двенадцать лет прожил. Хрустады из лапши с монглясом под фрикандо тож идут. За мой обед жену можно бросить и всякие удовольствия забыть! Еда для нас — цель, господин ваше блогородие, имею честь назвать, ради вкусно что съесть, жизни кусок отдашь. Вкус — образование, тоже и развитие! Шарлатан какой и грибу копченому рад!

(Записано в 1905 г. от старого пароходного повара, бывшего военного. Имя, фамилия и прочие данные в материалах утрачены.)

Нет сомнения, что поварской лексикон строился по изощренным и вычурным наименованиям гастрономических блюд из меню стародавних поклонников «стильного» объедения и устроителей избранных многоперсонных трапез. Привезли его в быт нашего кухонного работника юркие иностранные метрдотели, основатели первых столичных ресторанов и кафе, кофеншенки, мундшенки и просто мастера, отправлявшиеся для обучения своему мастерству за границу.

Интересны были служебные правила для официантов или, точнее, ресторанные правила высокого тона, которые впоследствии несколько изменились.

Кушанья официант обязан был подносить левой рукой, на которой лежала салфетка, правой же он подавал их к столу. Исключения представляли случаи, когда приходилось подносить большой, заполненный заказом поднос, требовавший применения обеих рук сразу. При приеме заказа от посетителя салфетку полагалось иметь на левом плече, при подаче счета — на правом. Держание салфетки под локтем и неумение управлять ею считалось дурным тоном, характеризовавшим второклассный и более низкий разряд ресторана. Разговаривать с посетителем рекомендовалось внимательно, с серьезным лицом, как бы слегка согнувшись для поклона. В отдельные кабинеты, где собирались компании и делались обычно большие счета, посетители часто требовали или услуг распорядителя-метрдотеля, или просили направить для тех же целей хозяйку. Последнюю выбирали из числа наиболее ловких официанток, которая, сняв фартучек, садилась за общий с посетителями стол, раскладывала салаты, кушанья, распоряжалась вином, разливала по чаш-

кам кофе и следила за порядком. Хозяйка при этом имела право заказывать себе за счет компании любые кушанья, пользовалась полным угощением и награждалась сверх всего чаевыми. Каких-либо вольностей в обращении с хозяйкой не допускалось, ибо это считалось бы нарушением этикета солидного ресторана. Если мимо официантов или официанток проходил владелец ресторана, первые должны были вставать, изъявляя ему как бы особое служебное уважение. Но достаточно было официантам снять свой номерной значок или фартук, как правило это отпадало. Курьезно, что профессиональные знаки играли как бы роль военного мундира, а вставание уподоблялось военной строевой выправке и отдаванию чести.

Привожу еще образцы острословиц, имевших хождение среди официантов и посетителей первоклассных ресторанов и связанных с последними:

Как Ильюшкины дети — конюха поют!

(Записано в 1914 г. в Москве от ночного сторожа Зыковского поселка Петровского парка Тимофея Ивановича Сорокина. Ильюшкины дети — конюха — прозвище хористов загородного ресторана Ильи Арефьевича Скалкина.)

После смерти известного руководителя народными хорами Молчанова, славившегося хорошим составом певцов и умением управлять ими, вокалисты попали на службу к случайному в этой профессии лицу — ресторатору Скалкину. Последний обладал крутым нравом и сильно выраженными наклонностями к эксплуатации своих подчиненных. Приняв на себя обязанности дирижера и директора, он установил хористам жалованье от шести до восьми рублей ежемесячно, причем в обязанность певцов ввел еще чистку значительного количества лошадей своей беговой конюшни. За промахи и провинности Скалкин не стеснялся «отечески» избивать своих певцов, переносивших эти хозяйские обиды ввиду отсутствия других мест и возможностей применения своего труда.

Слепой хор — лучше зрячего!

(Записано в 1912 г. от посудника ресторанных кухонь, крестьянина Московской губернии Ивана Прохоровича Лебедева.)

Острословица, касающаяся известного народного хора, находившегося под управлением слепца Богданова. Хор этот выделялся своей стройностью и первоклассным составом.

Вроде он юровских точильщиков — что надо наточит!

(Записано в 1912 г. в Москве от ночного легкового извозчика, крестьянина Московской губернии Сергея Афанасьевича Ковалева.)

В острословице вспоминаются известные московским эстрадам гармонисты Юровы, создавшие в подражание приезжавшим на гастроли заграничным эксцентрикам особый номер программы под названием «Веселые точильщики». Номер этот заключался в том, что Юровы, одетые в крестьянские костюмы, выходили на сцену с приборами уличных точильщиков, являвшихся задекорированными музыкальными инструментами. После исполнения злободневного куплетного репертуара они пускали в ход свои «точильные станки» и аккомпанировали, таким образом, сами себе. Такое выступление создало артистам большую популярность, отмеченную даже в городских остротах. Позднее с Юровым выступал один из лучших «лапотных» комиков — Ф. Г. Курашев-Коссовский.

Эх, дирибиридернем, что ли, Петр Емельянович?

(Записано в 1910 г. в Москве от специалиста по очистке дымовых труб Ивана Степановича Клинтухова.)

Острословица связана с именем знаменитого русского гармониста Петра Емельяновича Невского. Скорее это «говорок», «болтушка», являющиеся воспоминанием о репертуаре этого артиста, выступавшего повсеместно и пользовавшегося громадной известностью. Пел он под миниатюрную гармонь своего типа и образца в числе разнообразного ре-

пертуара примерно следующее подражание народным частушкам:

Самовар из белой жести —
    Батюшки!
Не боится верблюда —
    Матушки!
Дирибиридернем, дирибиридернем —
    Батюшки!
Дирибиридернем, дирибиридернем —
    Матушки!

И т. д.

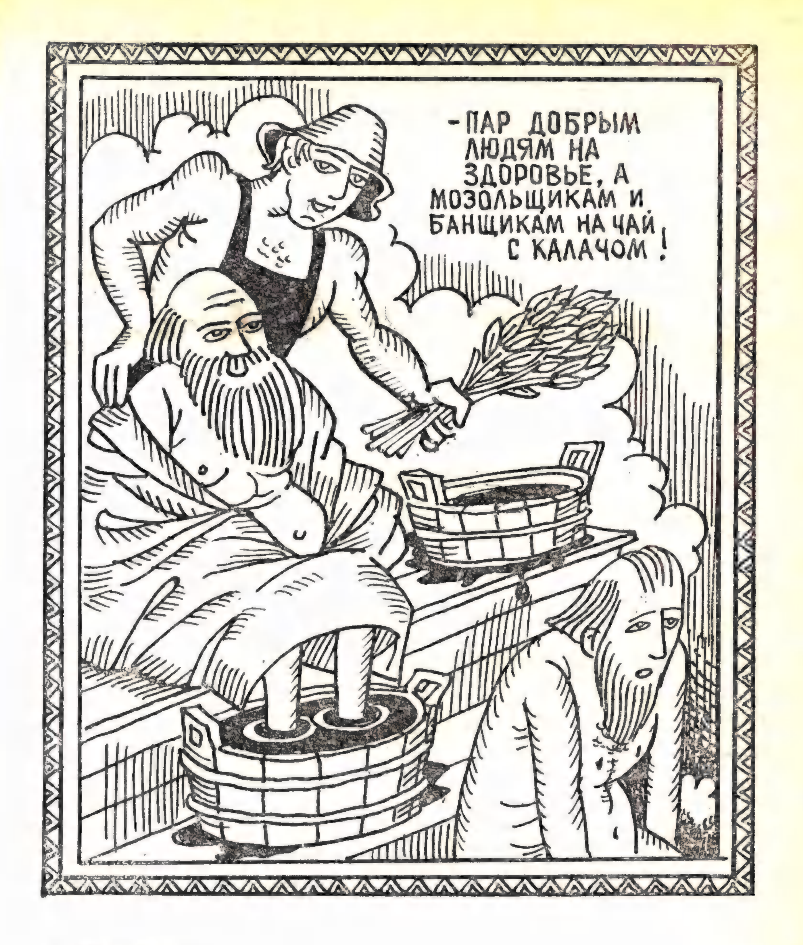
Знала П. Е. Невского не только привилегированная, но и народная аудитория.

Пьяным гостям — отец родной. Разденет, разует, причешет, спать уложит, с фонарем, чтобы не темно идти было, домой проводит. Благодетель московский — белая поддевка. Ему, говаривают, да приставу нашему — памятники, как Пушкиным, на бульварах поставят. Ждут, когда оба помрут!

(Записано в 1914 г. от встреченного в Москве ресторанного официанта Павла Ильича Кукушкина.)

Острословица относится к упоминавшемуся управителю народным хором, ресторатору И. А. Скалкину, занимавшемуся под покровительством полиции, как я упоминал ранее, разными темными делами вплоть до ограбления пьяных посетителей. Упоминание в острословице «белой поддевки» является указанием на постоянный костюм Скалкина. Острословица типично обрисовывает кабацкие нравы далекого прошлого.

БАНЩИКИ

В период 1905—1910 гг. при некоторых общих и номерных банях существовали еще срезчики мозолей, цирюльники — мозольные операторы, иногда заменявшиеся банщиками. При выходе посетителей из парильни, желая в понятных целях проявить к омывшимся особое внимание и любезность, произносили заученные приветствия.

С легким паром, с молодым жаром!

Легко вам попариться — желаем супруге понравиться!

Пар костей не ломит, а простуду вон гонит!

Прикажете мозольки теперь срезать, чтобы по делам большим вам было легче бегать?

Пар добрым людям на здоровье, а мозольщикам и банщикам на чай с калачом!

Мы только и ждем, когда наш пар добрым людям по скусу!

Мы вас потрем и поправим, а к празднику придем на дом поздравим!

Ваш пот — наши старания!

Семь радостей можно доставить: ноготки на ножках обстричь, ножки в тазу помочить, простынкой потереть, мочалкой растереть, хлебного духу дать, веничком побаловать, на диванчик положить и пивком или квасом услужить...

Такого богатыря помыть, что гору с места, ваше благородие, своротить! Хе-хе-хе... Иван Никанорыч очень старался и в надеждах не обманывается. Щедрому человеку отчего не постараться!

Веничек ваш домой завернем, чтобы сумления не становилось у хозяйки, где были?.. С легким паром-с!

Я кровь всем в городе отворял, вам бы очень полезно было... Теперь наше дело не в спросе и в запрете. Поздравляю вас с горячим полком, с березовым

веничком, с добрым здоровьицем и с будущим супружеским счастьем... Позволите мозольки снять и ногти на ножках срезать?

Очень разгорячены-с... Крепкий дух был сегодня! С легкого пару, без угару поздравить честь имею...

Вам ногти снять специального цирюльника или Ваню? Цирюльник у нас очень ученый человек, позвольте рекомендовать. Цирюльника желаете? Позвольте пожелать вам приятной операции после легкого пара!

За наш пар, за наше мытье придем к супруге вашей на чаек просить...

Если на кого сердились за ранее проявленную скупость, то осторожно иронизировали:

На квас с вашей чести, на винцо — со здоровьица!

С тела вы лебедь-с, а с души сухарек...

Мы вас потрем, а вы нас утрите. С легким паром-с!

Петя, чистую простынку для хорошего господина!

Все ли свое собрали? Чего из денег не забыли? Бельецо я сам свертывал, все в аккуратности...

Эх, на вашей спинке всё наше здоровьице и доброе усердие... И на том мы очень довольны...

Счастливо оставаться, богатеть вам и толстеть!

Пойдем мимо вашего ресторана, дозвольте, Пал Тарасыч, зайти вам поклониться?

Вы на нас не обижайтесь, коль не так усердствовали...

За честь вашего посещения нас — спасибо!..

Спасибо, с поклоном за ваше неоставление!

Сегодня ветрено-с и стужа, позвольте посоветовать воротничок у шубки, для предотвращения простуды, поднять. Будьте в здоровьи от наших слов и трудов!

Не поскользнитесь, ваше благородие-господин, когда выходить станете, сегодня ледок на приступке!

Без ямщицких прогонов через почтовую гостиницу...

Посидели бы еще, у вас от жару личико-с красное, распаренное, не простудиться бы на холоде...

Напрасно, сударь, ноготки в общий счет не велели себе состричь, жалеть после станете... Случай был!

Мы наше дело очень даже любим... Иной раз из своих бы заплатил, лишь бы хорошего господина помыть...

У нас дело не в доходе, а в совести! Кто что ни даст — за все спасибо...

У нашего брата дым с паровоза, а от хороших людей в кармане!

И на этом даре благодарим вас! За веничек еще с вас, а можем и так положить...

Как вас дома-то с радостью ожидают теперь на чай! В здоровьи придете и с сбереженьем...

У нас пропасть ничего не может, мы из собственной кассы за все, с дохода, платим.

Иногда, при расставании с неторoватым посетителем, банщики, с серьезной миной, проделывали еще следующую комедию. Быстро произносили: «Всего хорошего-с!» И, поднося к носу горсть правой руки, делали вид, что чихают в нее, при этом низко кланялись выходящему.

При посещении клиентов в предпраздничные дни на квартирах профессиональные банщики для получения чаевых говорили или каламбуры, или специальные стихотворения, или пели соответствовавшие дню праздника песнопения. Мне представился случай записать только следующее:

С Новым годом поздравляем,
Мир и благоденствие дому желаем —
Всему семейству с супругой и с детками,
С малыми ребятками...
Мы — ваши старатели,
А вы — наши добродатели...

Имеем честь поздравить и пожелать провести оные дни в добром здравии и благополучии... С Новым годом, сударь, с новым счастьем-с!

После произнесения всей цитаты, банщики, с унизительными поклонами, вынимали металлическое блюдо или поднос и, разложив на нем специ-

альные поздравительные картинки, предлагали взять себе одну на память. Одариваемый платил, конечно, за это втридорога.

(Записано в период 1905—1910 гг. от служащих номерных бань Ермолаева и Егорова.)

У тех же банщиков выполнялся очень своеобразный обычай приветствия своего постоянного посетителя, вступившего в положение молодожена, т. е. впервые появившегося для мытья после свадьбы. Как только такой новичок в супружеском счастье разоблачался и готовился войти из предбанника в первое, прохладное отделение бани, старший из занимавшихся мытьем посетителей поднимал вверх березовый веник и брызгал на входящего прохладной водой, приговаривая:

Зеленая роща
Шумела, шумела,
А Петра Никоныча (или иное имя приветствуемого) теща
Дома с дыму угорела...

Все банщики отрывались от своей работы, хватали в руки пустые деревянные шайки, ударяли в них костяшками пальцев и хором повторяли:

А мы дым гоним,
Жарку печку топим,
Молодого проздравляем,
Счастливо жить желаем!..

Старший подходил к молодому и с поклоном добавлял:

Петр Никоныч, с легким паром,
Все вас сегодня парим!
С законным браком,
С нареченной невестой-супругой!
Откупитесь от нас, горячих людей...

И тут же, не дожидаясь ответа, распоряжался:

— Ну, валяй свое дело, Петр Никоныч обещались, мы их штрафуем за то, что одни пришли и супругу обидели!

По окончании процедуры мытья Петр Никоныч должен был угощать всех банщиков, т. е. щедро дарить им на вино. За это в узел с бельем ему завертывали как обязательный подарок два свежих веника, две чистые мочалки и один крохотный кусо-

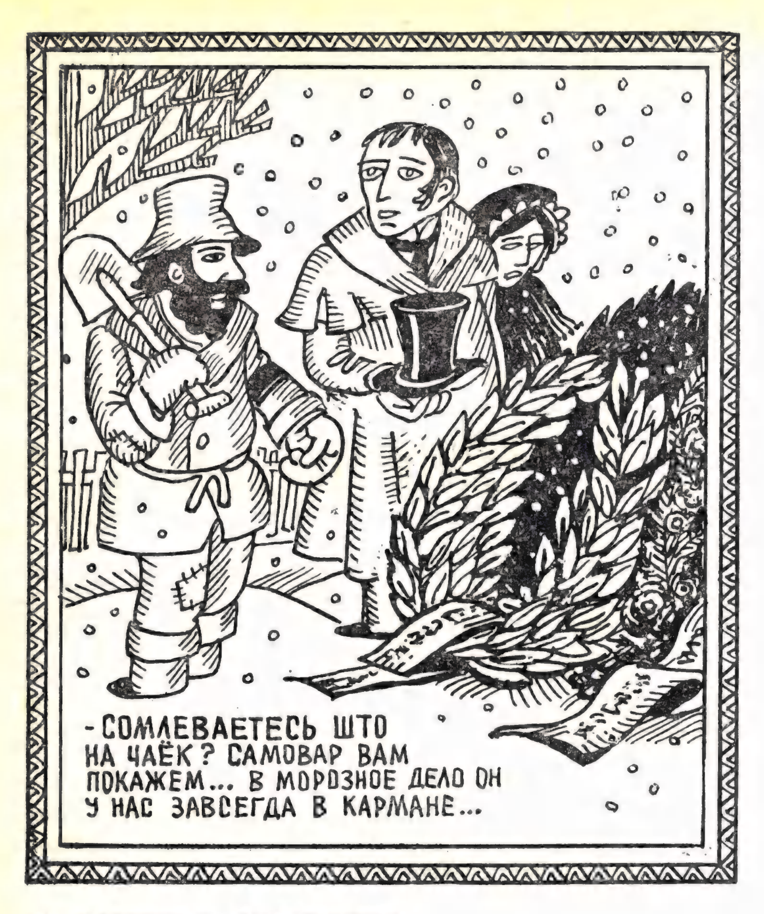
чек мыла. Обижаться на традиционное приветствие и тем более уклоняться от него не полагалось.

(Записано в 1907 г. со слов старого банщика Ермолаевских бань Степана Ильича Опарина.)

На старые, богатые и подчас заканчивавшиеся пьяным самодурством купеческие свадьбы по традиции приглашался, одетый в белоснежную косоворотку и в широкие, навыпуск плисовые шаровары, банщик, «пользовавший» молодого. Роль его сводилась к стоянию с полотенцем в руках во время общего пира при рукомойнике и в подаче молодому, на утро после брачной ночи, воды для умывания. Называли их «рукомойный фициант». На эту роль выбирался тот, чьими услугами регулярно пользовался до свадьбы женившийся. За «фициантом» старательно ухаживали, оказывали ему всяческое внимание, одаривали и обязательно напаивали вином до отказа. Для последней цели его иногда выводили на показ гостям, заставляя произнести громкое поздравление новобрачным, выпить полный стакан и капли, оставшиеся на дне, вылить себе на голову — в знак особого почтения к торжеству и пожелания брачащимся счастья.

Были банщики каламбуристы и чудаки.

ГРОБОВЩИКИ, МОГИЛЬЩИКИ И СМОТРИТЕЛИ ЧАСОВЕН

Доводилось мне слышать несколько любопытных остpословиц и от гробовщиков:

Волнует Петра баба, как могилу гроб!

Аксинью, рабу божию, покрыл поп Семен за рупь рогожею!

Гроб, бывало, на три полтины, справа (т. е. одежда) — ледящая, бабенка голосящая, в приход три

гривенника — на доход, двугривенный — попу Семену, две свечки — за шесть канонов, за ладан — сколько спросим, да псаломщику — копеек восемь. Вина штоф — сорок, рис — на кутью, изюм да тво́рог. Помереть и убранство по-честному, на тот свет получить за два рубля семь гривен можно было, покойного еще добро́м помянуть и нищей кладбищенской за упокой души грош в горсточку сунуть. Место — даром в сторонке, лопата да руки — свои... Было время!

Кладбищенские могильщики говорили:

Семерых сегодня хоронил, двоих поить к колодцу водил, трех младенцев в рай отправил и склеп старой бабушке поправил. Сына моя баба родила, деньги надобны — в деревню справить, бабу поправить, родных братьев жены угостить и себя ублаготворить жизнью грешной, доколе сам не помру...

(Записано в 1909 г. в Москве на Ваганьковском кладбище от неизвестного могильщика.)

На чаек как вопрошаете?.. Не пьют только на небеси, а здесь, кому хошь, подноси!..

Рыли могилку по совести... Никто упокойного не потревожит — на семь вершков глыбже законной... Впору для себя такую!..

Для себя впрок изготовляете, штобы с любезным многолетним супругом рядком представиться? Доброе дело! Изгородочку вот здесь ставите, а середь камень, будто уж померли и упокоились. Это дело в наших руках! Никто и не займет местечко... Когда сами помрем, у нас знакомство в том свете большое скажется — всем, по силе возможности, услужаем. Вон с Иваном Палычем архирея даже хоронили, а уж чиновных сколь... Рядком с супругом вашим с иной стороны пожарного дела бранмайор...

Пичужкам кутью на могилку покрошите. Пичужка супругу вашу спомянет и радость ей, покойной, даст. А теперь, ваше благородие, за упокой для почину выпить по вашему чину. Трудились много, в корни могилка вошла под деревцом... Всяко мы винтовали...

В отца место ваш покойный... Жалко-с?.. Как не жалко... Жалко всегда у пчелки на языке, а у человека на сердце-с...

И горели — не робели, а могилу нам сготовить завсегда не в труде...

Народ, народ, постой у ворот, подождь — мы для хорошего заказчика стараемся... Так ведь, господин?

Сомлеваетесь, што на чаек? Самовар вам покажем... В морозное дело он у нас завсегда в кармане. Без такого положения могильщик сам помрет, а кто ему ямку выроет?

Что-с вы говорите: в ногах узко? Да рази, господин, покойному пешком домой ходить али потягиваться?.. Все в порядке и по цене...

(Записано в период 1907—1909 гг. от неизвестных могильщиков московского Ваганьковского кладбища.)

Верите али нет, господин хороший, а мы настрахаемся в иной раз... Онамеднясь человека одного схоронили, так и по сей час в себя не придем. Морда-с у него такая, что и в гробу, в предцарствии лежащая кирпича просит. Носик только посинел... Правое слово даю — спросите, коли не верите, наших. Из прасолов он, из по мясному делу специялистов. Помер человек, в иной мир отошел, а на роже такая краснота, что живому дай бог. Кровь

скотинную пил. Ровно вот встанет и тиснет по уху. Сказывали, что силен был: тушу, изволите видеть, без какой иной помочи один на крюк вешал. Тушу коровью али бычью... А сколь в ей — не знаю, только много. А помер с опою, лишнего испил и помер... Вот наша жизнь какая! Сродственники толковали, что из гроба вставал и по ихней квартире ногами ходил. Оборотень! Такие бывают... Ему и земли нипочем... Когда крышку ему прибивали, так Василий Сидорович сам видел, как он рожу сморщил, будто чихать желание имел. Вы на слова мои, господин, не смейтесь. У нас практическое дело за много лет, всяко видывал. С упокойным тоже всякое в вежливом положении поведение. Возьмет и чихнет, а живой человек умом срешится... Выходит: помереть не помрет, только время проведет по нечистого духа вразумлению...

(Записано в 1908 г. от могильщика московского Семеновского кладбища Ивана Ивановича Попкова.)

Чудак один гроб себе ореховый с футляром дубовым заказал, и весь резной с ангельским сонмом, а нутро — парча от Сапожникова... Первый сорт товар! Рассказывали: в ём для покрытия грехов спал, в ём и хоронить заказывал. Только родственники, братец да внучек, смишулили. Гроб продали бюру похоронному на выставку в окно, а схоронили в футляре. Жадны очень... Им упокойный капитал даже завещал и торговое дело в первой гильдии... Покоя усопшего лишили... Рази в футляре такое лицо пристало по чину хоронить? В футляре тело из стороны в сторону непочтительно перед предстоянием движется, особливо когда если в могилку опускать... Дармоеды — не родня! Хоть бы простой сосновый, а всё гроб, в футляр воткнули... И нам на чай чуть посыпали... Вот что бес-от с людьми живыми делает!

(Записано в 1909 г. в Москве от могильщика кладбища у Семеновской заставы Ивана Севостьяновича Холодкова. «Парча Сапожникова» — парча московской фабрики Сапожникова, считавшаяся одной из самых высоких и ценных по качеству.)

На московском Лазаревском кладбище долго сохранялось интересное надгробие: могила, обложенная железными плитами, литой металлический крест, с которого спускаются две, соединенные жалами змеи. По плитам надпись: «Отцу и матери от сына». Это могила купца Сандунова. С ней связана следующая легенда. В начале прошлого столетия у богатого купца Сандунова был сын — бравый гусарский офицер, беспутный кутила, растратчик отцовских денег. Это, конечно, вызывало особое неудовольствие отца и матери, отличавшихся болезненной скупостью. При жизни купец Сандунов заказал себе гроб со всеми погребальными принадлежностями: с дорогим покровом, подушкой и пр. Умер Сандунов, хоронила его жена. Вскоре умерла и она. Приехал гусар за наследством, но нигде не мог найти следов денег и ценностей. Обвинили в краже живущую много лет в доме прислугу, но и от нее ничего не допытались. Решился гусар на крайнее средство — добился сложного для того времени разрешения вскрыть общую могилу родителей. В подушках он нашел все их состояние. Это якобы и послужило темой для надгробия, в сооружении которого заключалась месть обиженного.

— Две змеи-с — это мать с папашей, если в образе и подобии человеческом суждение находить. Только от змеи-с змеенышу и рождение иметь. Змея-с горлом дите свое изрыгает. Поганая гадина, а умственная, знает, кого и в какое место кусить. Скупого в сердце-с, а дурачка-с — куда попадет.

Часовня для мертвых тел при старых полицейских участках — совсем в наше время забытое и навсегда ликвидированное учреждение. В провинции их называли иногда «морг», чаще «покойницкая», «мертвецкая», «отходная», «убогий дом» и «божий угол». Собственно, все учреждение состояло из ветхого, старого, гнилого сарайчика или из специально пристроенной к казенному зданию неотапливаемой комнатушки, не имевшей для проветривания ни форточки, ни окон. При приближении к ним в летнюю пору вас обдавал смрад, запах гнили, плесени, затхлости и иногда ладана. Смесь этих арома-

тов заставляла брезгливых поспешно, зажав нос, удалиться. Обстановка часовен была самая упрощенная. Несколько простых, не прикрепленных к стенам деревянных скамеек, подобие нар на козлах, посредине стол, обитый ржавым железом, и в правом углу две-три почерневшие от времени пожертвованные доброхотами иконы. За ними — сухая верба, полинявшие бумажные цветы и записочки с молитвами. Везде, где только возможно, тела на скамьях, нарах и просто на не знавшем мытья полу. Вид жуткий, отталкивающий, вызывающий отвращение. Следует добавить к этому, что в ясный день возле кружатся стаи крупных, жирных, переливающихся на солнце сине-радужным цветом мух. Насекомые суетливо ползают по лицам невольных «клиентов», концентрируются на складках их глаз, рта и делают попытку садиться на входящего. Все это травмирует нервного и впечатлительного человека.

Обслуживались божьи углы инвалидами, старыми солдатами и просто «призреваемыми» богаделен. Числились они на службе при полиции, получали ничтожный оклад, крохотную квартиру и существовали большею частью за счет денежных подачек от родственников умерших, с доходов от обмывания тел, назначенных к церковному погребению, и от продажи носильного платья, снятого с «скоропостижных и безродных».

В прежние времена примитивность хранения мертвых тел, протокольное оформление дознаний о смерти, перевозка «вещественного доказательства» из одного участка в другой доходили до курьезности. Пока тянулось следствие, хоронить было нельзя, а время для полицейской канцелярщины исчислялось месяцами. Иной труп, особенно в жаркое время, без предохранительных мер, разложится до неузнаваемости, и только тогда соберутся его анатомировать. Замораживание не практиковалось. Бывало, что вскрывали, ввиду полной невозможности совершить эту процедуру над совершенно раскисшими останками, вместо одного — другого, лишь бы оформить бумажную переписку. Подобранных на улице мертвецов для опознаний «гоняли» на городской управской кляче из участка в участок,

пользуясь для этой цели одним, хранившимся всегда при часовне, видавшим виды за многолетнюю службу, простым сосновым гробом.

На санитарные условия «следственно-покойницкого» дела, конечно, не обращалось никакого внимания, и находилось оно в первобытном, доисторическом состоянии, распространяя по городу, в лучшем случае, зловоние, а в худшем — заразу. Посещая морги в провинции, я долгое время не мог отделаться от чувства отвращения и боязни получить какое-либо заболевание. Оригинальный типаж служителей часовен заставлял, однако, забывать и об этих неприятностях. Особенно памятны мне некоторые, кажущиеся теперь редкими, фигуры.

Прохорыч, отказавшийся сообщить свою фамилию, сторож нижегородского морга, с которым я встречался до 1907 г. Старик лет семидесяти, семидесяти пяти, здоровый, сильный, не имевший во рту ни одного испорченного зуба, упорно неразговорчивый, мрачный и с большой солидностью относившийся к своему делу. Прохорыч был безродный солдат из кантонистов, отбывавший в молодые годы наказание в тюремном замке. Происходил он, по слухам, из мещан города Сергача Нижегородской губернии.

Безногий рябой матрос волжской речной полиции — Иван Петрович Сапогов из Казани, отличавшийся редкой небрезгливостью, цинизмом и горький пьяница, никогда не расстававшийся с самодельной, набитой крепким литовским табаком, трубкой. Встречал его я в 1904—1906 гг.

Порфирий Ильич (без фамилии) — муромский «хоронильщик и телообмывщик», как звали его. Ветхий, худой, всегда кашлявший сердитый старик, служивший когда-то камердинером при владимирском губернаторе и получивший за это должность «смотрителя» по протекции. Порфирий Ильич носил по старинке бакенбарды, свисавшие до груди, старательно обривал усы, подбородок и причесывал по-чиновничьи «виски вперед». Встречи мои с ним происходили в 1905—1907 гг., когда этот человек хвалился семидесятидвухлетним жизненным стажем.

Старик при 1-й Тверской полицейской части Мо-

сквы, рекомендовавший себя «тельным сторожем», имя и фамилию которого я утратил. Занимался он своей специальностью до 1918 г., и встречи мои с ним сравнительно недавние.

Слушая этих людей, я и сделал короткие записи, казавшиеся мне наиболее характерными.

Имею честь быть младшим унтер-офицером 4-го Сибирского стрелкового полка. Всю службу превзошел: шесть медалей и «Георгия» имею. Пенсия идет и, по настоящему положению, жалованье. Звали в городовые, а я сам сюда. С покойными самому покойней! Кто знакомые к мертвому телу придет, доход имеем...

Наше дело малое, коли прикажут, отдадим покойничка. Нам его не беречи для богатства, сами, будет время, помрем...

На воле жарко, солнышко, усопшие и стухлись!

По шесть месяцев, бывает, лежат... Другого всего червяк измучает, а все лежит — до распоряжения...

У его супружницы волосы кто-то срезал, а он на меня драться. Я в суд подавал... Замирились на пятерке!

Я его в гроб хотел ложить, голова и отвалилась, а шейка, ровно живая, по полу поползла. В жару четыре месяца хранили!

Разубеждением в жизни помер от веревки...

Нераскаянный висельник с чердака...

Сними покрышку с головы, здесь божья икона. Вот твой братец — в целости; посинел малость, так это не от нас, а от себя...

Нет, нос у них в порядке... Это при жизни кто ткнул. Голого так и привезли — без порток...

А ты мужа ищи, который не помрет!..

Гроб наш сейчас в Пятницкой части, к вечеру вернется...

Ну и прощай! Сам сюда — пятками вперед — не жалуй! Катись... Не смеешь меня оскорблять, я при полиции служу! Сам ты вор, и еще от такого слышу...

Служба ничего себе, казенная, только, без доходу от сродственников, бедная...

Дитёв легко посмешать, что и бывает! Коли сопреет — все едино кого сдать, лишь бы естественным полом соответствовал...

Она без туфлёв и была. На кой мне пес ваши туфли! Скажи спасибо, что мертвое тело сберегли, невежа... От таких, как ты, одни клявзы!

Двадцать два скоропостижных. И не берут! В морг их на анатомию бы студентам резать. Куда класть? Вот и ворочай тут мозгами!

Ладно и в сарае отлежится, из него вода повыльет. Водяная болезнь... Кто говорит? Я говорю,

лучше твоего дохтура знаю. Так с рогожкой и оставь...

Вспух человек, и боле ничего — какая же противность? В кажном из нас естественные дрожжи...

Младенца в печатную грамотку завернут и мертвого бросают. Эх, бессовестные, из своего брюха, а не жаль!

Для человеческого здоровья приказано было холерных в известку кунать...

Гроб нам новый управа в третьем году купила...

Фёршалы луче дохтуро́в требушину мастера видеть...

Не нашел здесь? В оврагах за городом поищи...

Здесь не картошкой торгуют, а мертвых людёв сберегают!

Чево жую? Хлебушко-калач в узелке при покойном сохранился. Он без описи, протокола на него не составлено...

Господин пристав распорядились от заражения анатомическое вскрытие разрезать...

От мальчишек отбою, от сволочей, нет! Камни в окна швыряют и лаются. До чего паршивцев распустили! Меня архиреем дразнят...

Рубашка на тот свет дело простое. Своей бабы нет, моя сошьет. Саван... Из коленкору хочешь или полотняный? Он тебе кто? Братец! Не пожалей из полотна! Последнюю радость ему творишь... Подожди, запру часовню и переговорим...

Обожди, говорю, анатомию там два хвершала делают, чтобы покойный не сбёг...

Я казенный человек и двадцать два года на своем деле. На мое дело не всякий польстится... Без нас и покараулить тело некому!

Привычка, ваше благородие! Мне все едино.... Вы вот брезгаете, а я здесь отобедать могу. Такие же люди, только без дыхания!

Протух? Как не завонять! Ты на второй месяц спохватился, что супруга умерли. Искал? Сюда бы прямо шел... Эх ты, голова садовая, с девяти утра пьяный! Горе...

Пес его знает кто такой. Подобрали со двора... Мертвый, одно слово, не встанет!

Дочка ваша на улице померла... Как фимилия? Сычугова? Дай я на записочку посмотрю... Есть такая! Иди сюда, не запнись о горшок... Ай, ай жалость какая! Молодешенькая вовсе. Я постарался похранить, на скамеечку положил... Не плачь, матушка, все у бога будем! Чувствовал, землячка, что старание мое ты почтешь!

Это старуха безродная. Третью неделю лежит. Ей крысы ухи и щеку отъели. На тот свет и без этих вещей можно...

Здесь дело сурьезное, с безобразием я не пущу, хоть сам губернатор будь!

Чего нас записывать?.. Мы живые и ни у кого не в подозрении!

Мое сердце нежное привычное к запаху!

Платье и то пропахнет. Я в участке передеваюсь... Мне полагается фартух и пожарное обмундирование, а их и на духу нет. Ни разу и в глаза не видал, какие они такие. Кто-то себе пришил к ногтю...

Я не оскорбляю тебя, а плеваться в казенном отделении дохтура не позволяют. Может, ты с чахоткой...

За господи-то помилуй заплатить чтице надобно. Только здесь не читают!

Что я тебе — архирей молитву читать? Я не монашка, позови монашку из Крестовоздвиженского...

Ваше благородие, Анисимов разложился и стух — терпенья нет! Прикажите в Мясницкую отослать на опознание?..

Я турецку кампанию помню... Вот где мертвых-то было! Всякого сорту, милый, иди и выбирай!

За обмовение мы, верно, возьмем. Можем просто из ведра или сикушки, а можем и мочалкой с пальцем. Все грехи смоем! Тебе как постараться — для храма божия?..

(Записано в период 1906—1918 гг. от смотрителей и сторожей часовен для мертвых тел в Москве и других городах.)

Кто мочалку мою взял? Два года вещь служила на людей, а, на вот тебе, черту понадобилась. Жулики, сволочи... прости, господи, и помилуй согрешения! Не велят ругаться, а как обойтись с сукиными сынами?

Свечку?.. Ну, ничего, зажги в головах. А то лучше мне дай денег, я канону у Косьми и Домиана поставлю. Так у нас делают, мне перепоручают. Для мертвого — канону лучше, полезнее.

Да чего ж с мухой сделаешь? Муха, муха и есть... Сильнó летом одолевают, если двери открывать, а в сырости и в темноте она тоже не обожает быть. Ей, стерве, на солнце надо поиграть, вострухе! Погрызет свое и улететь просится...

У нас имеется свой поп, который присягу снимает...

Панихиду на дворе, при выносе, поп отслужит. Здесь воздух тяжелый для молитвы...

Незаконнорожденными беременела...

Когда их превосходительство скончались, ее превосходительство — вдова, госпожа губернаторша, меня за мои заслуги по прежней памяти омывать тело вызывали и много носильного от его превосходительства одарили. Две подушки дали, еще туфли, шитые в крест разными шерстями, и тюфяк, на котором кончину приняли. Мыли водой с рейнским...

Не плюйся, свинья деревенская, на свое подобие! Ишь ты, братца искать пришли... Да твой братец в Сибири, на каторге, в парше утонул!

Ты бы помылся или руки помыл. А я в субботу в баню пойду...

По совести скажу — попадает дело. Иной раз богатый или со сродственниками к нам в компанию втешатся. Мы в похоронное бюро знать даем, они, с заказа, гривенник на рупь нам плотят...

В протоколе писано «баба», а прислали безногого мужика. Вот какое невнимание! А я, не глядя, расписался, что принял. Малограмотный... Где бабу взять? Хоть в пору купить... К приставу, не иначе, доведется доложить...

Какая-то баба, для колдовства, берет у нас щепочку от управского гроба. Нам жалко, что ли, для дуры! А впрочем, кто ее знает, може, и умнее нас...

Великоват гробик привезли... Мы чистой соломцы на дно постелем, тельце выше оттого лягит...

Комара-то тридцать семь попов хоронили,
Три дня в колокола все звонили,
Пять архиереев провожало.
Сто собак впереди бежало.
Яму вырыли комару глубоку,
Положили ему в головы луку и чесноку,
А за его комариную проказу
Поднесли нам винца и квасу.

Запишите, что это сочинение нашего полка бомбардира Павла Павлыча Дегтева. Мой товарищ был, вместе служили. Любил почудить и выпить...

Что мне околодочный, я докладываю самому помощнику пристава. Я человек ответственный за свое дело... За всю часовню отвечаю, имущество мне по описи сдано...

ПРИМЕЧАНИЯ

По первоначальному замыслу Е. П. Иванова (середина 1930-х гг.) все собранные им материалы входили в обширный «Скоморошний сборник», первая часть которого была посвящена зрелищно-театрализованному скоморошеству, а вторая — «бытовому» (см. предисловие, с. 19). В послевоенные годы автор материалы второй части выделил в самостоятельную книгу под общим заглавием «Красное крылатое словцо. Быт, речь и юмор русского народа». Книга эта состоит из двух разделов. Первый, публикуемый в настоящем издании, посвящен городу, и прежде всего Москве[1]. Во втором автор рассматривает профессионально-цеховые организации деревни. Туда входят такие главы, как «Кожевенники», «Клеевары», «Макальщики и формовщики сальных свеч», «Обечники, или обечаечники», «Угольщики», «Дегтекуры» и др.

Текст печатается с небольшими сокращениями в тех случаях, когда острословица, приведенная в авторском тексте, повторялась снова в записях речи или словариках. В примечаниях даются пояснения некоторых реалий, отсутствующие у автора. Сигналом отсылки к примечанию служит звездочка.

С. 48. *Верхние торговые ряды* — одно из крупнейших зданий старой Москвы, построенное на Красной площади в начале 1890-х гг. по проекту академика А. Н. Померанцева на месте бывшего Гостиного двора (ныне здание ГУМа).

С. 56. Правильно: *ватерпуф* — непромокаемое женское пальто.

С. 58. *Сухаревка, или Сухаревский рынок* — находившийся на Б. Сухаревской площади (ныне Б. Колхозная пл.) рынок, с середины XIX в. являвшийся торговым центром букинистов, а также продавцов предметов старины.

С. 60. *«Крестный календарь»* — популярный в 1870—1880 гг. календарь,издававшийся в Москве А. А. Гатцуком (1832—1891). Первое издание вышло в 1866 г.

«Былое» — исторический журнал (сборники), выходивший в 1900—1907 гг. в Петербурге (в 1908 г.— под названием «Минувшие годы»). *«Правда»* — ежемесячный социал-демократический журнал, посвященный вопросам литературы, искусства и общественной жизни, выходивший в 1904—1906 гг. в Москве. *«Перевал»* — «журнал свободной мысли», издававшийся в 1906—1907 гг. в Москве.

С. 63. *П. Д. Боборыкин* (1836—1921) — русский писатель, известный необычайной литературной плодовитостью.

С. 64. *Китайгородская стена* — крепостная кирпичная стена, сооруженная в 30-х гг. XVI в. Проходила по линии площадь Революции — проспект Маркса — Старая и Новая площади — Китайский проезд — Москворецкая набережная. В XIX в. в ней было пробито несколько проломных ворот. *Никольский угол* — начало Никольской улицы (ныне ул. 25 Октября).

Лицевые книги — рукописные книги, украшенные миниатюрами, в отличие от рукописей с одними заставками.

С. 68. *Знаменка* — ныне ул. Фрунзе.

---

[1] Отдельные главы публиковались в периодической печати: в журнале «Москва» (1963, № 1, № 2 и № 8) — «Букинисты и книжники», «Московские антиквары», «Иконники»; «Книжной торговле» (1966, № 9) — «Московские букинисты»; в «Общественном питании» (1966, № 7—8) — «Ресторанные половые»; в «Службе быта» (1972, № 12) — «Портные» (фрагменты под заголовком «А портняжки так...»).

И. И. Леонов — см. также с. 75.

С. 70. *Никитская* (Б. Никитская ул.) — ныне ул. Герцена.

С. 71. *...народные сытинские издания* — издания крупнейшего издателя дореволюционной России И. Д. Сытина (1851—1934) — календари, учебники, детская литература, лубочные книги, серия народных книжек «Правда» и главным образом дешевые книги издательства «Посредник», образованного в 1884 г.

С. 72. *Неглинный проезд* — ныне ул. Неглинная.

Мясной пер.— с 1907 г. Последний пер.

Звонарский пер.— ныне 2-й Неглинный пер.

Сухаревский пер.— Сухаревские Б. и М. переулки, бывшие Б. и М. Колосовы переулки, сохраняют название находившейся поблизости Сухаревой башни.

Толбинский пер.— с 1907 г. Цветной пер.

С. 74. *Леонтьевский пер.*— сейчас ул. Станиславского.

С. 77. *«Нива»* — иллюстрированный еженедельный журнал, один из самых популярных в России. Издавался в 1870—1918 гг. в Петербурге.

С. 79. Известный фельетонист В. М. Дорошевич, будучи студентом, у одного из издателей Никольского рынка выпустил «второго» «Тараса Бульбу». Один экземпляр этой книги хранился у зятя В. А. Гиляровского В. М. Лобанова.

С. 84. *Задачники Евтушевского* — популярный «Сборник арифметических задач» известного педагога В. А. Евтушевского (1836—1888), выдержавший к концу XIX в. свыше тридцати изданий.

С. 84. *Н. С. Тихонравов* (1832—1893) — профессор Московского университета, с 1890 г.— академик, историк литературы и археограф.

С. 89. *И. Н. Потапенко* (1856—1929) — русский писатель, пользовавшийся популярностью в 1890-е гг.

С. 89. *М. Н. Загоскин* (1789—1852) — русский писатель, один из родоначальников русского исторического романа.

С. 91. *«Собрание арифметических задач», «Руководство алгебры и собрание алгебраических задач»* — известные учебные пособия А. Ф. Малинина (1834—1888) и К. П. Буренина (ум. в 1882 г.).

С. 92. *«Вестник Европы»* — историко-политический и литературный журнал, выходивший в Москве в 1866—1918 гг. *«Исторический вестник»* — историко-литературный журнал, выходивший в Петербурге в 1880—1917 гг. Публиковал преимущественно статьи на исторические и историко-литературные темы, документы, мемуары. *«Нива»* — см. примеч. к с. 77.

С. 93. *Растрепе муа* — ироническая имитация французского языка. См. об этом в главе «Цирюльники и парикмахеры».

С. 113. *А. П. Бахрушин* (1853—1904) — библиофил и коллекционер, автор книги «Из записной книжки А. П. Бахрушина. Кто что собирает» (М., 1916).

С. 115. *Калитники* — Калитниковское кладбище в Москве (Б. Калитниковский пер.).

С. 116. *Лефоше* — французский оружейный фабрикант, изобретший в середине XIX в. охотничье ружье, а затем и револьвер, заряжавшийся с казенной части.

С. 117. Неясно, кто имеется в виду: *П. И. Щукин* (1853—1912), собиратель предметов старины, книг и рукописей, или его брат *С. И. Щукин* (1854—1936), создатель коллекции западноевропейской живописи, легшей в основу фондов Музея нового западного искусства (ныне Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина).

С. 119. ...на *Сушку* — т. е. на Сухаревку, на Сухаревский рынок (см. примеч. к с. 58).

С. 121. *Ардлей Нортон* — английский часовой мастер XIX в.

С. 128. *Кракелюры* — трещины в красочном слое произведений живописи. О создании искусственных кракелюров в целях фальсификации см. на с. 134 и 143.

С. 134. *Стекло с фацетом* — т. е. с окаймляющей шлифованной полосой, скошенной к краю и образующей с ним тупой угол.

С. 142. *Левкас* — смесь мела или алебастра с клеем для грунтовки иконописной доски перед письмом.

С. 155. *И. С. Барков* (ок. 1732—1768) — поэт и переводчик; известность получил в основном как автор скабрезных стихов и поэм, распространявшихся в списках; Баркову часто приписывались позднейшие сочинения такого рода.

С. 156. *Калиостро* (1743—1795) — известный авантюрист, мистик и чародей-шарлатан, выдававший себя за медика, владельца тайны философского камня, эликсира жизни и т. п.

С. 163. *«Кислые щи»* — сорт кваса (из ржаного и ячменного солода и пшеничной муки).

С. 165. См. главу «Курьезные тексты вывесок».

С. 173. *Платон Памфилович Иванов* родился около 1850 г.

С. 178. *«На то испанец он»* — куплеты из комической оперы Ж. Оффенбаха «Птички певчие» («Перикола»).

С. 189. *А. М. Пазухин* (1851—1919) — беллетрист и драматург.

С. 196. *Н. М. Баранов* (род. в 1837) — генерал-лейтенант, губернатор в Нижнем Новгороде в 1885—1897 гг. При нем была знаменитая холерная эпидемия 1891—1892 гг.

С. 206. *...с белой головкой* — с водкой.

С. 215. *Ремонтер* — офицер, занимавшийся покупкой лошадей для пополнения их убыли в войсках.

С. 238. *В. И. Родон* (настоящая фамилия Габель, 1846—1892) — опереточный артист, с 1877 г. был в труппе М. В. Лентовского.

Андрей Бурлак (настоящее имя — В. Н. Андреев-Бурлак, 1843-1888) — актер и чтец; играл в театре Ф. А. Корша, руководил Пушкинским театром, много гастролировал по провинции.

Михаил Валентинович Лентовский (1843—1906) — актер и антрепренер, известный экстравагантностью своих манер и внешности.

П. М. Медведев (1837—1906) — драматический артист, режиссер и антрепренер. Служил в театре Корша, затем в Александринском театре.

С. 252. *Кутафья башня* — одна из кремлевских башен (имеет сквозной проезд на Манежную улицу). Построена в начале XVI в.

С. 255. Имеется в виду одна из всемирных международных выставок, происходивших в разных столицах, в том числе в Париже, начиная с 1851 г. Говорящий мог иметь в виду парижские выставки 1855, 1867, 1878, 1879 или 1890 гг.

На фронтисписе портрет Е. Иванова 1915 г. работы Д. Бурлюка.

СОДЕРЖАНИЕ

ИБ № 3280

Евгений Платонович Иванов

МЕТКОЕ МОСКОВСКОЕ СЛОВО

Научное редактирование, вступительная
статья, примечания
А. ЧУДАКОВА

Заведующий редакцией *Ю. Александров*
Редактор *К. Стародуб*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Л. Беседина*
Корректоры *М. Калязина, А. Конькова*

Подписано к печати с матриц 16.08.85. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Журнальная». Печать высокая. Усл. печ. л. 16,8. Усл.-кр. отт. 17,43. Уч.-изд. л. 14,61. Тираж 100 000 экз. Заказ 994. Цена 1 руб. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8. Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

" ВЫРАЖАЕТСЯ СИЛЬНО РОССИЙСКИЙ НАРОД! И ЕСЛИ НАГРАДИТ КОГО СЛОВЦОМ, ТО ПОЙДЁТ ОНО ЕМУ В РОД И ПОТОМСТВО, УТАЩИТ ОН ЕГО С СОБОЮ И НА СЛУЖБУ, И В ОТСТАВКУ, И В ПЕТЕРБУРГ, И НА КРАЙ СВЕТА. "

Н.ГОГОЛЬ

Е. ИВАНОВ МЕТКОЕ МОСКОВСКОЕ СЛОВО